

Robin S. SHARMA

РОБИН ШАРМА

*Книги
Робина Шармы
помогают людям
во всем мире
проживать жизнь,
достойную великих.
Пауло Коэльо*

9 ТАЙНЫХ ПОСЛАНИЙ ОТ МОНАХА,

КОТОРЫЙ ПРОДАЛ СВОЙ ФЕРРАРИ

«9 тайных посланий от монаха, который продал свой «феррари»»: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-088684-5, 978-5-17-088685-2

Аннотация

От автора мегабестселлеров, изданных в 54 странах мира! На страницах этой книги вы снова встретитесь с монахом, который продал свой «феррари». Под его руководством вы вместе с героем книги побываете в Турции, Китае, Японии, Канаде, Испании, Мексике, Индии, Америке, Франции в поисках девяти сакральных талисманов. Вместе с талисманами вы получите девять загадок, девять историй, девять истин, каждая из которых приблизит вас к подлинному смыслу жизни, настоящему счастью, волшебству, успеху.

Отличная книга для всех, кто хочет прожить жизнь, о которой мечтал!

Робин Шарма

9 тайных посланий от монаха, который продал свой «феррари»

© Robin Sharma, 2011

© Перевод на русский язык: Кочанова Т. А., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Книги Робина Шармы помогают людям во всем мире проживать жизнь, достойную великих.

***Пауло Коэльо,
автор бестселлера «Алхимик»***

Робин Шарма обладает редким даром писать книги, которые в самом деле меняют жизнь.

***Ричард Карлсон,
автор книги «Не переживайте по пустякам»,
бестселлера № 1 по версии «Нью-Йорк Таймс»***

Сенсация, ни больше и ни меньше! Эта книга станет для вас даром небес.

***Марк Виктор Хансен,
соавтор серии книг «Лекарство для души»***

С точки зрения умения вдохновлять, это великая книга!

***Карлос Дельгадо,
звезда Главной лиги бейсбола***

Проливает свет на главнейшие вопросы бытия.

The Edmonton Journal

Простые правила, позволяющие развить свой потенциал.
The Halifax Daily News

Это веселое и увлекательное путешествие в царство личного роста, развития личного потенциала и стремления к личному счастью. Подлинная сокровищница мудрости, способная обогатить и расцветить жизнь каждого из нас.

Брайан Трейси,
автор книги «Достижение максимума»

Робину Шарме есть что сказать нам всем, и его слова изменят нашу жизнь. Он написал уникальную книгу – учебник по развитию личного потенциала в наш беспокойный век.

Скотт Дегармо,
в прошлом – издатель «Саксесс Мэгезин»

Настоящее сокровище, красивая и действенная формула подлинного счастья и успеха. Робин Шарма впитал мудрость тысячелетий и приспособил ее к нашим бурным временам. Я бы так не смог.

Джо Тай,
автор книги «Never Fear, Never Quit»

Эта книга – цельная, полезная и всецело достойная прочтения... Она и в самом деле способна помочь читателям выжить в крысиной гонке.

The Kingston Whig-Standard

Эта книга – о том, как понять, что в самом деле важно для твоей духовности, вместо того чтобы тонуть в болоте материальных приобретений.

Мишель Йео,
*актриса, исполнительница главной роли
в фильме «Крадущийся тигр,
затаившийся дракон»*

Робин Шарма создал чарующую историю, в которой содержатся классические инструменты перехода к философии простой жизни. Прекрасная книга, которая изменит вашу жизнь.

Элейн Сент-Джеймс,
*автор книги «Будьте проще! 100 способов
изменить свою жизнь к лучшему»*

Простая мудрость, которая придется кстати каждому.
The Calgary Herald

Робин Шарма предлагает торный духовный путь, а вместе с ним и реализацию личного потенциала.

Ottawa Citizen

Эту книгу можно назвать «Богатым брадобреем» личного роста... В ней вы найдете полезные советы и умные мысли о важнейших понятиях, которые помогут нам привести в свою повседневную жизнь равновесие, контроль и продуктивность.

Investment Executive

Шарма ведет читателей к просветлению.

The Chronicle-Herald

Изумительная притча, таящая в себе набор простых, но на удивление действенных идей, призванных улучшить жизнь читателя. Рекомендую эту жемчужину среди книг всем своим клиентам.

Джордж Уильямс,

президент «Карат Консалтинг Интернешнл»

*Дойди до горизонта! И когда ты дойдешь, перед тобой
откроются новые дали.*

Томас Карлайн

Пролог

Мой молчаливый проводник поспешно шел впереди меня, казалось, ему тоже здесь не нравилось. Тоннель был сырым и темным. Кости шести миллионов парижан покоились тут...

Внезапно он остановился у входа в следующий тоннель, отгороженный ржавой железной решеткой. Ничего не было видно. Мой проводник отодвинул решетку и пошел дальше. Притормозив, он обернулся, чтобы убедиться, что я не отстаю. Неуверенным шагом я двинулся за ним, от тусклого света во тьму, в которой только что скрылась его спина. Сделав несколько шагов, я вдруг споткнулся. Послышался глухой стук, и я замер как вкопанный. Вдруг все озарилось ярким светом. Это мой проводник включил фонарик. Лучше бы он этого не делал! Ужасный порядок был нарушен. Кости были повсюду – разбросанные по земле у наших ног, свисающие со стен. Луч фонаря осветил залежи пыли и рваную паутину.

– *Ça s'est pour vous*, – сказал он, сунул мне в руки фонарь и побежал прочь.

– Что? – попытался выкрикнуть я в ответ.

Но не успел я закончить своего короткого вопроса, как мой проводник огрызнулся: «*Il vous rencontrer ici*». И вот он уже исчез, оставив меня одного, в полусотне футов под землей, единственное живое существо в океане смерти.

Глава I

Это был один из тех дней, когда, не успев еще толком проснуться, уже ждешь не дождешься, когда же он наконец закончится. Открыв глаза, я обнаружил, что сквозь шторы в моей спальне пробивается подозрительно много света. Ну, то есть было часов восемь – никак не семь. Мой будильник не сработал. Последовали двадцать минут проклятий, криков и плача (плакал мой шестилетний сын), пока я носился по дому, от ванной до кухни и входной

двери, пытаюсь собрать всю ту ерунду, которая понадобится мне и Адаму в течение дня. Высаживая его около школы сорок пять минут спустя, я получил на прощание укоризненный взгляд:

– Мама говорит, что если ты будешь продолжать привозить меня с опозданием по понедельникам, она больше не разрешит мне ночевать у тебя в воскресенье.

Вот черт!

– Последний раз, – отвечаю, – такого больше не повторится, я обещаю.

Адам выбирается из машины, не очень-то успокоенный моими заверениями.

– Вот, держи! – протягиваю ему мятый пластиковый пакет. – Не забудь свой ланч!

– Оставь себе, – отвечает Адам, не глядя на меня. – Мне нельзя приносить с собой арахисовое масло.

И вот он уже разворачивается на пятках и бежит в сторону школы. «Бедняга», – думаю я, глядя, как он спешит к входной двери. Нет ничего хуже приходить с опозданием, когда все уже в классе и национальный гимн звучит в пустых коридорах. Да еще ланча у него не будет!

Вздыхнув, бросаю пластиковый пакет на пассажирское сиденье. Очередные выходные подошли к своему позорному завершению. Я уже давно с треском провалился как муж. По всему выходит, что теперь я с тем же успехом провалился и как отец, живущий отдельно. С того самого момента, как я забрал Адама на выходные, следовала сплошная череда неудач. Несмотря на то что на неделе мне всегда ужасно не хватает сына, словно у меня отбирают ногу или руку, я неизбежно опаздываю к нему по пятницам. Обещанный обед в пиццерии и поход в кино оказываются пропущенными, и в итоге Адаму ничего не остается, как съесть на ужин сэндвич с тунцом, который ему предусмотрительно готовит Анниша. И кроме этого мой телефон звонит без перерыва, словно страдая от неизлечимой икоты. Он звонил во время фильма и пока я укладывал Адама спать. Звонил за завтраком, пока мы ели слегка подгоревшие блины, и когда гуляли в парке. Телефон не замолкал, пока мы выбирали бургеры, чтобы съесть их дома, и даже когда пришло время сказок на ночь. Конечно, проблема была вовсе не в том, что он звонил, а в том, что я не мог не ответить. Я читал сообщения, набирал ответы, разговаривал по телефону. И с каждым таким звонком Адам становился все тише, все дальше от меня. Мое сердце разрывалось, но от одной мысли, что телефон можно игнорировать или просто выключить, мне становилось не по себе.

Мчась на работу, я размышлял об испорченных выходных. В тот день, когда Анниша сказала, что хочет попробовать пожить отдельно, меня словно обухом по голове ударили. Она годами жаловалась, что я не уделяю ей и Адаму достаточно времени, что я всегда настолько увлечен работой, что для них в моей жизни места уже не остается.

– Но, – пытался возразить я, – как же расставание поможет исправить это? Если ты хочешь чаще видеть меня, зачем ты делаешь все, чтобы встречаться *реже* ?

В конце концов она сказала, что все еще любит меня и хочет, чтобы у меня были хорошие отношения с сыном.

Я был подавлен и разбит. Я пообещал себе больше бывать дома. Я даже отпросился с турнира по гольфу с коллегами и отменил обед с клиентом. Но Анниша сказала, что я это не всерьез и что я не обязан ничего менять. Я стискиваю зубы каждый раз, когда вспоминаю эти слова. Неужели она не видит, насколько трудная у меня работа? Неужели не понимает, как важно для меня двигаться вперед? Работай я меньше, у нас не было бы такого шикарного дома, наших машин, больших телевизоров. Ну хорошо, признаю, Аннише плевать на телевизоры. Но все равно.

Тогда я пообещал себе: *стану прекрасным отцом, пусть и живущим отдельно*. Я окружу Адама заботой; буду ходить на все его праздники в школе; подвозить его в бассейн и на карате; я буду читать ему книги. Если он позвонит мне ночью, я не пожалею времени и буду говорить с ним столько, сколько он захочет. Я выслушаю все его проблемы и помогу советом, и мы будем смеяться над общими шутками. Я стану помогать ему с домашними заданиями и даже научусь играть в эти дурацкие видеоигры, которые ему так нравятся. У

меня будут прекрасные отношения с сыном, пусть даже я и не смог сохранить их с женой. И я докажу Аннише всю серьезность моих намерений.

В первые несколько недель жизни порознь я неплохо справлялся. Можно даже сказать, что это было не так уж и трудно. Но я был поражен, как сильно мне не хватало их обоих. Просыпаясь в своей квартире, я прислушивался в надежде услышать их голоса, хотя и знал, что их нет рядом. Ночью я бродил по дому в раздумьях: «В это время я мог бы читать сыну книгу на ночь, а сейчас я бы укладывал его в постель, а вот сейчас, в этот самый момент, я мог бы ложиться спать рядом с Аннишей, держать ее в своих объятиях...» Я жил от выходных до выходных.

Но шли месяцы, и подобные мысли все реже мучили меня. Или правильнее будет сказать, что их вытесняли другие заботы. Каждый день я брал работу домой или задерживался допоздна. Когда звонил Адам, я чаще всего работал за компьютером и слушал его вполуха. Неделями я не задумывался о том, как у них дела и как они провели день. Когда наступили каникулы, я понял, что не могу выделить время, чтобы провести его с сыном. Как-то раз я запланировал обед с клиентом на тот вечер, когда у Адама был весенний концерт в школе. Я забыл в очередной раз отвезти его к стоматологу, которого надо было посещать раз в полгода, хоть Анниша и напоминала мне об этом всего неделю назад. И вот я начал опаздывать по пятницам. Так прошедшие выходные были не более чем данью идее хорошо проводить время с сыном.

Махнув Дэнни, нашему охраннику, заезжаю на парковку. Хотя я и мчался сюда как угорелый, стараясь успеть вовремя, я вовсе не хотел тут оказаться. Ставлю машину на свое парковочное место, но двигатель выключаю не сразу.

В свою защиту скажу, что моя одержимость работой абсолютно оправданна. Сейчас ситуация в компании очень напряженная. Уже давно ходят слухи о том, что нас могут продать. Последние двенадцать недель я только и делал, что ворошил наши отчеты: о продажах, об инвентаризации, о персонале, о прибылях и убытках. Ночью, закрывая глаза, я видел пеструю сетку электронных таблиц. Именно они ждали меня на рабочем месте, и дальше откладывать было уже нельзя. Выключаю мотор, беру сумку с ноутбуком и выхожу из машины.

Здоровуюсь с Дэвином, он работает секретарем у нас в приемной. И, хотя он сидит, прилежно уставившись в монитор, я-то знаю, что он просто играет в «солитер». Повернув направо, краем глаза замечаю, как Дэвин ухмыльнулся, хотя, может, мне это просто померещилось. Кратчайший путь к моему офису проходит с левой стороны, но я там больше не хожу. Дэвин, очевидно, думает, что причиной тому Тесса, чье рабочее место расположено справа. Но она – лишь приятный бонус. Ведь, когда я иду по правому коридору, мне не надо проходить мимо офиса Джуана. *Джуан*. Проклятие! Не понимаю, почему он до сих пор так меня тревожит. Ведь теперь это не более чем пустой офис. Шторы подняты, на столе ничего нет, стул свободен. На полках уже не стоят фотографии его жены и детей, нет ни чашек на журнальном столике, ни табличек на стене. Но тени всего этого так и кружат в пустом пространстве.

Сбавляю шаг, проходя мимо стола Тессы. Мы с ней годами работали вместе. И всегда хорошо ладили – у нас словно одно чувство юмора на двоих. Я не был уверен в том, что меня ждет с Аннишей, но признаю, после нашего расставания я много думал о Тессе.

Ее темные волосы мелькнули вдалеке, она разговаривала по телефону, так что я иду дальше.

Едва успев подойти к дверям своего кабинета, передумываю и разворачиваюсь, чтобы сначала заглянуть в лабораторию, проверить новый прототип перед тем, как приступить к более тяжелой работе. Я знал, что команда разработчиков известит меня о любых изменениях, но мысль о том, что можно оттянуть начало дня еще на несколько минут, оказывается уж очень соблазнительной.

Так что я иду в лабораторию. В самом начале своей карьеры я работал именно там, в отделе разработки для производства запасных частей. Это была работа моей мечты. Джуан,

технический директор, взял меня под свою опеку. Он был моим наставником.

Но со временем всегда что-то меняется, и, даже если вы любите свою работу, невозможно остаться навсегда на одном и том же месте. Это тупик для карьеры. Мне не нужно было это доказывать! Я крутился, словно белка в колесе, и начальство это оценило. Я смог подняться на следующую ступень карьерной лестницы, и Джуан пригласил меня в свой офис.

– Знаешь, – сказал он, – согласившись на эту позицию, ты променяешь исследования и разработки на административную работу и продажи. Это действительно то, чего ты хочешь?

– Я хочу двигаться вперед, – отвечаю, посмеиваясь, – и не собираюсь для этого дожидаться твоего выхода на пенсию!

Он только грустно улыбнулся, но больше ничего не сказал.

Дальше все пошло как по маслу. Я довольно быстро продвигался по карьерной лестнице. И вот я уже отвечал за все проекты и продукты для одного из наших крупных клиентов.

Глава II

Взяв чашку кофе, я хотел было отправиться вниз, в лабораторию, но остановился на полдороге. Не было никакого смысла идти туда. Я поставил чашку на стол и плюхнулся в кресло. Включив компьютер, я открыл нужные файлы и погрузился в лабиринты цифр, застилавших экран.

Несколько часов спустя, разделавшись с очередным отчетом, только я собрался вернуться к разбору нескончаемого потока входящих сообщений, как зазвонил телефон. Это была моя мама, хоть я и не сразу узнал ее голос. Кажется, она была расстроена. «Бог мой! – подумал я, – ну что опять?» Последнее время она слишком часто лезет не в свои дела. Это начинает меня раздражать.

– Извини, что отвлекаю тебя от работы, Джонатан, но это очень важно, – сказала она. – Я только что разговаривала с дядей Джулианом, и он говорит, что ему срочно нужно встретиться с тобой.

«Со мной? – думаю. – С какой стати Джулиану приспичило меня увидеть?» Если говорить начистоту, я плохо знаком с ним. Он вообще мне не дядя, а просто кузен моей матери. Она была с ним очень дружна в детстве, с ним, да еще с его сестрой Кэтрин. Я же вырос вообще в другой части страны. Дальними родственниками я интересовался не больше, чем прошлогодним выпуском новостей.

Правда, один раз я все-таки встречался с Джулианом, мне тогда было лет десять. Мы гостили у тети Кэтрин, она позвала всех к себе на ужин. Не помню, был ли Джулиан вместе с женой или к тому времени они уже развелись. Сказать по правде, я вообще ничего не запомнил о том вечере, кроме одного: великолепного красного «феррари» Джулиана. Кэтрин как-то упоминала о нем, так что я ждал его приезда на крыльце.

Машина оказалась еще роскошней, чем я ее себе представлял. Увидев выражение моего лица (мой подбородок, наверное, почти касался ботинок), Джулиан позвал меня прокатиться. Никогда еще я не ездил так быстро. Мне казалось, что колеса почти не касаются земли. За всю поездку я не смог вымолвить ни слова. Когда мы вернулись, Джулиан вышел из

машины, а я так и остался сидеть неподвижно.

– Ты хочешь еще немного посидеть в машине? – спросил он.

Я кивнул. Он уже повернулся в сторону дома, когда я окликнул его:

– Дядя Джулиан!

– Да? – Он обернулся.

– Как вы смогли получить такую машину? Ну, то есть она ведь, наверное, стоит кучу денег?

– Это уж точно, – ответил он, – так что если ты тоже хочешь такую, Джонатан, когда вырастешь, тебе придется очень упорно трудиться.

Я никогда этого не забывал.

Насколько я помню, Джулиан не смог задержаться после ужина – кажется, мама и Кэтрин были немного разочарованы или даже раздражены. И, хотя мне было всего десять, я был уверен, что у Джулиана найдутся дела поинтересней. Он определенно жил именно так, как я хотел бы жить, когда вырасту. Я с завистью проводил взглядом его фантастическую спортивную машину, умчавшуюся вдаль по улице.

Годами о нем ничего не было слышно, но в последнее время мама начала упоминать его имя при каждой нашей встрече. Недавно она сказала, что «фerrarии» больше нет. Насколько я понял, Джулиан решил вроде как полностью изменить свою жизнь. Он уволился с высокооплачиваемой работы из адвокатской конторы, продал свой «фerrarии» и стал жить, что называется, «простой» жизнью. Мама говорит, что он учился у малоизвестных монахов, живущих высоко в Гималаях, и дошло до того, что теперь он часто носит малиновое монашеское одеяние. Мама говорит, что он стал совсем другим человеком. Вот только непонятно, что хорошего она находит в этом?

И вот в последнее время она все пытается поближе нас познакомить. Она предлагала мне заехать к нему, когда я был рядом по делам. Но, в самом деле, если мне не хватает времени даже на Аннишу и Адама, с какой стати мне отпрашиваться с работы, чтобы провести время с человеком, которого я едва знаю? Кроме того, если бы он все еще оставался невероятно успешным юристом, живущим в роскоши и разъезжающим по округе на шикарных спортивных машинах, я бы мог увидеть в этом хоть какой-то смысл. Но зачем мне тратить свое время на безработного старика без «фerrarии»? Я могу найти сотню таких бездельников в ближайшем баре.

– Mam, – воскликнул я, – о чем ты говоришь? Зачем Джулиану нужно встретиться со мной?

Она не знала подробностей, но, видимо, он хотел поговорить со мной. Ему зачем-то понадобилась моя помощь.

– Но это безумие, я не видел его столько лет. Я его почти не знаю. Должен же у него быть кто-то еще, кто сможет помочь ему!

Мама ничего не ответила, но я услышал, как она заплакала. Последние несколько лет, с тех пор как умер мой отец, были для нее очень тяжелыми.

– Mam, – сказал я, – с тобой все в порядке?

Она всхлипнула еще пару раз, и в ее голосе прозвучали металлические нотки:

– Джонатан, если ты любишь меня, ты сделаешь это. Ты сделаешь все, что скажет тебе Джулиан.

– Но что... – Я даже не успел закончить свой вопрос.

– Вернувшись сегодня домой, ты найдешь билет на самолет. – Она хотела было сказать что-то еще, но голос ее сорвался, и она лишь произнесла: – Джонатан, мне пора, – и повесила трубку.

Остаток дня я уже не мог ни на чем сосредоточиться. Это было совсем не похоже на маму – такой напор и ее отчаяние тревожили меня. И вся эта таинственность. Что же Джулиану от меня нужно? Я задумался обо всех этих его жизненных переменах. Интересно, он совсем с катушек слетел? Встречу ли я безумного старика, бранящего тайные правительственные заговоры? Чудака с растрепанными волосами, шлепающего по улице в

халате и домашних тапочках? (Я понимал, что это не то, что моя мама могла бы назвать малиновым монашеским одеянием, но я не мог выкинуть эту картинку из головы.) Я шел с работы и был слишком занят всеми этими мыслями и не заметил, как свернул к офису Джуана. Я осознал это только в вестибюле, что показалось мне плохим знаком.

Вернувшись домой, я чуть не забыл проверить почтовый ящик. Пару минут я возился с ключом, и вот, небольшая металлическая дверца открылась и на меня посыпались рекламные флаеры по доставке пиццы, предложения купить страховку и другой хлам. Я подобрал их и заметил толстый конверт. Это было письмо от мамы. Я вздохнул, сунул его в карман и стал подниматься по лестнице к своей квартире.

Пока замороженная лазанья готовилась в микроволновке, я открыл конверт. Внутри была небольшая записка от мамы, в которой говорилось, что Джулиан сейчас живет в Аргентине, а также билет туда и обратно до Буэнос-Айреса. «Еще чего не хватало», – подумал я. Они хотят, чтобы я потратил двенадцать часов на перелет, ради того чтобы час или два провести с троюродным кузеном? Так угробить выходные? Прекрасно. Всю субботу и воскресенье я буду болтаться в летающей жестянке, вместо того чтобы встретиться с сыном. Либо расстрою маму еще больше.

Я съел едва теплую лазанью, пялясь в телевизор, в надежде, что большой стакан скотча поможет мне исправить скудность моего ужина и плохое настроение.

Я откладывал звонок Аннише до того времени, пока Адам не ляжет спать. Анниша всегда строго следует расписанию, так что было несложно угадать со временем. Ее голос показался мне усталым, но вовсе не расстроенным. Я был готов к тому, что она не одобрит мои возможные планы на ближайшие выходные, но, оказывается, она уже знала о них:

– Я говорила с твоей мамой, Джонатан, мне кажется, тебе следует поехать. Адам поймет.

Так все и решилось.

Глава III

Джулиан не сказал мне, куда ехать и с кем встретиться. В Буэнос-Айресе из него удалось вытрясти только, что мне предстоит отправиться «много куда»:

– Европа, Азия, Северная Америка. Я еще не со всеми успел связаться, – однако начать мне предстояло в Стамбуле, где меня ждал его старый приятель Ахмед Демир. – Ахмед встретит тебя в аэропорту. Он наверняка захочет показать тебе город, но, боюсь, у тебя не будет много времени на развлечения. Я забронирую тебе билет на самолет до Парижа на следующий день.

Развлечения! Вот уж насмешил. Я хочу как можно быстрее собрать эти талисманы и вернуться к работе. Даже спускаясь по трапу самолета в аэропорту Ататюрк, я проверял, нет ли на телефоне пропущенных сообщений от Наванг, волнуясь, что могло произойти в мое отсутствие.

Несколько человек интересовались, как долго меня не будет. Сообщение от мамы было бодрым, но очень расплывчатым. В ответ на мой вопрос она уверяла, что не знает, кому пытается помочь Джулиан, хотя я не поверил ей – по голосу было похоже, что она что-то скрывает.

Я был так занят телефоном, пока проходил паспортный контроль и забирал свой багаж, что только выходя в зону прибытия с чемоданом в руке, впервые задумался, как я узнаю этого Ахмеда и как мы сможем найти друг друга в толпе.

Обведя глазами зал прибытия, среди водителей, больших семей и других встречающих я заметил высокого человека, держащего табличку с моим именем в руках. У него были серебряные волосы, короткая седая борода и теплая улыбка. Я махнул ему и стал пробираться в его сторону.

Когда я подошел ближе, Ахмед убрал табличку и решительно пожал мою протянутую руку.

– *Hoю geldiniz, hoю geldiniz*, – сказал он, – мне очень приятно познакомиться с родственником Джулиана. Я очень польщен.

Я промямлил что-то невразумительное в ответ, пораженный его энтузиазмом.

– Вы уже получили багаж, – спросил Ахмед, – готовы ехать?

Я кивнул, и он, прихватив табличку и взяв меня за локоть, направился к выходу.

Мы прошли через переполненную парковку и остановились около блестящего серебряного «рено».

– Вот мы и пришли, – объявил Ахмед, забирая у меня чемодан и укладывая его в багажник. Не успел я открыть дверь и плюхнуться на пассажирское сиденье, как мой телефон начал гудеть.

– Прошу прощения, – сказал я Ахмеду. Я пристегнулся и принялся читать сообщения.

Наванг писала, что ей звонил один из моих клиентов. Он говорил, что получил очень много жалоб по поводу новой детали, которую мы разработали специально для их самой популярной модели «седана». У меня сердце ушло в пятки. В такой ситуации они могут отозвать продукт или даже выдвинуть против нас финансовые претензии. Наванг придется обратиться к отделу контроля качества, чтобы те провели нужные испытания и выявили источник проблемы.

– Извините, – сказал я Ахмеду, пока мы выворачивали с парковки, – мне нужно отправить несколько срочных сообщений по работе.

Он благосклонно кивнул:

– Делайте все, что нужно, и не переживайте, мы скоро подружимся.

Машина мчалась вперед, но я не замечал ничего вокруг. Мой взгляд был прикован к экрану телефона. Я почти не заметил, как мы ехали по перегруженному шоссе, а потом – через мост над водой. Но к тому времени как я наконец оторвался от телефона, машина уже петляла по узким улочкам, проворно поднимаясь по склону.

Кажется, Ахмед заметил, что я закончил работу.

– Я подумал, что после долгого перелета вам захочется немного отдохнуть перед тем, как мы двинемся дальше. Так что мы направляемся в мою квартиру в районе Бейоглу.

Теперь мы ехали гораздо медленнее, и я видел мелькающие за окном кафе и магазины, пешеходов, спешащих куда-то по узким переулкам, низкие здания из серого и желтого камня и кирпича. Впереди, на вершине холма, возвышалась башня: серо-синий шпиль устремлен в небо, внизу два ряда окон. Над верхним люди прогуливались по террасе.

– Это Галатская башня, – сказал Ахмед, – с нее открывается прекрасный вид на город.

Он притормозил и поставил машину у обочины.

– Вот мы и приехали, – указал он на трехэтажное здание напротив. Мы вышли на тротуар, и, открыв массивную деревянную дверь, Ахмед пригласил меня внутрь. Перед нами была широкая мраморная лестница.

– Вы не против подняться? – спросил Ахмед.

– Вовсе нет, – ответил я.

Квартира Ахмеда была оформлена со вкусом, на полах красовались узорчатые ковры, парчовый диван был украшен разноцветными яркими подушками, а на стенах висели картины с изображениями чаек и лодок, растений и животных. Но все казалось удивительно

безличным. Джулиан говорил мне, что Ахмед работает капитаном парома. Я думал, что его жилище будет гораздо более скромным.

– Вы, наверно, догадываетесь, что я не очень много времени провожу здесь, – сказал Ахмед, – я купил эту квартиру несколько лет назад в качестве инвестиции и обычно сдаю ее иностранцам, которые работают в консульстве или приезжают по делам. Но несколько лет назад умерла моя жена, и я продал наш дом в Бешикташе. Так что теперь я пользуюсь этой квартирой, когда оказываюсь здесь, плавая на пароме, или когда показываю людям Старый город. Остальное время я провожу в деревне, в которой я вырос, совсем рядом с Босфором. Идите сюда, – сказал Ахмед, подойдя к окну, – позвольте показать вам город.

Я и не представлял, как высоко мы успели подняться на машине, и не сориентировался, где расположен дом Ахмеда, но, посмотрев в окно, я подумал, как удачно он вложил свои деньги. Передо мной открывался один из самых удивительных городских пейзажей, которые я когда-либо видел.

– Вон там, – сказал Ахмед, указывая на залив внизу, – Халич, или Золотой Рог. Вдали виднеются мост Ататюрка и Галатский мост. Недалеко от него, в гавани, стоит моя лодочка. Вот там, слева от вас, видите? Это пролив Босфор. Город продолжается и на другом берегу. Стоя здесь, вы еще находитесь в Европе, но на другой стороне Босфора вы будете уже в Азии.

Я посмотрел вдаль на Азию, а затем на линию горизонта прямо передо мной.

– Ах, – сказал Ахмед, – красота, правда? Старый город. Султанахмет. Большой базар. Мыс Сарайбурну.

Вдалеке я увидел два огромных строения с куполами и минаретами, садами и высокими стенами:

– Храм Святой Софии?

Это было единственное, что я знал о Стамбуле. Огромный собор с куполом, построенный императором Юстинианом, когда это место еще было Константинополем, центром Римской империи и прибежищем христианской церкви. Позже его переделали в мечеть, достроили минареты и изменили интерьер, но мозаика осталась неизменной. Все такая же великолепная, как я слышал.

– Да, это та, что слева, – ответил Ахмед, указывая вдаль, – а за ней находится Голубая мечеть. А также ипподром, дворец Топкапы, Цистерна Базилика, музеи – столько всего можно посмотреть! – Ахмед обвел рукой вид, открывающийся перед нами. – Но сегодня вечером, перед тем как отправиться к лодке, я отведу вас на Египетский базар и Большой базар.

– К лодке?

– Извините, – ответил Ахмед, отходя от окна, – я не храню свой талисман здесь. Он в моей родной деревне, в районе Анадолукавагы.

А я-то совсем забыл о цели моего визита.

– Мы, конечно, можем поехать на машине, но зачем? – продолжал Ахмед. – Туда лучше всего добираться по воде. Сегодня утром мой сын забрал лодку, чтобы провести индивидуальную экскурсию для туристов, так что мы сможем поехать вечером и вернуться обратно завтра к утру. – Ахмед жестом пригласил меня последовать за ним. – Теперь я покажу вам, где вы сможете освежиться, а потом мы выпьем чая и перекусим, перед тем как отправляться на базар.

Первое, на что я обратил внимание, когда мы оказались на Египетском базаре, было разнообразие ароматов. Мы шли сквозь водоворот запахов, меняющихся с каждым шагом, смешивающихся и перебивающих друг друга.

Ларьки стояли вплотную друг к другу. Кругом лежали груды фиников и других сушеных фруктов, всевозможные виды орехов, пирамиды халвы. Мы проходили мимо прилавков с нугой, мимо немислимого разнообразия лукума – *турецкого удовольствия*, как его называют здесь, переливающегося словно драгоценные камни.

Прилавки ломились от коробочек с чаем, молотых пряностей, ларек за ларьком – куркума, тмин, кардамон, паприка, мускатный орех, корица.

Ахмед купил немного сушеных абрикосов, фиников и инжира, после чего мы направились в сторону огромного каменного комплекса, скрывавшего тысячи лавочек Большого базара.

Египетский базар завораживал, ошеломляя экзотическими ароматами. Я шел, полностью погрузившись в свои ощущения, забыв обо всем на свете. Но вдруг мои мысли переключились на тех людей, которых я потерял. Проходя по бесконечным сводчатым коридорам, я замечал, сколько кругом вещей, которые могли бы приглянуться Аннише, – мозаичные лампы, тонкие шелковые шарфы, керамическая посуда со сложными переплетениями узоров. И все это буйство цвета. Именно это больше всего поразило меня при нашей первой встрече с ней. Что бы она ни надевала, всегда какая-то яркая деталь бросалась в глаза – зеленые сережки, фиолетовый шарф зимой, великолепный оранжевый берет. И ее квартира тоже была такой – полная самых разнообразных вещей всех цветов и оттенков, которые на удивление сочетались между собой. Разумеется, я понимал, что впереди еще несколько недель путешествий и я не могу позволить себе крупных покупок. Вокруг было столько всего, что глаза разбегались, но я все-таки купил *назар* для Анниши – существует поверье, что этот стеклянный амулет защищает от сглаза, и для Адама – небольшой вышитый жилет, который, я был уверен, ему очень понравится.

Больше всего мое внимание привлекали продавцы ковров, громкими криками зазывавшие покупателей. Каждый раз, проходя мимо них, я ловил себя на мысли, что невольно останавливаюсь полюбоваться их великолепным товаром.

Ахмед заметил, *что* привлекает мое внимание:

– Вам стоит вернуться сюда, когда у вас будет больше времени, и тогда вы сможете от души поторговаться. Выбрать ковер – дело непростое, нужно разбираться в искусстве, ткацком мастерстве, типах плетения, знать все о волокне, из которого сделан ковер, и о том, как он был окрашен. Но помимо всего этого, вам придется научиться оценивать ковры и торговаться. Я был бы рад помочь вам разобраться со всем этим.

Готовность Ахмеда научить меня всему напомнила мне о родителях. Они были очень энергичными людьми и с радостью учились всю свою жизнь. Мама залпом прочитывала книги и, пока мы с сестрой ходили в младшие классы, устроилась подрабатывать в небольшой книжный магазин. Она приносила домой столько книг, что я уверен, ее взяли на работу, только чтобы не упустить самого активного покупателя. Себе она покупала фэнтези, отцу – публицистику, а нам с Кирой – детские книжки с картинками.

Отец поддерживал ее инициативу и всегда с удовольствием принимался за новую книгу. Но его энтузиазм этим не ограничивался. Ничто не доставляло Нику Лондри большего удовольствия, чем *делиться* своими знаниями. Он работал учителем в начальной школе, но для него это было больше, чем просто работа, – это была его страсть. Куда бы мы ни шли с родителями, мы чувствовали себя словно на уроке.

Каждый год во время летних каникул мы всей семьей отправлялись в путешествие. Это не было чем-то экзотическим, однако родители всегда готовились к поездке. Если мы гуляли в лесу, мама доставала из рюкзака небольшой справочник и рассказывала нам, что черным соснам необходима сильная жара от лесных пожаров, чтобы их шишки раскрылись и семена смогли упасть на землю. После этого отец начинал объяснять, как бобры строят свои дамбы или как возникли холмы там, где раньше были берега древних озер. Про любой исторический памятник родители знали больше, чем наши экскурсоводы. И даже поход в парк аттракционов превращался в занятие о центробежной силе или массовой культуре.

Казалось, родители просто помешаны на новой информации и идеях, и наши путешествия всегда прерывались восторженными замечаниями. «Ну не замечательно ли!» – говорила мама каждый раз, когда мы обнаруживали что-то новенькое. А отец любил, когда мы с сестрой проявляли любопытство. Стоило нам о чем-то спросить, как он восклицал: «Отличный вопрос!» – светясь радостью и гордостью, словно мы только что изобрели

лекарство от рака.

Сейчас я вспоминаю этот энтузиазм с нежностью, но, когда я был ребенком, он часто меня утомлял. Что уж говорить о том времени, когда я был подростком. Тогда наши небольшие экскурсии, постоянные нравоучения, бесконечные викторины меня страшно раздражали. Летним вечером, повалившись на задние сиденья разгоряченной машины, пока отец с искренним энтузиазмом рассказывал нам о канале Эри, я и Кира закатывали глаза, подносили пальцы к висками и делали вид, что готовы застрелиться из воображаемого пистолета.

Это место и этот город, печально подумал я, привели бы родителей в восторг. Это было бы для них той самой поездкой, о которой они всегда мечтали, местом, которое надеялись посетить. Путешествия были их грандиозным планом на пенсию.

Когда отец выходил на пенсию, коллеги подарили ему чемодан. В течение следующих месяцев путеводители, словно грибы после дождя, заполнили весь дом. Горы книг скопились рядом с папиным любимым креслом в гостиной, они сваливались с тумбы рядом с кроватью, туристические брошюры и карты выглядывали с журнальной стойки в ванной – Ирландия, Тоскана, Таиланд, Новая Зеландия.

Отец печатал маршруты и вешал их над своим рабочим столом. Они с мамой планировали путешествовать чуть ли не полгода.

Затем однажды, за несколько месяцев до их отъезда, мама вдруг услышала грохот в гараже. Отец убирал на зиму мебель с веранды, когда у него случился инфаркт. Он умер еще до того, как упал.

Многие месяцы после похорон мама двигалась словно лунатик. Один за другим маршруты исчезли со стен, путеводители были убраны в шкафы в подвале, а мама вернулась к своей работе в книжном магазине. Кира думала, что когда-нибудь она снова захочет путешествовать, но сейчас ей было слишком тяжело думать о том, чтобы ехать куда-либо без отца.

Громкие возгласы торговца коврами отвлекли меня от мыслей о родителях. Мы направились к выходу с базара, освещенному вечерними лучами солнца.

– Время ужина, – сказал Ахмед, сворачивая за угол. Мы прошли по аллее, потом свернули еще и еще раз, петляя по узким улочками старого города. В конце концов Ахмед остановился рядом с ярко-красным навесом, натянутым над входом в низкое каменное здание.

– Вот мы и пришли, – сказал он.

Я последовал за ним внутрь. В кафе было прохладно, но даже в полумраке, царившем внутри, глаза различали разнообразие цветов и оттенков. Стены были увешаны красными и золотыми коврами, внизу на низких скамьях красовались огромные синие и оранжевые подушки. Небольшие квадратные столики, покрытые яркими скатертями в красную полоску, стояли перед скамейками, и каждый из них украшала медная лампа.

За ужином, на который подавали перец, фаршированный рисом и кедровыми орешками, ягненка с пюре из баклажанов и хлеб с кунжутом, мы с Ахмедом разговаривали о работе и о жизни. Несколько раз мы замолкали, словно старые приятели, слышался только тихий голос Ахмеда: «Попробуйте это» или мои замечания «Как вкусно!». Временами же мы просто сидели молча, позволяя потоку доносившихся с улицы звуков поглотить нас. Я чувствовал себя бесконечно далеким от моей жизни и всего, к чему я привык.

Солнце только-только стало опускаться, когда мы подъехали к причалу. Аромат соленой воды наполнил воздух. Гавань была битком набита большими и маленькими лодками и огромными торговыми паромками. Насколько я понял, Ахмед был не просто капитаном парома. Он был владельцем одной из крупных перевозочных компаний, но продал ее несколько лет назад. Сейчас он работал неполный день. Из всего флота он оставил себе только одну лодку – судно, которое изначально было рыболовецким, одним из первых, с которых начался его бизнес.

– Не могу с ним расстаться, – признался он мне. – Сейчас я использую его для частных

туров по Босфору. Когда Джулиан позвонил, у меня уже был забронирован один тур, так что я попросил сына съездить вместо меня.

Мы прошли вдоль причала, где покачивались большие пассажирские паромы, и мимо туристических лодок. Рядом с одним из помостов стояло длинное невысокое судно с витиевато украшенным носом, отделкой на корме, с искусно сделанным навесом и планширом, переливающимся позолотой.

– Копия императорского кайка, – сказал Ахмед, – для туристов.

В конце концов мы добрались до места, где канатами были привязаны более мелкие суденышки. Ахмед подошел к скромной белой лодочке с синей полосой.

– Вот она, – сказал он, смеясь, – моя гордость и отрада.

Это была крепкая лодочка, похожая на буксир. На носу располагалась открытая рулевая рубка, а за небольшой перегородкой из дерева и стекла виднелись панель управления и рулевое колесо. За колесом стоял обитый кожей табурет. Деревянные скамейки выстроились на корме, до самой рулевой рубки. Белая и синяя краска на сиденьях и на полу слегка потрескалась, но выглядела опрятно. О старой лодке хорошо заботились.

– Кажется, мы разминулись с Юсуфом. Ну ничего. Возможно, когда вы приедете в следующий раз, я смогу познакомить вас с моей семьей, – сказал Ахмед, отвязывая лодку.

Нам не понадобилось много времени, чтобы выйти из гавани в пролив. Мы плыли медленно, но казалось, что в это время все работает в неторопливом режиме. Огромный паром, мерца огнями, плыл в сторону азиатского берега, вспенивая ровную гладь воды, а вдалеке виднелись небольшие лодочки. Вода казалась неестественно спокойной. В сумерках я видел Стамбул, раскинувшийся вдоль обоих берегов, – лоскутное одеяло из мечетей, дворцов и других прекрасных зданий, с вкраплениями черепичных крыш, жилых домов, пальм, магазинов и кафе. Мы прошли под Босфорским мостом и двинулись на север. Я смог разглядеть замысловатые деревянные дома, Ахмед сказал, что они называются *яли* — летние усадьбы богачей, нависающие над кромкой воды, словно плывущие по ней.

С каждой минутой небо становилось все темнее, пока полная луна, словно гигантская жемчужина, не поднялась на чернильный небосвод. Ее свет отражался в воде, и мы еще больше замедлились. Я чувствовал, как лодка покачивается на волнах.

– Это особенное место, не правда ли? – сказал Ахмед.

Я кивнул:

– Оно кажется нереальным.

– Но ведь так сложно определить, что реально, а что нет, – продолжал Ахмед.

– Наверное.

Я обычно о таких вещах не задумывался.

Я прошелся по корме лодки и обернулся на город, которого уже почти не было видно.

– А вы знали, – спросил Ахмед, – что пролив не похож на реку? Вода течет здесь не только в одном направлении.

Я оглянулся и покачал головой.

– Нет-нет, – сказал Ахмед, – совсем не похож на реку. Вода приходит и уходит вместе с океаническими течениями. Так же, как Европа встречается здесь с Азией, на этом самом месте смешиваются воды двух морей: Мраморного и Черного. И даже это еще не все.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Океанографы из Англии, Канады и Турции изучали этот пролив несколько лет назад, – пояснил Ахмед. – И знаете, что они обнаружили? – Он смотрел вперед, держась за штурвал, но сейчас обернулся через плечо и взглянул на меня.

Я пожал плечами и покачал головой.

– На самом дне этого пролива протекает подводная река. Вода, ил и осадки, будучи тяжелее, чем соленая вода над ними, текут из Мраморного моря в Черное.

– Подводная река?! – воскликнул я. – Как странно!

– Это помогает понять, – сказал Ахмед, – насколько все может быть непросто. Редко что-то оказывается таким простым, каким кажется на первый взгляд.

Я прошел по палубе и присел рядом с Ахмедом на скамейку около штурвала. Несколько минут мы оба молчали. Потом Ахмед откинулся назад.

– Большую часть дня мы провели с вами вместе, – сказал он задумчиво, – но мы практически ничего не знаем друг о друге. Разве что от моего дорогого друга Джулиана я знаю, что вы его родственник, инженер, женаты и что у вас есть шестилетний сын. Но кто вы на самом деле?

У меня не было ответа на такой вопрос. Ахмед понял мое замешательство и улыбнулся.

– Да со мной то же самое, – сказал он, – за ужином я рассказал вам, что мне шестьдесят лет и что я частный предприниматель. Вдовец, и у меня четыре взрослых сына. Можете ли вы сказать, что действительно меня знаете?

– Мне есть с чего начать, – ответил я. – То есть я могу расспросить вас о вашей компании или сыновьях...

– Но на то, чтобы действительно узнать что-то друг о друге, у нас может уйти очень много времени, ведь правда?

– Да, я думаю, да...

– Именно так обычно и происходит. Но представьте, если бы мы начали наш разговор совсем с других вопросов. Что, если бы я сказал вам, что большую часть жизни провожу на воде. С тех пор как я был ребенком, все, к чему я стремился, это жить и работать на воде или рядом с ней. Моя мама часто говорила, что, когда я был совсем маленьким, я успокаивался, только когда она купала меня. Вода, рыбалка, плавание. И лодки, лодки, лодки. У меня не было ни малейших сомнений в том, чем я хочу заниматься. Находясь далеко от воды, я всегда ощущал смутное беспокойство. Иногда моей жене и сыновьям было непросто с этим примириться. Но лучше всего мы проводили время, собираясь всей семьей на берегу моря или катаясь на лодке. Словно, находясь там, мы становились самими собой. Мне обязательно нужно было оказаться на воде, чтобы подумать и чтобы по-настоящему понять этот мир и свою жизнь. Плавая на этой самой лодке, я понял, что Каниз – та женщина, на которой я хочу жениться. Именно тут я строил все свои планы и принимал важнейшие решения. – Ахмед немного повернул руль. – Возможно, услышав это обо мне, вы сможете действительно начать меня понимать.

– Мне кажется, что большая часть того, что люди знают друг о друге, – это нечто поверхностное, – сказал я.

– Да, – кивнул Ахмед, – и это печально. – Он помолчал с минуту. – Но не это самое печальное, – продолжил он задумчиво. – Самое печальное то, что во многих случаях то же можно сказать и про наши собственные жизни: часто мы проживаем чужую жизнь вместо своей.

Сложно сказать, сколько времени мы плыли по Босфору. Блестящая водная гладь, мерцание луны и тихий гул двигателя сделали наше путешествие похожим на сон. Но потом Ахмед повернул руль и указал на далекие огни на побережье со стороны Азии.

– Анадолукавагы, – сказал он, указывая вперед. – Отсюда не видно, но там далеко, на холме, находятся руины генуэзской крепости четырнадцатого века. Мой дом расположен с другой стороны, на южной окраине поселка, прямо на берегу.

Не потребовалось много времени, чтобы привязать лодку, а затем на машине, которую Ахмед припарковал у пристани, добраться до его дома в поселке.

Небольшое каменное здание было совсем не похоже на квартиру, которую он показывал мне в городе. Пол, покрытый керамической плиткой, неровные стены. А темные грубые балки, подпиравшие потолок, выглядели пережитками далекого прошлого. На полках на кухне стояла тяжелая глиняная посуда и латунные сковородки. То там, то тут виднелись небольшие кусочки мозаики и ярких цветных стекол, но плетеные занавески приглушали свет, падающий на мебель, на которой видны были следы прошлого. Ахмед отнес мой багаж в крошечную комнатку. Он указал на небольшую одноместную кровать, ее вырезанная вручную спинка была придвинута к стене.

– Тут я спал вместе с двумя братьями, – рассмеялся он.

Потом проводил меня обратно в гостиную.

– Давайте хоть немного посидим снаружи? – предложил он.

Мы надели свитера и переместились на небольшую веранду, выходящую на залитый лунным светом залив Халич – Золотой Рог. Ахмед продолжил рассказ про свою любимую воду:

– Говорят, что раньше Черное море было пресным озером. Тысячи тысяч лет назад в результате масштабного наводнения Средиземное море перелилось в пролив Босфор и наполнило Черное море соленой водой.

– А подводная река? Вы думаете, она может быть отголоском тех событий? – спросил я.

– Похоже на то, не правда ли? – сказал Ахмед. – Знаете, некоторые люди думают, что как раз о таком наводнении и говорится в Библии – в притче о Ное.

– Ничего себе! – вырвалось у меня.

– Босфор упоминается и в греческой мифологии. Слышали историю о Ясоне и Золотом руне?

Я покачал головой.

– Ну что ж, в греческой мифологии Босфор был домом Симплегад – блуждающих скал, которые, сталкиваясь, уничтожали корабли, осмелившиеся проплыть меж ними. Пересекая Босфор, Ясон послал голубя пролететь между скалами. Они столкнулись, но голубь потерял лишь пару перьев из хвоста. Ясон и аргонавты поплыли следом. Корму их корабля зажало, но судно не пошло ко дну. После этого скалы перестали двигаться, и грекам, наконец, открылся проход к Черному морю.

Я улыбнулся и кивнул. Маме бы понравились истории Ахмеда.

– Боже мой! – воскликнул он. – Я и забыл, зачем вы здесь. Талисман Джулиана! Я сейчас же его принесу.

Ахмед быстро поднялся и поспешил в дом. Он вернулся спустя несколько минут с крошечным узелком из красного шелка и сложенным листом пергамента. И то и другое он протянул мне:

– Теперь у вас есть то, за чем вы приехали, и настало время ложиться спать. Завтра рано вставать. Поедем обратно в Стамбул, и перед тем, как отправиться в аэропорт, я отведу вас в Айя-София – храм Святой Софии. Но обещайте мне вернуться сюда еще хоть раз, чтобы я смог показать вам остальную часть моего дома.

Я радостно согласился, неохотно поднимаясь из кресла.

Вернувшись в комнату, я положил узелок на круглый столик рядом с кроватью. С минуту я сидел на краю кровати, прежде чем снова взял сверток и медленно развернул его. Там была небольшая медная монета. Ну хорошо – не совсем монета. Это был диск размером с пятицентовик. На одной стороне было выгравировано изображение солнца с расходящимися во все стороны лучами. С другой стороны – полумесяц. Положив монету на стол, я взял сложенный пергамент, развернул его на коленях, принялся читать:

Сила подлинности

Самый драгоценный подарок, который мы можем подарить себе сами, – это обещание прожить нашу подлинную жизнь. Однако очень непросто оставаться честным с самим собой. Мы должны отречься от соблазнов, которые навязывает нам общество, и жить согласно нашим собственным условиям, в рамках которых наши ценности определяются нашими истинными желаниями. Мы должны разбудить свое скрытое «Я», разобраться с надеждами, желаниями, сильными сторонами и слабостями, спрятанными глубоко внутри, чтобы понять, кто мы на самом деле. Мы должны понять, где мы были до этого и куда стремимся. Каждое принятое нами решение, каждый шаг должны исходить из нашего решения прожить жизнь, которая была бы правильной и честной для нас самих, и только для нас. И, следуя по этому пути, мы обязательно достигнем того, о чем

не смели даже мечтать.

Я поднял свой рюкзак и вытащил с самого дна тот блокнот, который Джулиан дал мне, вложил в него пергамент и убрал обратно. Снова достав талисман, я повертел его в руках. После чего, вынув из кармана небольшой кожаный мешочек, я положил монетку внутрь и, забравшись под одеяло, уютно свернулся на кровати и заснул.

Проснувшись следующим утром, я понял, что так и проспал всю ночь неподвижно. Так я спал только во время отпуска. Когда я зашел на кухню, восхитительный аромат турецкого кофе, резкий и тяжелый, наполнил мои ноздри. На завтрак Ахмед угостил меня йогуртом с фруктами и кофе. Обрато ехали на машине по мощеным деревенским улочкам и вновь по воде.

После того как мы забрались в лодку, Ахмед запустил мотор и аккуратно отчалил от пристани. Выйдя в открытую воду, мы разогнались. Мы ехали гораздо быстрее, чем прошлой ночью, но изменилась не только скорость.

Несмотря на ранний час, солнце ярко светило в небе. Деревни, зеленые холмы, вода – все казалось чистым и ярким, пронзительным и звонким. Это ошеломляло, но ощущения мифов и тайн предыдущей ночи рассеялись.

– Все выглядит совсем по-другому, – сказал я Ахмеду. – Красиво, но по-другому.

– Да, – ответил он задумчиво. – Я и сам часто это замечаю. Ночь скрывает одно и открывает нам другое.

– В городах тоже так бывает, – сказал я, – то, что ночью кажется волшебным, утром может показаться серым и однообразным.

– Но в то же время обе версии одинаково реальны, – Ахмед задумался, а затем продолжил: – Именно поэтому никогда не стоит полагаться на скорые суждения. Требуется очень много времени, чтобы по-настоящему узнать места, людей, даже самого себя.

Лодка гудела, рассекая воду, а птицы кружились вокруг нас. Далеко впереди я заметил, как два человека забросили сеть с небольшого рыболовецкого судна. Молодой парнишка отделился от группы людей, собравшихся на причале, и стал энергично махать нам. На какое-то мгновение мне показалось, что раньше я уже бывал около этих берегов, но только сейчас смог по-настоящему увидеть их.

– Да, – сказал я своему новому другу. – Я действительно начинаю это понимать.

Глава IV

Временами, пока был в Стамбуле, я чувствовал себя как герой кино. Я смотрел на мир, будто с экрана, и каждое слово, что я произносил, словно было написано кем-то другим. Это сбивало с толку, но в то же время бодрило, даря ощущение, что мир полон новых возможностей. В ту ночь, когда я плыл по Босфору, по темноте водной глади, освещенной луной, я испытывал почти детский восторг. Джулиан говорил, что смысл жизни в том, кем ты станешь, и я начинал понимать это.

Но здесь, сидя в аэропорту Ататюрка, я чувствовал, что *тот* Стамбул уже промелькнул в зеркале заднего вида. Прошлым вечером я выключил телефон и, спохватившись, только сейчас включил его снова. Он сразу зажужжал, переполненный сообщениями с полуистеричными заголовками: «Срочный заказ на поставку»; «Вопрос по контролю качества»; «Сбой XD95»; «Ежемесячные счета к оплате!»; «Где тебя черти носят?!» Я заметил несколько писем от Наванг и начал с них. Кажется, первый этап испытаний качества прошел хорошо. Потом я взялся за письма от Дэвида. Всего лишь запросы отчетов, которые я уже отдал ему, информации, которую уже предоставил. Сколько времени я тратил на то, чтобы высылать все заново, повторять то, что я уже говорил, отправляя сотни сообщений, которые никто все равно не удосужится прочитать (составляя их столь же скрупулезно и точно в срок каждый месяц, каждую неделю)?

И только спустя сорок минут я добрался до сообщений от Анниши и Адама. Анниша спрашивала, все ли со мной хорошо и как я добрался до Стамбула. Черт. Мне следовало написать ей, как только я приземлился. Адам рассказывал про спектакль в школе. Я наскоро ответил им и стал звонить в офис, надеясь застать Наванг.

К тому времени, как я водрузился на свое место в самолете, моя жизнь вернулась в привычное русло. Я не мог игнорировать ни ее, ни свою работу, каждый раз приземляясь в новом месте. Что, если в следующий раз, включив телефон, я не увижу там кучи новых сообщений? Что это будет означать? Уж точно ничего хорошего. Я вытащил несколько вещей из ручной клади и запихнул оставшиеся на полку над головой. Я слышал, как сзади кто-то рвал и метал, недовольный чем-то. Ребенок в хвосте самолета орал на весь салон. Я стиснул зубы и глубоко вздохнул. Втискиваясь в кресло, больше похожее на детское, которое авиакомпания пытается выдать за современное и комфортабельное, я почувствовал, как у меня вздуваются вены шее. Кожаный мешочек, который Джулиан дал мне для талисманов, висел на длинном ремешке. Я надел его на шею в надежде, что так его сложнее будет потерять. Но теперь я чувствовал, как он впивается мне в кожу. Он казался неестественно тяжелым. Слишком тяжелым, с учетом того, что в нем был только один крошечный амулет. Я пристегнул ремень безопасности и вынул мешочек из-под рубашки. Достав монетку, я повертел ее в руках. Солнце и Луна. Инь и ян. Сердце и голова. Небо и Земля. Скрытое и понятное. И я снова спрятал ее.

Затем я вынул блокнот из кармана пиджака. Заметка Джулиана о подлинности лежала внутри. Я и забыл о ней, после того как прочитал. В Стамбуле я чувствовал себя так, словно живу не своей жизнью. Или, лучше сказать, словно я отступил в сторону и гляжу на нее со стороны. Теперь я начал сомневаться, было ли реальным то, что я видел. Что такое мое подлинное «Я»? Кто я на самом деле? Я вспомнил наш с Ахмедом разговор на лодке. Я сказал ему, что я инженер, женат, что у меня есть сын. Все это правда, но она верна и для тысяч других мужчин. Как бы я мог описать себя, не прибегая к этим трем шаблонам?

Я опустил откидной столик и раскрыл блокнот. Повторюсь, я не тот человек, который может часами копаться в себе. Обычно я не вижу в этом никакого смысла.

Так что, достав из кармана ручку и написав «Кто я?» на первой странице, я почувствовал себя очень глупо.

Я пялился в пустую страницу, пока вопрос стюардессы, не желаю ли я что-нибудь выпить, не вернул меня к реальности. Девушка улыбнулась мне и пошла дальше по проходу. Я пригубил кофе и хотел было закрыть блокнот, но сдержался. Это смешно. Неужели я не смогу ответить на поставленный вопрос?

Но, даже допив кофе, я все еще видел перед собой пустую страницу. Перелет длился

почти четыре часа. И я пообещал себе написать хоть что-нибудь до того, как мы приземлимся. Возможно, мне удастся осознать свое подлинное «Я», если вспомнить о тех моментах в жизни, когда я чувствовал, что действительно знаю, кто я и зачем живу, и когда я понимал, что живу именно так, как хочу сам, а не так, как диктуют мне другие.

Я написал заголовок: «Время историй». Странно было писать именно об этом, поскольку это был не какой-то определенный момент, и даже не отдельное событие. Очень-очень давно, когда я был маленьким, у нас в семье был ритуал. После ужина и ванны мама отводила меня с сестрой в одну из наших спален и, когда мы все втроем забирались в постель, начинала читать. Пока я был совсем маленький, это были книжки с картинками. Позже – небольшие рассказы и, в конце концов, огромные тома, типа «Похищенный» или «Путешествия Гулливера». Такие посиделки продолжались дольше, чем я мог бы признаться своим друзьям. Однако было в этом нечто особенное. Вне зависимости от того, что происходило днем, какие проблемы меня подстерегали, как бы мы с Кирой ни ссорились или какие бы беды ни обрушивались на меня в школе, – ночью, уже лежа в кровати, когда я слушал нежный мамин голос, шум снизу, пока отец наводил порядок на кухне, и спокойное дыхание сестры, – все становилось на свои места. Я знал, кто я и зачем живу.

Потом я вспомнил про более определенное событие. «Прогулка с Аннишей по Скалистым горам», – написал я. Это было как раз перед нашей свадьбой. Бредя по маршруту к озеру Грасси, рядом с Кэнмор, крошечным городком на западе Канады, мы наткнулись на небольшой ручеек. Анниша шла позади меня, и, перейдя через ручей, я обернулся, чтобы помочь ей. Потом мы добрались наконец до верхней точки маршрута и взглянули на окружающий пейзаж. Горы обступали нас со всех сторон. Я посмотрел на Аннишу. Я очень четко помню переполнявшее меня ощущение, что я именно там, где и хочу быть, где *должен* быть.

Конечно, тогда я еще не представлял, что почувствую, когда родится Адам. Это мое третье воспоминание. Помню, что в больнице, держа его на руках, пока Анниша дремала, я думал, что отныне и впредь мое место в мире определено этим малышом. Я стал отцом. И навсегда им останусь. В этом была определенность, отрезвляющая и в то же время умиротворяющая.

И в конце я написал: «Пробное испытание системы впрыскивания топлива». После предыдущей записи о рождении сына это событие казалось чересчур и сугубо приземленным, но все равно. Это был мой первый независимый проект, над которым я работал самостоятельно. Джуан попросил меня попробовать придумать новую систему впрыскивания топлива. «Даже не пытайся переделать предыдущие проекты, – сказал он, – ты говорил мне о том, что нужно делать вещи по-другому. Так делай! Начни с наброска. Придумай абсолютно новый проект».

Несколько месяцев я работал над этим проектом. Я забыл про время. Я садился за стол рано утром и с трудом отрывался от него в восемнадцать часов. Выходя из машины вечером, я вдруг останавливался, не понимая, куда я попал. Настолько я был поглощен идеями и переполнен энергией. Утром я вскакивал с кровати, спеша скорее отправиться на работу.

Когда в конце концов я показал свои разработки и схемы Джуану, он сказал задумчиво: – Хм, существует только один способ проверить, как это будет работать. Давай построим твою систему.

Так мы и сделали. И потом мы ее запустили. В конце концов, встроив ее в машину, мы решили провести испытания. Я не спал всю ночь. Наблюдая за скоростью машины в процессе тестирования, я слышал каждый удар моего сердца.

Четыре воспоминания. Достаточно для одного дня. Я закрыл блокнот и засунул его обратно в карман. Откинувшись на сиденье насколько возможно, я закрыл глаза и попытался уснуть.

В аэропорту «Шарль де Голль» сразу после приземления мой пульс начал ускоряться,

как сумасшедший. Очереди на таможне, казалось, не будет конца, да и своего багажа я дождался целую вечность. Выскочив, наконец, через стеклянные двери аэропорта на улицу, я бросился к первому же такси, как ребенок бежит к ларьку с мороженым. Я любил Париж и очень хотел поскорее прогуляться по его улочкам.

Но добирались мы до города очень медленно. Около шести вечера скоростная трасса оказалась забита машинами. В отличие от времени, проведенного в Стамбуле, прозябание в пробках было для меня делом привычным. Я был окружен людьми, для которых пробки на дорогах тоже стали частью ежедневной рутины: водители смотрели вперед без энтузиазма, отягощенные тысячами мыслей о прошедшем дне – что они успели сделать и что им предстоит завтра. Таким был и я, только на другой стороне земного шара. Вместо этого здесь я был пассажиром, пожирающим глазами пейзаж, такой знакомый и в то же время чужой, со стеной серых пригородных многоэтажек, возвышавшихся вдоль дороги, напоминавших мне о том, что в этом многомиллионном городе я не знаю ни одной живой души.

Джулиан забронировал мне отель на Елисейских Полях, но, когда такси остановилось перед входом, я не захотел выходить. Я чуть было не попросил водителя ехать дальше. Ничто не казалось мне более соблазнительным в тот момент, чем возможность покататься по парижским улицам, пока не сядет солнце и не зажгутся огни Эйфелевой башни, которые видно из любой точки города.

Однако, по словам Джулиана, мне предстояло увидеться с человеком по имени Антуан Гоше, но пока было непонятно, когда именно. Антуан должен был оставить для меня записку на стойке в гостинице, уточнив, где и когда мы сможем встретиться, – и я подумал, мало ли, может быть он уже сейчас ждет меня. В конце концов, Джулиан говорил:

– Антуан – очень интересный человек. Это может быть необычная встреча.

Такси покатило дальше вдоль Елисейских Полей, а я зашел в отель. Холл был переполнен. Десятки людей в деловых костюмах, с бейджиками на груди, выстроились перед стойкой регистрации, а еще больше собиралось в холле небольшими группами. Рядом со стойкой консьержа маленькая девочка плакала, сидя на чемодане. Унылая женщина стояла рядом с ней, пытаясь найти что-то в кошельке. Отовсюду слышались выкрики, смех, разговоры и слезы.

Полагаю, перелет, поездка из аэропорта и шум совсем вымотали меня, поскольку, добравшись наконец до регистрации, я думал уже не о ярких огнях ночного Парижа, а о стуле в кафе и напитке покрепче. Когда портье протянул мне ключ со словами: «Комната 1132», – не выдержал, даже не пытаясь разговаривать на французском:

– Нет, это совершенно невозможно. Не выше пятого этажа.

Портье взглянул на меня вопросительно.

– Я не могу... – начал было я, но остановился. Я не хотел ничего объяснять.

Подлинный «Я»? Ну что ж, вот еще часть подлинного «Меня». Я страдаю клаустрофобией; боюсь небольших замкнутых пространств. И отсюда проблема с лифтами. Немногие знают это обо мне – я делаю вид, что моя любовь к лестницам – дань приверженности здоровому образу жизни. Джуан даже прозвал меня «любитель лестниц», после того как я поднимался на восемнадцатый этаж в офис для приема гостей во время конференции. На самом деле мне было легче предстать вспотевшим и запыхавшимся перед своими коллегами, чем перенести несколько минут паники.

Портье понадобилось время, чтобы найти мне комнату на пятом этаже. Вместе с ключом он передал мне небольшой конверт. Должно быть, это от Антуана, подумал я и положил его в карман. Я оставил багаж посыльному и направился к лестнице.

Оказавшись в номере, я наконец скинул ботинки и, повалившись на кровать, достал конверт. В нем был один листок бумаги с короткой запиской: «Антуан Гоше, хранитель архива. Катакомбы Парижа, 1, avenue du Colonel Henri Rol-Tanguy. Давайте встретимся у меня на работе, s'il vous plait. В среду, в 17:30, после того, как музей закроется».

Определенно Антуан был не особенно разговорчив.

Среда – означало завтра. То есть у меня оставался целый день в Париже. Первой моей

реакцией был восторг. Целый день, чтобы бродить по одному из самых фантастических городов мира. Куда же пойти? Нотр-Дам? Маре? Монмартр? Лувр? Но затем другая мысль начала зудеть в голове. *Целый день*. Я достал из кармана телефон. Уже два дня меня не было на работе, а мне все еще оставалось собрать восемь талисманов. Если продолжать с той же скоростью, сколько еще я буду отсутствовать? Три недели казались реальной, но довольно оптимистичной оценкой – а что, если что-то пойдет не так? Я попытался дышать медленнее, расслабил мышцы. Сейчас я ничего не могу поделать со временем, так зачем же беспокоиться о нем, сказал я себе. Расслабься. Успокойся. Воспользуйся открывшейся тебе возможностью. Я глубоко вздохнул и пошел в ванную, чтобы освежиться.

Прогуливаясь по Елисейским Полям, освещенным лучами заходящего солнца, я чувствовал себя тоскливо. Париж – город, который требует пары. Я смотрел на держащиеся за руки парочки, мужчин и женщин, сидящих рядом за небольшими столиками уличных кафе. Если б Анниша была здесь... Мы бы смогли поговорить о наших отношениях. Что пошло не так, как я обидел ее и чем разочаровал Адама. Черт. Магия Парижа испарилась. Изменяю курс. Что было бы, если бы я приехал сюда с Тессой? Так-то лучше. Романтика неизведанного.

Я прогулялся до парка, прежде чем повернуть обратно по широкому проспекту. Вдали виднелся великолепный силуэт Триумфальной арки. Я остановился у крошечного бистро, чтобы поужинать. Я был очень голоден, так что заказал графин красного вина и салат, потом утку и сыры на закуску. Традиционный французский ужин.

Бистро было переполнено людьми. Я пытался прислушаться к разговорам вокруг. Мама и дочка определенно приехали отдохнуть. Чем они займутся завтра? Пойдут по магазинам или отправятся на поезде в Версаль? Какой-то бизнесмен говорил о презентации, которую они собираются провести в конце недели. Парочка обсуждала назойливую соседскую собаку.

Я, не торопясь, доел сыр, оплатил счет и пошел дальше навстречу ночи. Солнце уже село, но город вокруг был полон света. Я дошел до Триумфальной арки и поднялся по трем сотням ступенек на смотровую площадку на крыше. Я не собирался на Эйфелеву башню (из-за лифтов), так что это был для меня лучший шанс взглянуть на город. Наверху я прошелся по кругу смотровой площадки. Эйфелева башня сияла на западе. Огни машин и такси освещали улицы от площади Шарля де Голля. Крошечные фигурки ходили по тротуарам, скрываясь в магазинах и появляясь вновь. Так много людей и так много жизней, все разные, все движутся и меняются. Все ли они проживают свою «подлинную» жизнь? И, если нет, осознают ли они это?

Я все еще не представлял, что же такое моя «подлинная» жизнь, но подозревал, что это не та жизнь, которой я жил. Вряд ли в ней могло быть так много того, о чем я старался даже не думать. Анниша? Мой отец? Джуан? Если бы я жил «подлинной» жизнью, наверно, я чувствовал бы себя более счастливым. Я направился обратно к лестницам. Вниз и вниз по ступенькам, вокруг холодные и молчаливые каменные стены. С каждым поворотом я чувствовал, как энергия уходит. Это был долгий день. Долгие несколько дней. С того момента, как я встретил Джулиана, моя жизнь закрутилась в сплошном урагане. Мой дом, моя работа казались мне сейчас такими далекими. А предстоящие недели маячили впереди, как огромный вопросительный знак. Время отправляться в постель; время забыться сном.

Следующим утром я добрался на метро до района Маре и отыскал крошечное кафе, которое помню со времен прошлой поездки. Заказал *café au lait* и *pain au chocolat*. Расположившись за небольшим столиком, я достал телефон. Ответил на несколько сообщений, а затем вошел в Интернет и набрал «Катакомбы Парижа». Я и раньше слышал о катакомбах, но никогда в них не бывал. Теперь, прочитав о них, я понял, как это было мудро с моей стороны. Как и все христиане, парижане закапывали умерших на священных землях кладбищ. Проблема, видимо, была в том, что со временем кладбища начали переполняться. Время шло, и число людей, живших вокруг них, росло. К концу семнадцатого века

кладбищенская земля была переполнена жертвами чумы, эпидемий, голода и войн. Десятки лет трупы складывали один на другой, и на землях для захоронения кости и разлагающаяся плоть смешивались с грязью. Воздух вокруг кладбищ смердел; растекающаяся грязь загрязняла воду и еду. Разносящие заразу крысы наводнили дома и общественные строения, и дошло до того, что однажды стены в основании одного ресторана рухнули под давлением гниющего содержимого кладбища Невинных. Трупы и кости оказались в кладовых ресторана. Я прочитал, что каменщик, осматривавший место происшествия, подхватил гангрену, только дотронувшись до рухнувшей стены.

Все те годы общественность, должно быть, протестовала, но именно эта рухнувшая стена по соседству с кладбищем Невинных дала толчок решению властей закрыть кладбища и привело к тому, что лейтенант Александр Лемуар изобрел решение проблемы. Пять лет спустя после происшествия представители правительства действовали согласно предложению Лемуара. Было решено перенести тела с городских кладбищ в подземные средневековые каменоломни. Выбрали тоннели, расположенные к югу от городских ворот, и процессией перенесли кости с парижских кладбищ в новый освященный склеп. Не было никакой возможности оставить скелеты целыми, поэтому кости были отсортированы по типу и сложены вдоль стен тоннеля, вместе с отметками с могил, взятыми с кладбищ. В катакомбах, как мне стало известно, хранились останки шести миллионов человек.

Продолжая чтение, я посмотрел несколько фотографий и был рад, что Антуан пригласил меня встретиться уже после закрытия катакомб. Я бы ни за что не согласился отправиться туда на экскурсию. Мало того что пришлось бы проводить время среди груд костей, так еще узкие, темные тоннели... У меня кружилась голова, стоило мне только подумать об этом.

После завтрака я решил побродить по улицам. К полудню солнце стало припекать нещадно. Его яркость и тепло напомнили мне о талисмане «подлинности» – об этой крошечной монетке с солнцем и луной. Предполагалось, что он должен обладать некой восстанавливающей силой. Как именно это работает? Может ли он помочь человеку обрести его подлинное «Я»? И если да, как это может помочь кому-то исцелиться? Я шел, вглядываясь в лица прохожих. Я решил поиграть, отгадывая, кто из встречавшихся мне людей живет своей подлинной жизнью, а кто нет. Молодой высокий мужчина, уткнувшийся носом в путеводитель по Парижу, – нет. Малыш, крепко ухватившийся за мягкую игрушку, – да. Немолодой хмурый официант, стоящий у дверей в небольшое бistro, достающий из кармана сигарету, – нет. Женщина, раскладывающая яркие шарфы на витрине магазина, – да. Еще несколько кварталов я продолжал гадать, а потом призадумался о том, что определяет мой выбор. Я решил, что определенное выражение наполненности во взгляде заставляет меня думать, что они живут «реальной» жизнью, а не по какому-то шаблону, который навязывает им общество. Взгляд, который говорит, что они знают, кто они на самом деле, что для них важно и чему они посвящают отведенное им время. У кого еще был такой взгляд? У мамы и папы. Возможно, это только детское восприятие, но, даже когда они ворчали из-за нашего покосившегося дома или по поводу старого автомобиля, они казались мне невозмутимыми, более того – даже довольными жизнью. Это сводило меня с ума. Я подумал о нескольких своих друзьях и вдруг вспомнил про Джуана. Не того Джуана, которым он был в последние годы, а того человека, которого я встретил, когда впервые перешагнул порог нашей компании.

Должно быть, ему только-только перевалило за сорок, когда мы впервые встретились, но он обладал мудростью и энтузиазмом ученого старца. Во время собеседования он казался отвлеченным, даже безразличным; я удивился, когда он в итоге позвонил мне и предложил работу. Позже я понял, что мне просто довелось застать его погруженным в свои мысли. Вероятно, ему так понравились мои тесты по профпригодности, мой предыдущий опыт работы и мои вводные замечания, что он просто размышлял, работу над какими проектами он мог бы мне доверить. Однако в мой первый рабочий день Джуан казался уже вполне заинтересованным.

– А вот и он, – объявил он, когда я вошел. – Идите все сюда! – обратился он ко всем в лаборатории. – Встречайте нового члена нашей команды – юного, но впечатляющего Джонатана Лондри.

Потом нас всех представили друг другу, провели для меня экскурсию по лаборатории и накормили обедом в местной забегаловке. Джуан велел мне сразу приступить к работе по новому проекту. Я до вечера засиделся у компьютера, ни на секунду не забывая о своем страстном желании преуспеть. Около пяти часов я почувствовал, как мне на плечо легла чья-то рука. Я обернулся и увидел улыбающегося Джуана.

– Кажется, у тебя был довольно насыщенный первый день, – сказал он. – Я останусь разобраться с бумагами, а ты иди домой. Ты и так хорошо поработал.

Не думаю, что я сделал хоть что-то полезное, но уверенность Джуана приободрила меня. Я глубоко вздохнул, сохранил файлы и выключил компьютер.

Так продолжалось всю неделю. Я сидел за компьютером, предельно сосредоточившись на работе, и, как только мои плечи затекали или в висках начинала стучать головная боль, Джуан заходил поинтересоваться, как у меня дела, предложить что-нибудь или даже временами посоветовать мне отправиться передохнуть. Но, несмотря на всю его поддержку, я умудрился напортачить еще в первый месяц работы – глупая ошибка в расчетах, из-за которой наши образцы отклонили. Босс Джуана ворвался в лабораторию, швырнув пачку листов на один из столов.

– Чьих это рук дело? – выпалил он.

Тут же появился Джуан, поднял бумаги и, взглянув на них, сказал:

– Извини, Карл, кажется, мы допустили здесь ошибку. Я прослежу, чтобы исправленные планы были у тебя к концу дня.

Карл не спешил уходить, подозрительно поглядывая в мою сторону.

– Это моя ошибка, – сказал Джуан, продвигаясь к двери, явно пытаясь поскорее выпроводить Карла из лаборатории, – но ее легко исправить, мы сейчас же этим займемся!

Как только Карл скрылся в коридоре, Джуан подошел к моему столу:

– Никто не застрахован от ошибок, не стоит их бояться. – И добавил: – Ведь мы учимся на ошибках.

Таким был Джуан, словно в броне. Он вовсе не винил ни меня, ни того человека, который проверял мой отчет перед тем, как отправлять его дальше. Спокойный и философски смотрящий на жизнь. Неизменно оптимистично настроенный. Готовый поддержать каждого, кто с ним работает. Он мог достучаться до лучшего, что было в нас. Я искренне верю в это.

Тогда я даже не догадывался, что спустя восемь лет Джуана не станет, и что в конце останется только его жалкое подобие, вечно спешащее куда-то, тревожное и беспокойное. Его плечи опустятся, лицо осунется, а волосы покроет седина. Я больше не буду с ним работать, и хуже того, даже не буду с ним разговаривать.

За окном показалась Сена, и это прервало мои мысли о Джуане. Я приехал к мосту Нотр-Дам. Перешел мост, побродил по улицам, вышел к собору. Я долго стоял перед его великолепными дверями с фигурами святых и гаргульями на каменных стенах, витражными окнами, сияющими в лучах солнца. Захватывающая работа. Какое великолепное творение! Сделал пару фотографий на телефон, чтобы показать Адаму, когда вернусь домой. Потом вошел внутрь.

Остаток дня я провел, гуляя по городу, добираясь на метро до очередной достопримечательности, исследуя улочки Латинского квартала, и в конце концов, ближе к вечеру устроился отдохнуть в бистро под названием «Les Deux Magots» рядом с бульваром Сен-Жермен. Небо затягивало тучами, но я все равно выбрал столик на улице. Заказал *citron presse* и откинулся на спинку плетеного стула. Я положил руку на заветный мешочек, который висел у меня под рубашкой, и поглядывал на прохожих. Был погожий день, но я чувствовал, как сердце сжимается в груди. Я был предоставлен самому себе – и даже не

представлял, насколько это может затянуться. Мне хотелось обратно домой. Провести выходные с Адамом. Поработать вместе с коллегами. И может быть даже, набравшись храбрости, пригласить Тессу на обед. Или на ужин. Это был бы неплохой способ избежать одиночества в пустой квартире. Мысли о ее темных волосах заставили меня улыбнуться.

Я мог бы сидеть так до захода солнца, но мой телефон звякнул, напоминая, что мне пора отправляться в катакомбы. Я расплатился по счету и неохотно направился к метро.

Проехав несколько станций, я вышел на остановке Денфер-Рошери и поднялся по лестнице. На площади я наткнулся на указатель и сразу же отправился к каменному зданию, которое, как я прочитал, было частью бывших городских ворот *Barrière d'Enfer*. Небольшая серая каморка, примыкавшая к воротам, оказалась билетной кассой катакомб. Но маленькая дверь была плотно закрыта, и вокруг никого не было.

Я постучал, но никто мне не ответил. Я постучал снова, в этот раз сильнее колотя по темному дереву. Мне показалось, что я услышал шаги с другой стороны, а потом дверь медленно открылась внутрь. Прыщавый юнец лет восемнадцати стоял передо мной.

– Антуан? – неуверенно спросил я.

– Нет, – ответил он по-французски, закатывая глаза. – Антуан работает. Следуйте за мной.

Он повернулся и пошел, а у меня не оставалось иного выбора, кроме как последовать за ним. Он шел быстро, так что мне пришлось поторопиться, чтобы не отставать.

– Куда мы... – начал было я на ломаном французском, но мой проводник только пренебрежительно махнул рукой и повторил:

– Следуйте за мной.

Пройдя еще немного, он скрылся за дверью. Оказавшись на пороге, я с ужасом увидел, что проход ведет к крутой каменной винтовой лестнице, уходящей вниз. Катакомбы. Мы направлялись в тоннели. Мое сердце бешено заколотилось в груди, воротничок рубашки показался слишком тесным, казалось, воздух больше не поступает в легкие. Но, несмотря на поднимающуюся панику, ноги сами понесли меня вниз по узким каменным ступеням, хотя стук метавшегося в груди сердца едва ли не заглушил звуки шагов. Мы спускались все ниже и ниже. Голова кружилась, и от постоянных поворотов начинало тошнить. Я не представлял, как долго мы шли, но к тому моменту, как лестница закончилась, мне показалось, что мы спустились уже на несколько этажей под землю.

Мой молчаливый проводник поспешно шел впереди меня, похоже было, что ему тоже здесь не нравилось. Тоннель был сырым и темным. Кости шести миллионов парижан покоились в этом месте. Скелетов пока видно не было, но меня пугали вовсе не они. А вот тоннель, с его низкими потолками и узкими стенами... Я спешил позади моего проводника, чувствуя, что начинаю дышать быстрее и чаще. На лбу выступили капли пота, хотя самого меня пробирала дрожь. Накатывали волны головокружения, и я с трудом переставлял ноги. Я не был уверен, что смогу продержаться долго, но страх потерять из виду моего проводника заставлял меня двигаться вперед. Нужно было попытаться отвлечься.

И как раз тогда мы прошли мимо небольшой ниши, закрытой оргстеклом. За ограждением виднелся потрепанный деревянный стул и небольшая табличка с текстом, освещенная свечой. В ней говорилось о Второй мировой войне. Я вспомнил еще кое-что, что успел прочитать о катакомбах. Во время войны партизаны прятались в этой извилистой сети тоннелей. Годами жили тут.

Каково им было бороться против господства фашистов? Жили ли они в постоянном страхе и с ощущением нависшей над ними угрозы? Или же их преданность своей цели, справедливости и стремление к свободе наделяли их отвагой? Я подумал, что, наверное, в их душе смешивались все эти чувства. Настоящая отвага может быть только перед лицом страха – если ты ничего не боишься, то как твои поступки можно назвать храбрыми?

Но какова ирония! Задумывались ли они, живя в стесненных условиях, окруженные останками умерших, но верные своим принципам, глядя на кости, о том, что в любом случае все, кого они пытаются спасти, так или иначе окажутся здесь же? Пусть даже им удастся

сократить страдания и смерти, будет ли в этом какой-то смысл? Вселяло ли это в них сомнения? Кости в тоннелях принадлежали людям, они прожили свою жизнь и умерли – кто-то со смыслом и значением, кто-то нет. Важно ли это, по большому счету, как они жили?

Мой проводник продолжал петлять по коридорам. Я ускорил шаг, как раз когда мы повернули за угол и наткнулись на кучу костей.

Я остановился. Моя паника прошла. Длинные скошенные стены были облеплены костями – аккуратно уложенные бедренные кости, кости голени. Сложные витиеватые узоры сложены из ключиц и ребер. Прямо передо мной была колонна из оскалившихся черепов. Я подумал о тех, кто прятался в катакомбах. Конечно, важно, как мы проживаем свою жизнь. Партизаны понимали это. Должно быть, они смотрели на эти кости и думали, что ужас этих тоннелей – ничто в сравнении с тем, что совершается над ними, на улицах оккупированных Парижа, Лодзи, Берлина, Амстердама. Все партизаны, где бы они ни жили, должно быть, понимали, что лучше встретиться со страхом лицом к лицу, чем игнорировать его.

Внезапно мой проводник остановился на входе в следующий тоннель, отгороженный от того, по которому мы только что шли, ржавой железной решеткой. Впереди ничего не было видно. Он отодвинул решетку и пошел дальше. Он обернулся, чтобы убедиться, что я не отстаю. Неуверенным шагом я двинулся за ним, от тусклого света во тьму, в которой только что скрылась его спина. Сделав несколько шагов, я вдруг споткнулся. Послышался глухой стук, и я замер как вкопанный. Неожиданно все озарилось ярким светом. Это мой проводник включил фонарик. Лучше бы он этого не делал! Ужасный порядок был нарушен. Кости были повсюду – разбросанные по земле у наших ног, свисающие со стен. Луч фонаря осветил залежи пыли и рваную паутину.

– Ça c'est pour vous, – сказал юноша, сунул мне в руки фонарь и побежал прочь.

– Что?! – попытался выкрикнуть я в ответ.

Но не успел я закончить своего вопроса, как мой проводник огрызнулся:

– Il vous rencontrer ici.

И вот он уже исчез, оставив меня одного, в полусотне футов под землей, единственное живое существо в океане смерти.

Теперь уже ничто не могло меня отвлечь. Все вокруг замерло, но стены тоннеля словно давили на меня со всех сторон. Казалось, потолок начал дрожать, и мне почудилось что он вот-вот рухнет. «Это нереально, – пытался внушить себе я. – Это приступ страха». Но волны паники накатывали на меня, грозя разорвать части. Я хотел опереться на что-нибудь, чтобы собраться с силами, но боялся даже пошевелиться, окруженный всеми этими костями.

Мне показалось, что прошла целая вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько секунд, и я услышал шаги.

Из тени вышел невысокий мужчина.

– Это я, Антуан, – сказал он по-французски. И тут я пошатнулся.

– О, боже! – воскликнул Антуан. Он подхватил меня под руку и помог удержаться на ногах. Затем он прошел вперед, мимо груд костей, сваленных у стены, принес два маленьких складных стула и поставил их посреди тоннеля. – Садитесь, пожалуйста.

Ему, похоже, было за пятьдесят. Седые вьющиеся волосы обрамляли бледное морщинистое лицо. Он был в круглых очках и в чем-то, похожем на темный лабораторный халат. Как и у Ахмеда, у него было очень доброе лицо, но в то же время в его поведении было что-то напускное.

– Простите, что вам пришлось дожидаться меня здесь, – извинился Антуан, – у меня работа сегодня вечером – я реставратор. Кости ведь постепенно оседают или просто падают. А иногда их крушат вандалы. Приходится постоянно что-то поправлять.

Мое дыхание постепенно приходило в норму. Хорошо, что мои панические атаки обычно не затягиваются. Словно мое тело не может подпитывать их необходимым количеством энергии. Я вытер лоб и промямлил:

– Ничего страшного.

Антуан кивнул и мягко улыбнулся:

– Я не удивлен, что вам тут не по себе. Большинство людей чувствуют себя нормально, пока кто-то рядом. Но вот оставаться тут один на один со своими мыслями, как это делаю я каждый день, вряд ли кто-то согласится. Но, знаете, делая то, чего мы боимся, мы становимся бесстрашными.

Он пошарил в карманах и вытащил небольшую баночку. Сняв крышку, он предложил мне леденец. Я покачал головой, а он взял один себе.

– Когда я был еще очень молод, я потерял отца, – сказал он. – Все, что я знал о нем, оставалось в прошлом, возможно, поэтому я так заинтересовался историей, архивами. Но воспоминание о нем, лежащем в гробу, преследовало меня годами. Не давало мне покоя. Когда открылась эта вакансия, я подумал: «Ну уж нет, работать с костями, со смертью – это то, чем я меньше всего хотел бы заниматься». Но потом я понял, что именно потому, что я так боюсь смерти, мне стоит согласиться на эту работу. Это освободило меня. – Он обвел руками вокруг и засмеялся. Затем подался вперед и внимательно посмотрел на меня: – Вам лучше?

Я кивнул.

– Ох! – Он словно вспомнил что-то: – Вот, держите! – И он протянул мне небольшой сверток и сложенный лист пергамента, похожий на тот, что Ахмед давал мне в Турции. – А мне нужно возвращаться к работе. Но, думаю, вы не станете возражать против того, чтобы уйти отсюда побыстрее.

Я кивнул и попытался улыбнуться, немного удивившись, что встреча, ради которой я проделал столь долгий путь, оказалась такой короткой. Мы оба встали.

– Думаю, вы сможете выбраться самостоятельно, – сказал Антуан. Он подошел к железной решетке и указал на тускло освещенный тоннель: – Вам туда. Просто идите по тоннелю и не сворачивайте ни в какие ответвления. Я попросил Жана оставить дверь открытой, чтобы вы могли выйти.

Я спрятал сверток и пергамент в карман.

– Спасибо вам, – сказал я. – Спасибо!

Уходя, я услышал, как Антуан крикнул мне:

– Храбрость, Джонатан! Только так можно жить. Помните, это не что-то, что можно почувствовать, это то, что можно продемонстрировать.

Я шел вперед по тоннелям. Симметрия, аккуратность и сложность узоров, в которые были сложены кости, вызвали у меня облегчение в сравнении с тем беспорядком, что царил в тоннеле Антуана. И я уже не так стремился поскорее выбраться из этой тесноты, я бы даже мог задержаться, чтобы оценить искусность работы. Но вместо этого я глубоко вздохнул и напомнил себе, что выход совсем рядом, может, даже за ближайшим поворотом или за следующим. В конце концов я добрался до основания каменной лестницы. Я поднялся вверх так быстро, как только мог, хотя мои ноги еще немного ныли после вчерашнего подъема на Триумфальную арку. И с облегчением вышел на улицу. Свежий вечерний воздух был великолепен. Я сделал несколько жадных вдохов и только после этого направился по тротуару к ближайшей скамейке.

Присев, я достал небольшой сверток, который дал мне Антуан. Снял несколько слоев пожелтевшей оберточной бумаги. Внутри был крошечный металлический череп. Его челюсти были открыты, словно он улыбался мне. Или смеялся. Это заставило меня улыбнуться. Я повертел миниатюрный череп в руках. Антикварная бронза, возможно. Или какой-то сплав железа. Я вынул кожаный мешочек, висящий у меня на шее, и положил в него талисман. Затем я аккуратно развернул пергамент.

«Примите свои страхи» — гласил заголовок. Смешно. Я уже догадался, что талисман должен быть связан со страхами. Я продолжил читать:

Примите свои страхи

То, что более всего сдерживает нас в жизни, – это невидимая стена страха. Она

заставляет нас оставаться в зоне комфорта, которая, по правде говоря, самое небезопасное место для жизни. На самом деле рискованней всего – вообще не рисковать. Но каждый раз, делая что-то, чего мы боимся, мы получаем обратно ту энергию, которую отнимал у нас страх, – ведь по ту сторону от наших страхов находится наша сила. С каждым шагом в сторону дискомфорта роста и развития, мы становимся свободнее. Чем больше страхов мы преодолеем, тем больше энергии приобретем. В таком случае мы станем не только бесстрашными, но и сильными и сможем прожить ту жизнь, о которой мечтаем.

Достав блокнот, я положил пергамент внутрь. Повесил мешочек с талисманами на шею и направился в метро.

Еще даже не было половины седьмого. Все мои приключения в катакомбах заняли меньше часа. Вечером я получил сообщение от Джулиана, что завтра утром в аэропорту я смогу забрать свой следующий билет на самолет. Так что в моем распоряжении оставался еще целый вечер. Я решил сначала вернуться в отель и немного освежиться, а потом отправиться на площадь Трокадеро, напротив Эйфелевой башни. Я поужинаю там в ресторане и, перед тем как отправиться спать, полюбуюсь на огни башни.

Я вышел из метро на станции «Шарль де Голль – Этуаль» и пошел по Елисейским Полям. Я глубоко задумался, вспоминая все мучительные переживания в тоннеле, мою панику и спасение. Войдя в отель, я направился к лифту. Когда двери открылись, я зашел внутрь и нажал кнопку «4». Я обернулся на холл, но не шевельнулся. Двери медленно закрылись, и лифт начал подниматься. Впервые за последние двадцать лет я воспользовался лифтом. Несмотря на панику, я чувствовал, что все просто замечательно.

Глава V

Еще из Парижа я несколько раз пытался дозвониться до Джулиана, но его телефон все время был выключен. Никаких объяснений о том, куда мне предстоит поехать, с кем встретиться или как долго это будет продолжаться. Я стиснул зубы. Вообще-то я имел право знать подробности. Я позвонил ему еще раз, но безуспешно.

Так что следующим утром я чувствовал себя полнейшим идиотом, стоя перед растерянным работником авиакомпании «Air France», который регистрировал меня на рейс. Я не верил своим глазам, а в моем голосе проскакивали визгливые нотки:

– Осака? – воскликнул я. – Япония? Вы, должно быть, шутите!

Я не знал, почему именно этот пункт назначения вызвал у меня такое замешательство. Видимо, идея провести ближайшие двенадцать часов в самолете не очень-то понравилась моему и так уже измученному перелетами телу. Голова начинала болеть от одной мысли о том, что опять придется лететь в неизвестный мне город, в страну, где я никого не знаю и на языке которой совсем ничего не могу сказать.

С трудом пробираясь по проходу самолета, я с ужасом обнаружил, что мне досталось место посередине. С одной стороны расположился огромный мужчина, уже успевший захватить контроль над подлокотниками. С другой – стройная женщина, положившая книгу

на откидной столик перед собой, ясно давая понять, что ни с кем не хочет разговаривать. Я не возражал. Я и сам не испытывал желания беседовать.

Наверно, можно было бы почитать или посмотреть фильм, но мысли о том, что произошло со мной за последние несколько дней, не давали покоя. И проблема была не в том, что мой сосед занимал чуть больше места, чем ему было положено, и не в том, что поток холодного воздуха дул мне прямо в правое ухо (спасибо моей соседке с другой стороны, пытавшейся настроить кондиционер). Одежда казалась мне тесной и колючей, в горле пересохло, а ремешок от кожаного мешочка с талисманами снова впивался в шею. С некоторым трудом я вытащил его из-под рубашки и положил в карман брюк, но он продолжал мешать мне, впиваясь в бедро. Ручная кладь была убрана на полку, а в сетку на кресле передо мной я не хотел ее класть. Я был уверен, что могу случайно забыть ее там, выходя из самолета. Я шарил по карманам, вертелся в кресле, и женщина рядом со мной громко вздохнула.

Это было неприятно, но она была права. Я, безусловно, был нарушителем спокойствия. Я повесил мешочек обратно на шею и спрятал его под рубашку.

Через шесть часов полета я начал беспокоиться о том, что ждет меня впереди. Мы прилетаем в Осаку рано утром, а по парижскому времени это поздний вечер. Мне предстоит ночь без сна. Да еще впереди шесть часов полета, шесть часов в этом тесном, замкнутом пространстве. Мне ничего не оставалось, кроме как попытаться вздремнуть, надеясь на то, что несколько часов сна помогут мне скоротать время и дадут возможность продержаться целый день в Японии. Мои соседи, похоже, рассуждали так же: мужчина уже храпел, а женщина, дочитав свою книгу, откинула спинку кресла и закрыла глаза. Все вокруг притихли. Все, кроме двух молодых барышень позади меня.

Они болтали по-английски. В самом начале полета я случайно услышал, как одна из них сказала, что направляется в Осаку преподавать английский. Вторая девушка ответила на английском с французским акцентом, что у нее в Осаке живут родственники. Она собиралась остановиться у них в начале своего трехмесячного путешествия по Азии. Сначала они просто перебрасывались короткими фразами, но в середине полета вышли на новый уровень знакомства. Их разговор, теперь гораздо более громкий, стал энергичней и эмоциональней, что, скорее, было уместней в ночном клубе, чем в самолете. Я пытался не обращать на них внимания, но не мог. Достав наушники, я надел их и стал переключать радиостанции, пытаюсь найти какую-нибудь спокойную музыку, но ничто не могло заглушить голоса позади меня. Я не представлял, как моему соседу удалось заснуть в такой обстановке.

Время тянулось бесконечно. Я слушал про вероломных парней и надежных друзей. Про фантастические занятия йогой и классные татуировки. Про наращивание волос и глубокое очищение организма. К тому времени, как они добрались до планов на будущее, я готов был их убить. В конце концов я решил посмотреть комедию, но второсортные шутки не улучшили моего настроения.

Когда я наконец вышел из самолета, проведя последние двенадцать часов в духоте и с затекшими ногами, я был измучен до предела. Не зная, куда идти, я решил следовать за толпой, пока не доберусь до места выдачи багажа.

Было понятно, что рано еще толкаться около ленты конвейера. Иногда багаж доставляют так медленно, словно он прибывает отдельно, на лайнер «Куин Мэри», а не вместе с вами на том же самолете. Прислонившись к стене, я сполз по ней и присел на корточки.

Стоило мне включить телефон, как пришло сообщение от Джулиана:

Дорогой Джонатан!

Извини, что мой телефон был отключен, когда ты звонил, и что я не предоставил тебе больше информации. Я оставлял сообщение о следующем хранителе талисмана и инструкции в отеле на твое имя, но, видимо, в их системе что-то сбилось и ты его не получил. Как бы там ни было, ты остановишься в Киото у прекрасной женщины по имени Сато Аямэ (Сато – это фамилия), в

*гостинице, принадлежащей ее семье. Она встретит тебя в аэропорту.
Наслаждайся Японией.*

Удачи, Джулиан

Я отправил Аннише и Адаму сообщение, что приземлился в Осаке, и положил телефон обратно в карман. И тут вдруг я услышал знакомый голос:

– Мне было так приятно познакомиться!

Голос принадлежал одной из девушек, стоящих плечом к плечу у ленты выдачи багажа. Мои соседки продолжали трещать без умолку. Голова заболела еще сильнее. Багажа все не было, так что я встал и скрылся в туалете. К тому времени как я вернулся, чемоданы уже катались на ленте конвейера. Темноволосая девушка наклонилась взять розовую клетчатую сумку. Я подошел поближе. Когда конвейер сделал полный поворот, я понял, что моего чемодана еще нет, и стал смотреть туда, откуда он мог появиться. Но и двадцать минут спустя я все еще надеялся увидеть свой багаж. Однако, похоже, ждать было нечего. Я обернулся на те несколько чемоданов, что все еще болтались на конвейере. Но как бы мне этого ни хотелось, моего среди них не было.

В ручной клади у меня лежала зубная щетка и пара чистого белья, но все мои туалетные принадлежности и большая часть моих вещей оставались в потерянном багаже. Я чувствовал, как головная боль сдавливает мне виски. В голове стучало, в груди ныло. «Ну почему это произошло именно со мной? В тысячах километров от дома, и без вещей. Все не так!»

Почти все мои попутчики уже разошлись. Я осмотрелся. Аэропорт «Кансай» был новым, ярким и блестящим. Как и большинство крупных просторных аэропортов, он казался переполненным и одновременно пугающе пустым. Все указатели были на японском и на английском, но вторых было явно меньше. Я уже почти отчаялся разобраться, куда мне следует обратиться и что сделать. И мне еще предстояло пройти таможеню и границу, прежде чем я мог бы выйти и встретиться с Аямэ.

Долгий перелет, надоедливые попутчики, моя усталость, а багаж и вовсе стал последней каплей. Я был уже не просто расстроен, я был в ярости. Мое сердце ухало в груди, а поджилки тряслись, как будто по венам пустили ток. Я заметил мужчину в форме, стоящего неподалеку, и подумал, что он сможет помочь решить мою проблему. Я ринулся к нему.

Позже я понял, как мне невероятно повезло. В наше время не очень разумно терять самообладание в аэропорту. Чудо, что меня не отправили в какую-нибудь закрытую комнату для допроса, или, хуже того, не арестовали. Но каким-то образом меня провели через таможеню и паспортный контроль, представили сотруднику авиакомпании, который пообещал найти мой багаж, и вежливо выпроводили в зону прибытия, уставшего и потрепанного. Однако перед этим я успел высказать все, что я думаю, чередуя английский и французский, всем, кто меня слушал. Наверное, благодаря языковому барьеру, часть того, что я говорил, так и осталась загадкой для людей, пытавшихся помочь мне. Сложно представить, что только доброта и вежливость могли удержать их от того, чтобы сказать мне, куда я могу отправляться вместе с моим потерянным багажом.

Мой гнев и все последующие события отняли у меня последние силы. Все, чего я хотел, – это плюхнуться в машину и подождать, пока меня доведут до удобной кровати. Я без особой надежды оглядел зал прибытия. Неподалеку я заметил женщину лет тридцати, которая стояла возле телефонов. У нее были блестящие волосы до плеч, одета она была в зеленую рубашку и выцветшие джинсы. Такой таблички, как у Ахмета, у нее не было, но она определенно кого-то высматривала. Увидев меня, она кивнула и поспешила навстречу. Подойдя ближе, она улыбнулась:

– Hajime-mashite Джонатан Лондри-san? – спросила она.

Я кивнул, а она поклонилась.

Я вспомнил, что, когда перешел в отдел продаж, компания отправляла меня на семинар по этикету других стран. Я забыл почти все, чему меня там научили, но сейчас осознал, что

за час пребывания в аэропорту «Кансай» я, вероятно, нарушил практически каждое из правил поведения, принятых в Японии. Это действительно было чудом, что ко мне отнеслись с таким терпением. В ответ я постарался поклониться чуть ниже, чем Аямэ.

– Добро пожаловать в Японию, – сказала она. – Мне очень приятно встретиться с вами.

– Ох, слава Богу! Вы говорите по-английски, – невольно вырвалось у меня.

Аямэ снова поклонилась и улыбнулась.

– Да, – сказала она. – Я преподаю английскую литературу в университете Киото, так что иначе и быть не могло.

Я постарался исправить впечатление, извинившись за мое замечание по поводу ее английского и объяснив мое облегчение.

– Просто дело в том, что мой багаж оказался потерян, – сказал я. – Так что мне нужно вернуться к стойке авиакомпании и дать им адрес, куда они могли бы отправить его, когда найдут.

Аямэ пошла вместе со мной. Она попросила разрешения вести разговор вместо меня, на что я с радостью согласился. Мои нервы все еще были на пределе. Я боялся, что снова могу не сдержаться.

Аямэ поговорила с сотрудником авиакомпании на японском. Обернувшись ко мне, она сказала, что мой багаж нашли, и он уже летит в Осаку поздним рейсом. Его отправят курьером в мою гостиницу в Киото, как только он прибудет в аэропорт. Потом она пошла по длинному коридору со стеклянными стенами. Я думал, что мы идем на парковку, но Аямэ сказала, что мы поедем в Киото на поезде, а там уже возьмем такси до *рёкана* ее родителей на востоке города.

– *Рёканом* называют традиционную японскую гостиницу, – пояснила она. – Надеюсь, вам она понравится. Многим путешественникам приходится по душе такая альтернатива отелям в западном стиле.

Народу в поезде было довольно много, но мы с Аямэ нашли два места по соседству. Она сказала, что поездка займет около полутора часов. Я не смог сдержать вздоха. Аямэ удивленно посмотрела на меня.

– Извините, я не пытаюсь намеренно казаться грубым. Просто я так устал от всего этого путешествия. Я даже не представляю, сколько сейчас времени и какой день недели! И все это до сих пор кажется мне нелепым. Я не понимаю, почему все «хранители», или как бы Джулиан вас ни называл, просто не могли отправить свои талисманы почтой.

– Я думаю, что, должно быть, у Джулиана есть довольно веские причины организовывать все именно таким образом, – ответила Аямэ. – Возможно, вам стоит просто попробовать более философски относиться к вашему приключению. В конце концов, – добавила она, – вся наша жизнь – это путешествие...

– Да, да, – не сдержался я, – но *это* не похоже на путешествие. Это больше похоже на бессмысленный аттракцион. За последние пару дней я успел побывать в разных концах света... Буэнос-Айрес, Стамбул, Париж... И Бог знает где я окажусь завтра или на следующей неделе.

– Хм, да уж. Это, должно быть, очень тяжело, – мягко посочувствовала Аямэ. – Но знаете, как говорят? Не важно, куда ты направляешься, важно, кем ты станешь.

Я был не в настроении выслушивать проповеди.

– Что с вами со всеми? – выпалил я. – Вы все твердите одно и то же. Прямо как Джулиан.

Аямэ выглядела скорее удивленной, чем обиженной:

– Что тут странного? Мы все добрые друзья Джулиана и многому у него научились. Благодаря ему мы все изменили свою жизнь.

– Ну что ж, – я все еще был раздражен: – Моя жизнь тоже меняется, но я не уверен, что в лучшую сторону. На работе все катится к черту. И моя жена...

Тут я замолчал. Я не хотел об этом говорить. Я не хотел думать о том, что я потерял в

жизни. Мою жену. Сына. Багаж.

Помолчав немного, Аямэ заговорила снова.

– Должно быть, вы тоже волнуетесь за Джулиана? – спросила она.

– Что? – удивился я.

– Раз он попросил вас собрать все эти талисманы, они, наверное, очень нужны ему. Вас не беспокоит мысль о том, зачем они ему понадобились? Мысль о человеке, который нуждается в помощи?

Последнее время я совсем об этом не думал. Что, если Джулиан не сказал мне всей правды про маму? Что, если она больна? Мама из таких людей, которые, как кажется, живут беззаботно. Я только лет в двенадцать понял, что она тоже может заболеть, как и все остальные.

Но, даже если дело не в маме, это может быть моя сестра, Кира. И хотя она на два года младше, я всегда думал, что она более ответственная. Именно она помогала маме, когда умер отец, она напоминала мне о мамином дне рождения или говорила, чтобы я ей позвонил или приехал. Она поддерживала со мной связь, она разбиралась со всеми проблемами в нашей семье. Сказала бы она мне, что больна или что ей нужна помощь? А кроме нее были еще мои тети, дяди и кузены.

И, даже если человек, которому потребовалась помощь Джулиана, не был членом нашей семьи, значит ли это, что я не должен относиться к заданию с той же ответственностью? В последние дни я был полностью поглощен только своими переживаниями.

– Да, – сказал я, хоть и без должной степени откровенности, – я, конечно, тоже беспокоюсь.

Прошло несколько минут, прежде чем Аямэ заговорила снова.

– Уже почти восемь утра, – сказала она. – Возможно, вы бы хотели немного отдохнуть.

Поезд по сравнению с самолетом был очень тихим. Только приглушенный гул голосов доносился откуда-то издалека. Я закрыл глаза, расслабился и не заметил, как заснул.

Я ни разу не обернулся на Аямэ, пока мы ехали в такси по улицам Киото. Уже на железнодорожной станции мы попали в современный город – я ожидал, что таким мог быть только Токио. Высокие потолки, просторные арки из стекла и металла, все блестящее и чистое, яркое и просторное. И городской пейзаж в Киото выглядел привычно – стеклянные небоскребы на фоне холмов на горизонте, вперемежку с неприметными зданиями и башнями разной высоты. Одна из башен даже напоминала Спэйс-Нидл в Сिएтле, она тоже оканчивалась небольшой площадкой в форме диска. Но теперь, пока мы петляли по улицам, все выглядело совсем по-другому. Маленькие деревянные домики, зажатые между современными кирпичными зданиями, некоторые с загнутыми черепичными крышами, другие с деревянными башнями или витиеватой отделкой. Перед многими были посажены вьющиеся растения и бонсай. Я заметил нескольких женщин, одетых в кимоно.

– В Киото много истории, можно увидеть много интересного, – рассказывала Аямэ. – Когда-то тут была столица Японии. Городу удалось избежать бомбардировок и разрушения по время Второй мировой войны. И здесь очень много храмов.

– Неужели? – спросил я, глядя в окно.

– Может быть, завтра, я смогу показать вам один из них.

– Да, это было бы замечательно, если у вас найдется время.

– А сегодня вечером, – сказала Аямэ, – мои родители хотели бы присоединиться к нам за ужином. Традиционная трапеза *кайсэки*.

Я замялся, прежде чем ответить.

– С удовольствием, – сказал я, – но должен вас предупредить. Я знаю, что здесь совсем другие порядки, нежели там, откуда я родом, и правила этикета довольно сложные, – мне было непросто выразить то, что я имел в виду, вспоминая сцену в аэропорту. – Я боюсь, что могу нечаянно обидеть кого-нибудь.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – ответила Аямэ. – Я и мои родители прекрасно это

понимаем. Я вам все подскажу, если захотите.

Я кивнул, и в этот момент такси остановилось у края дороги.

– Нам придется выйти здесь, – сказала Аямэ. – Гостиница расположена чуть дальше по улице. – Она указала вперед на небольшую аллею. – Это очень старая улица, она слишком узкая для машин.

Мы вышли из такси и повернули на небольшую аллею. Камни мостовой были немного влажными, а воздух казался теплым и сырым, словно после дождя. С обеих сторон сплошной линией теснились скромные магазинчики и крошечные дверки. Пройдя совсем немного, мы достигли небольшого деревянного домика, зажатого между двумя другими зданиями. Его загнутая крыша была покрыта темно-коричневой закругленной черепицей, а окна закрыты темными деревянными ставнями. Низкие каменные стены, увитые плющом, поднимались с обеих сторон резной двери.

– Это один из старейших *рёканов* в городе, – сказала Аямэ. – Много поколений моей семьи управляли им. Но он очень маленький. В нем всего одиннадцать комнат и комната моих родителей.

Она открыла одну из дверей и пригласила меня войти.

Мы вошли в скромную прихожую. Несколько пар обуви выстроилось вдоль стены. Небольшая лесенка вела в холл. Тапочки кремового цвета стояли ровными рядами с одной стороны от ступенек.

– Пожалуйста, – сказала Аямэ, – поставьте вашу обувь здесь и выберите себе тапочки нужного размера.

Мы оба сняли обувь, надели тапочки и прошли в холл. Тут же появились мужчина и женщина.

– Мои родители, – представила их Аямэ.

Было множество поклонов и улыбок, Аямэ переводила наши попытки сказать другу другу «Здравствуйте». В конце концов, отец Аямэ повернулся к ней и сказал что-то очень серьезным тоном.

– Ах, да, – сказала она. – Отец напомнил мне, что у вас было очень долгое путешествие и тяжелое утро и что вам, наверное, хотелось бы отдохнуть. Я провожу вас в вашу комнату.

Растянувшись на футоне, я не мог поверить, насколько лучше я себя чувствовал, чем всего лишь час назад. Аямэ показала мне мою комнату и затем отвела в мужскую *офуро*, или ванную, внизу в холле.

– Внутри вы найдете халат, полотенца и туалетные принадлежности на небольшой полке рядом с дверью, – сказала она. – Сначала примите душ, а потом погрейтесь в ванне. Вы можете не спешить, я повешу табличку на дверь, чтобы вас никто не беспокоил.

Помещение, в которое я вошел, оказалось совсем небольшим – пол, покрытый мелкой белой плиткой, деревянные стены с тремя ручными стойками для душа. Перед каждым душем стояла небольшая деревянная табуретка и ведро. В дальнем от входа углу стояла квадратная деревянная ванна, наполненная горячей водой. Ее стенки поднимались примерно на фут над полом, но было ясно, что дно уходит гораздо ниже уровня пола. В комнате было тепло и влажно и приятно пахло чем-то отдаленно напоминавшим запах лимона, позже я узнал, что это был *хиноки*, японский кипарис. Говорят, масло этого дерева очень полезно.

Несколько минут спустя я погрузился в ванну. Вода доходила мне практически до подбородка. Я прислонился к деревянной стенке и глубоко вздохнул. Ароматный пар поднимался от горячей воды. Жар немного пощипывал кожу, но я чувствовал, как он расправляет мои сведенные плечи и спину.

Без сомнения, это было странное путешествие. Оно было путаным и изматывающим, зато многое я стал понимать. Например, заметки, которые были приложены к талисманам: я знал, что их писали вовсе не для меня и что Джулиан сделал их для своих собственных целей, но он предложил мне прочитать их и дал блокнот, чтобы я записывал туда свои мысли. Должно быть, он предполагал, что они могут повлиять на меня.

Тот первый талисман: подлинность. Честность по отношению к самому себе. Эта мысль

действительно запала мне в душу, и я начинал понимать, почему. Было что-то не совсем правильное в моей жизни. Это заключалось не только в том, что я разочаровал Аннишу и Адама. Ведь, чтобы исправить ситуацию, недостаточно было просто извиниться перед Аннишей: нужно было чаще бывать дома и время от времени ходить вместе с Адамом на футбол. Я начинал понимать, что мои проблемы как отца и мужа возникали из-за глубоко скрытого ощущения несчастья. Но не Анниша или Адам тому виной. Это было несчастье моего образа жизни. Словно я тратил все свои силы на гонку, в которой мне было безразлично даже, выиграю я или нет. Я двигался вперед, но не туда, куда хотел двигаться. Мне нравилось работать инженером. Я любил электронные схемы и математические задачи. Я любил технические проекты. И я хорошо в этом разбирался. В лаборатории я чувствовал, что у меня есть цель и моя жизнь имеет смысл. В отделе продаж все шло гладко, но, работая там, я просто не испытывал такой страсти.

Теперь, лежа в тихой комнате *рёкана*, я знал, что подбираюсь ближе к пониманию того, какой же должна быть моя подлинная жизнь. Нужно что-то основательно поменять. Это была пугающая мысль, но я относился к ней на удивление спокойно. Как будто все это предстояло мне в далеком будущем.

Аямэ оставила для меня одежду на краю футона, пока я принимал ванну. Рядом была записка: «Я одолжила это у друга. Надеюсь, вам подойдет».

Я поднялся с постели и снял халат. Надел мягкую футболку и свободные хакама. В пакете еще оставалась пара белых спортивных носков. Их я тоже наддел, перед тем как сунуть ноги в тапочки. Достав блокнот и ручку из тумбочки, я прошел в дальний конец комнаты.

Мой номер был небольшим, но свободным. Полы покрыты татами. Белые стены поддерживал каркас из темного дерева, из-за которого они напоминали бумажные шторы в холле. Рядом с постелью стоял небольшой низкий столик, окруженный стульями без ножек – сиденье и спинка, – расположенными прямо на полу. За ними – сводчатые окна от пола до потолка, с раздвижной дверью, ведущей в садик. Я открыл дверь и вышел на небольшую деревянную веранду. Хотя я и видел часть сада из окна, пока лежал на футоне, он оказался совсем не таким, как я ожидал.

Веранда с трех сторон обрамляла пышный сад. Похоже, в сад выходили все комнаты в гостинице. В центре сада красовалась высокая каменная пагода. Повсюду были скульптуры – несколько журавлей, Будда, сердитая жаба. В дальнем конце сада я заметил крошечный водопад, ниспадающий с каменного выступа. Звук воды навел на мысль, что внизу есть пруд, но его не было видно за листьями и ветками. На самом деле они практически полностью скрывали от меня землю. Каждое из деревьев у корней было окружено ярко-зеленым папоротником; закругленные ветки с крошечными цветками украшали аккуратно подстриженные кусты.

Рядом со мной стоял плетеный деревянный стул. Я удобно устроился и, положив блокнот на колени, задумался, всматриваясь в зелень, а минуты все шли и шли.

Жаба, казалось, зловеще улыбалась, напоминая мне улыбку того крошечного черепа, что я получил от Антуана. «Прими свои страхи», – говорилось в записке. Ну что ж, я уже сделал многое из того, чего боялся, – даже оставил свою семью и работу ради этой охоты. Я бросился в омут с головой. Но все время продолжал ныть и жаловаться на происходящее. Думаю, что, говоря «прими свои страхи», Джулиан имел в виду, что человек должен быть позитивно настроен, покидая привычную гавань; что его должно бодрить ощущение неизведанного, а не приводить в истерическое состояние. Не так давно я проехал на лифте в первый раз за последние двадцать лет. Но что мне еще следует сделать?

Так, самые большие мои страхи – потерять Аннишу или Адама, – их я точно не хотел принимать. И не думаю, что именно о них Джулиан говорил в своей записке. Но я не мог не заметить иронии. То, чего я больше всего боялся, уже произошло в моей жизни, несмотря на все мои предосторожности. И виной тому мое бездействие. Может быть, если бы я согласился что-то изменить, как предлагала Анниша, отклонить повышение, поменять должность на работе или хоть иногда говорить «нет», хотя мне всегда было страшно

сделать это, – сейчас я не столкнулся бы с этим кризисом. А что, если копнуть еще глубже? Что я действительно хотел сделать, но не смог из-за страха? Я начинал понимать, что, если делать то, что боишься, будущее не так пугает.

Едва закончив записывать свои размышления в блокнот, я услышал тихий стук в дверь моей комнаты. Это была Аямэ, она пришла сказать, что получила мой багаж.

– Кстати, – добавила она, – вы включали телефон? Только что Джулиан прислал мне копию письма, которое он отправил вам, с вашим планом на следующие несколько дней. Определенно вас ждет очень необычное путешествие. Вам очень повезло.

Ужин оказался долгим и сложным мероприятием. Меня проводили в отдельную приемную четы Сато, где нас ждали родители Аямэ. Рассыпавшись в приветствиях с поклонами и улыбками, они жестом пригласили меня к столу. Стол был низким, как и тот, что в моей комнате, и с каждой из четырех его сторон расположились белые подушки. В конце комнаты я заметил небольшую нишу, в которой висел красивый свиток с изображением журавлей и тростника. Перед ним расположились небольшие статуэтки и простой букет цветов. Я направился к подушке напротив ниши, решив что с этой стороны нишу будет отлично видно, но Аямэ слегка покачала головой и провела меня к подушке сбоку от стола, так что мне пришлось смотреть в другую сторону.

– Считается невежливым сажать гостей напротив *токонома*. Это все равно, что хвастаться: «Смотрите, какие красивые вещи у нас есть».

– Понимаю, – пробормотал я.

Должно быть, мой голос прозвучал разочарованно, поскольку Аямэ поспешила добавить:

– Я бы предложила вам сесть тут, но это заставит моих родителей чувствовать себя очень неудобно. Я надеюсь на ваше понимание.

После того как мы все расселись, молодая девушка принесла поднос горячих влажных полотенец.

– *Осибори*, – сказала Аямэ, – чтобы вытереть руки. Но не используйте их как салфетки. Не следует вытирать ими рот или лицо.

Когда принесли первые блюда, Аямэ и ее родители сказали в унисон: «Итадакимас».

– Это означает «Я смиренно принимаю», – сказал Аямэ. – Мы повторяем это перед едой. А в конце говорим: Г «отисосама дэсита», что означает «Спасибо за угощение».

Ужин длился до позднего вечера. Меня угощали супом, суши и сашими; темпурой и вареной рыбой; жареной говядиной и маринованными овощами. Последним блюдом был легкий прозрачный суп.

На протяжении ужина Аямэ продолжала учить меня правилам японского этикета. Она показала, как держать палочки, и объяснила, что их нельзя воткнуть в рис, чтобы не было похоже на то, как благовония ставятся в песок во время похорон. Она также рассказала, почему передавать еду палочками другому человеку считается очень дурным тоном: таким образом кости умерших перекалывают после кремации. И кроме того, нельзя никогда ничего брать толстым концом палочек или класть их таким образом, чтобы они указывали на кого-то, и, наконец, никогда не стоит протыкать палочками еду. Последнее из правил очень меня разочаровало. Это был единственный надежный способ донести еду до рта.

Я также выяснил, что моя привычка макать кусочки суши стороной риса в чашечку с соевым соусом считается дурным тоном. Аямэ пояснила, что так рис впитает слишком много соуса – это будет восприниматься как признак жадности, а также может привести к тому, что рисинки попадут в емкость с соусом.

Но, пожалуй, больше всего мне запомнилось правило, как следует наливать друг другу напитки. Когда нам принесли бутылочку sake, Аямэ налила немного мне и потом родителям. Свой бокал она оставила пустым, так что я подумал, что она не собирается пить. Но затем ее отец взял маленькую бутылочку и, налив немного сакэ в небольшую керамическую чашку, передал ее дочери. Чуть позже мать Аямэ долила sake всем, кроме себя. И на этот раз Аямэ

взяла бутылочку и налила немного sake маме. Когда в третий раз стали разливать напиток, я вопросительно взглянул на Аямэ.

– Ах, вы заметили, – сказала она. – Японцы считают очень важным следить за тем, чтобы бокал гостя не пустел, но было бы невежливо наполнять свой собственный. Вместо этого следует дождаться, пока другие заметят, что твой бокал пуст, и наполнят его для тебя.

Я подумал про Аннишу и Адама и про наши совместные обеды. Анниша бы умерла от жажды, если бы ей пришлось ждать, пока я замечу, что ее бокал пуст.

После ужина Аямэ предложила мне прогуляться по окрестностям. На улице было сухо, воздух казался знойным и душным.

– Спасибо, что рассказали мне про правила поведения за столом, – сказал я, пока мы шли по мощеной улочке. – Будь у меня больше времени, думаю, в конце концов я бы приноровился.

Согласно плану Джулиана, послезавтра я должен был улетать в Мексику. Сначала я подумал поискать билет на более ранний самолет, но после такого радушного приема Аямэ это могло показаться довольно грубым.

– Мне было приятно помочь вам. На самом деле, я в восторге от всех этих правил поведения. Как вам, возможно, говорил Джулиан, я довольно много путешествовала и, где бы ни оказывалась, всегда обращала внимание на негласные привычки, общее понимание того, как следует и не следует поступать.

– Вы, без сомнения, более наблюдательны, чем я. Единственное, что я заметил в Стамбуле, это то, что Ахмед никогда ничего не касался левой рукой.

– Во многих странах люди используют одну руку для грязной работы. Так что они не касаются пищи или других людей этой рукой.

«Может, и так», – подумал я.

– Вот интересно, – сказала Аямэ, – те правила, которые нам привили с детства, кажутся естественными, очевидными и логичными. Но, только глядя на них глазами человека иной культуры, мы начинаем задумываться о них. Например, – продолжала она, – я читала, что традиция пожимать друг другу руки появилась когда люди хотели продемонстрировать друг другу, что у них нет оружия и что они не собираются причинить вред другому. Так почему же сейчас, входя в конференц-зал в Нью-Йорке, я протягиваю руку? Хочу ли я показать этим, что не прихватила с собой кинжал?

Это меня рассмешило.

– Не так уж важно, как возникла та или иная традиция. Важнее понимать, как этикет, манеры, правила помогают нам лучше взаимодействовать друг с другом. Привычное поведение упрощает нам жизнь, позволяет проявить уважение друг к другу. Оно направлено на то, чтобы заставить другого что-то почувствовать. Наше ежедневное поведение отражает наши глубокие убеждения.

– Но иногда что-то меняется, – сказал я. – Возьмем, к примеру, обычай открывать женщинам двери. В былые времена ни один мужчина не прошел бы вперед. Нужно было придержать для нее дверь и пройти следом. Но я не уверен, что сейчас всем обязательно так поступать.

– Да, это один из обычаев, которые отмирают на Западе, – сказала Аямэ. – Изначально это служило проявлением уважения к женщине, не так ли? Но затем некоторые женщины начали воспринимать этот обычай как излишнюю опеку, как указание на их слабость, на то, что им нужна помощь даже с чем-то настолько простым, как обычная дверь. И теперь непонятно, насколько вежливо продолжать следовать этой традиции.

– Обычно я просто стараюсь придерживать двери всем подряд, – ответил я. – Так что я не делаю для женщин исключение.

– Да, это хороший вариант, – улыбнулась Аямэ. – По правде говоря, последний раз, когда я была в Лос-Анджелесе, я заметила, что иногда мужчины придерживают двери для женщин, иногда наоборот, а иногда женщины придерживают двери для женщин. Кажется, многие люди меняют свои представления об этой традиции.

Мы уже полчаса гуляли по округе. В темноте улицы выглядели очень мило – сквозь шторы из рисовой бумаги проглядывал свет, золотые фонарики висели перед входом, и лунный свет освещал черепичные крыши.

Мы свернули на небольшую аллею, и я понял, что мы оказались на той улочке, где расположена наша гостиница. Я очень устал, но не был уверен, что смогу заснуть. Тем не менее мне не терпелось побыть одному в моей тихой комнатке.

Когда мы зашли в холл, Аямэ сказала:

– Разрешите, я отдам вам талисман Джулиана сегодня.

Она провела меня к двери в дальнем конце холла. Я последовал за ней, и мы снова оказались на веранде, выходящей в сад. На краю крыши висело несколько фонариков, и небольшой прожектор подсвечивал фонтан; еще несколько ламп освещали скульптуры. Сад выглядел неописуемо, волшебным.

– Пожалуйста, присядьте, – сказала Аямэ, указывая на небольшую деревянную скамейку. – Я скоро вернусь. – И скрылась в гостинице.

Через минуту она вернулась, обеими руками держа небольшой сверток. Он был завернут в толстую бумагу ручной работы и завязан шелковым шнурком. Она протянула его мне, и я бережно взял его двумя руками. Она взглянула на меня и улыбнулась.

– Вы ведь знаете, о чем это письмо, не правда ли? – спросил я.

– Конечно, – ответила Аямэ, смеясь.

Вернувшись к себе в комнату и развязав сверток, я развернул толстую мраморную бумагу. Внутри была записка и крошечный золотой журавль. Я поставил его на ладонь и принялся рассматривать. Изгиб шеи, наклон головы, тонкий клюв. Я сжал его в руке и потом положил в кожаный мешочек, висящий у меня на шее. Затем я достал записку и принялся читать.

Наполните жизнь добротой

Важно помнить, что наши слова – это наши мысли, а наши дела – то, во что мы верим. Любые поступки, сколь бы незначительными они ни казались, – не мелочь: как мы поступаем по отношению к кому-то, определяет то, как мы обращаемся со всеми, включая самих себя. Если мы не уважаем кого-то, мы не уважаем себя. Если мы не доверяем другим, мы не доверяем самим себе. Будучи жестокими с людьми, мы жестоки по отношению к себе. Не сумев оценить то, что нас окружает, мы не ценим себя. С каждым человеком, которого мы встретим, во всех своих делах, мы должны быть добрее, чем ожидали, великодушнее, чем рассчитывали, позитивнее, чем могли себе представить. Каждый момент рядом с другим человеком – это шанс проявить наши лучшие качества, повлиять на кого-то своей добротой. Мы можем сделать мир лучше. Каждый из нас может.

«Понятно, почему Джулиан выбрал Аямэ хранительницей этого талисмана», – подумал я, улыбаясь.

Последние двадцать четыре часа я провел словно на американских горках. День начался плохо еще в Париже – или я просто встал не с той ноги. Ныл, сердился, волновался. Я продолжал в том же духе до самого моего прибытия в Осаку и в поезде в Киото. Но все мои жалобы не помогли мне почувствовать себя лучше. Вымещение моего гнева на окружающих не облегчило моего состояния. Мне помогла доброта других. Их достоинства и великодушие смягчили мое настроение. И каким-то образом благодаря этому я смог почувствовать себя лучше. Джулиан написал мудрые слова. Но Аямэ, казалось, была их живым воплощением.

Глава VI

В плане, который прислал мне Джулиан, описывалось далеко не все путешествие и ни словом не упоминалось о том, когда моим приключениям придет конец. Вместо этого в нем были указаны только два следующих пункта. Посмотрев на даты, я тяжело вздохнул. Казалось, Джулиан совсем не спешил, назначая мне встречи с хранителями талисманов.

– Не беспокойтесь, – попыталась приободрить меня Аямэ, – перемещаться слишком быстро в таком путешествии было бы вредно для здоровья. Вы должны успевать хоть немного выспаться и поразмяться в каждом пункте, куда вы прилетаете. Я уверена, что, организовывая путешествие подобным образом, Джулиан заботился о том, чтобы вам, а не ему было удобнее.

И снова Аямэ помогла мне взглянуть на ситуацию с другой стороны. Казалось, она смотрит на мир с огромной добротой. Именно так она сама реагирует и ждет, чтобы другие реагировали на все и вся. Возможно, она права. Джулиан беспокоился обо мне. Но я-то о нем вовсе не беспокоился. Мне не терпелось вернуться к моим обычным делам. Меня не волновало, почему и насколько срочно ему понадобились эти талисманы. И если он считал, что может подождать столько времени, сколько было указано в его плане, так тому и быть.

На следующий день Аямэ повела меня в храмы Киёмидзу и Рёандзи, а вечером мы гуляли по кварталу Гион, где до сих пор можно встретить гейш, спешащих на назначенные им встречи. Когда ночью я свалился на свой futon, я был уже почти благодарен Джулиану за тот план, что он мне составил. На завтра мне предстояло отправиться в Ошкуцкаб, в Мексику, чтобы встретиться с человеком по имени Чава Укан. В Мексике я однажды уже был – мы с Аннишей ездили в Акапулько, – но в городе Мерида, как и на всем полуострове Юкатан, не был никогда, хотя именно туда мне и предстояло отправиться. Я подумал, что в это время года там должно быть очень жарко.

– Видите, – сказала Аямэ следующим утром, пожимая мне руку на прощание в аэропорту Осаки, – у меня нет оружия!

Потом мы поклонились друг другу, а когда она выпрямилась, я заметил беспокойство в ее взгляде.

– Джонатан, пожалуйста, постарайтесь запомнить записку Джулиана. То, как вы относитесь к другим, сказывается на том, как вы относитесь к себе. Вы – хороший человек, но мне кажется, что вы не всегда соответствующим образом поступаете по отношению к себе.

Жена Чавы Укана Сикина сказала, что я могу спать сколько захочу. На такое я и не надеялся, но, открыв глаза, увидел, что мексиканское солнце уже вовсю палило через окна спальни, и жар его лучей, попадавших мне на грудь, был таким сильным, что стало понятно, что утро уже давно прошло.

За два дня я не так уж много успел рассказать о себе Аямэ. Но она, похоже, обо многом догадалась сама. И теперь, лежа на кровати в доме Чавы, пока жар поднимался от кафельного пола и отражался от стен, я думал о том, как вел себя по отношению к другим. Я не гордился своим поведением в аэропорту Осаки. Или случаями, когда кричал на банковских служащих или работников продуктового магазина. Порой я был несдержан по отношению к Аннише или сердился на Адама. Пожалуй, дома это случалось даже чаще.

Странно, что по отношению к своей семье мы позволяем себе то, чего не допустили бы по отношению к друзьям или даже незнакомым людям. Возможно, мы просто убеждены, что они простят нас. Но это не оправдание. Я принял решение поменять отношение к людям. Однако некоторые вещи я уже не мог исправить. Например, то, как я обошелся с Джуаном.

Впервые мне показалось, что у Джуана что-то не ладится с работой, за обедом с Дэвидом и его боссом Свеном вскоре после того, как я оставил лабораторию.

Когда Свен спросил у меня, что я думаю о моем бывшем начальнике, я начал было расхваливать его руководство, но Свен жестом остановил меня:

– Нет-нет. Я знаю, он отличный человек. Я имею в виду его проницательность. Его технические знания. Он в игре? Он все еще на уровне? Мы можем рассчитывать на скорость и экспансию, достаточную для нашей компании?

Мне было неловко. Стоило мне сказать что-то хорошее о Джуане, Дэвид и Свен хмурились, словно я отвечал на поставленный вопрос неправильно. В конце концов я просто замолчал.

– Послушай, – сказал Дэвид, – я не отрицаю, что Джуан отличный парень. И я уверен, что когда-то он был лучшим в своем деле. Но мне кажется, что пришло время для свежих сил, нового поколения молодых инженеров и разработчиков аппаратного обеспечения, для тех, кто может взглянуть на вещи с другой стороны. Кто сможет найти современный подход.

Молодых, ну конечно. Я подозревал, что на самом деле Дэвид имел в виду более дешевых. Казалось, он просто пытался приукрасить ситуацию.

Официантка подошла забрать наши тарелки, а я так и не притронулся к еде. Меня подташнивало. Я знал, что Джуан – один из самых великолепных, изобретательных инженеров, которых я когда-либо встречал. Более того, он умел помочь людям посмотреть на вещи с другой стороны, творчески подходить не только к решению задач, но и к техническому прогрессу. Но Свен и Дэвид были совсем не такими. Они стояли на своем, и все мои возражения, казалось, только портили их впечатление обо мне. Было ясно, что, если я хочу позаботиться о своей карьере, пора было прекращать заботу о карьере Джуана. И теперь, находясь в тысяче миль от своего офиса, я понимал, что тогда за ланчем я струсил, и мое поведение самым ужасным образом сказалось на нас обоих.

Проснувшись в Мексике, я вспомнил о том ланче. Хотя, честно говоря, вспомнил-то я о нем, еще когда прочитал записку Джулиана о доброте, но всеми силами гнал этот эпизод из памяти весь долгий путь из Осаки до Мерида. Переезд занял больше двадцати четырех часов, с пересадками в Токио, Лос-Анджелесе и Мехико. Все это время я пытался оставаться столь же спокойным и добрым, как Аямэ. И заставлял себя не беспокоиться о времени. Иногда я дремал, оправдывая это сбитым режимом и дезориентацией. Телефоном я старался

пользоваться как можно меньше. Приземлившись в Мериде в конце того же, если верить календарю, дня, я был обессилен и ощущал удивительное безразличие ко всему. Так что, когда средних лет женщина взяла меня под руку и повела к выходу, я не сопротивлялся.

Сикина Укан извинилась, что ее муж не смог приехать.

– Ему пришлось сегодня встать очень рано и поехать на работу. Я сказала, что встречу вас. Мы оба считаем, что завтра вам лучше подольше поспать, так что Чава одолжит у друга машину, и вечером я отвезу вас к нему.

Пока мы добирались из Мериды в Ошкуцкаб, Сикина рассказала мне, что Чава работает на раскопках руин цивилизации майя рядом с Ошкуцкаб.

– Он очень хочет показать вам место раскопок и немного рассказать о своей работе.

Сикина рассказала о Чаве, о себе и о детях. Она сказала, что они познакомились с Джулианом несколько лет назад, когда путешествовали по полуострову Юкатан, посещая места сохранившихся исторических памятников майя и изучая их культуру.

– Какой необыкновенный человек, – сказала Сикина, убирая за ухо прядь длинных черных волос. – Такой умный... и веселый.

Она не упомянула ни о талисмани, ни о цели моего визита. Я начинал ценить то, что Джулиан так тщательно выбирал хранителей. Каждый из них, казалось, был как-то связан с талисманом и той мудростью, которая была в нем скрыта. По словам Сикины, Чава хотел поделиться частью своей жизни со мной. И, хоть я мог просто спросить про талисман, я решил попробовать догадаться, о чем может говориться в записке и какой урок я смогу получить от Чавы. Когда мы добрались в Ошкуцкаб, было уже около часа ночи. Сикина остановила машину у небольшого домика, покрытого розовой штукатуркой. Внутри она указала мне на дверь рядом с кухней.

Спальня была совсем маленькой, но аккуратной. Поставив багаж на пол и повалившись на кровать, я заснул, даже не успев раздеться.

Проснулся я, пожалуй, из-за жары, но именно запах чего-то острого и изысканного заставил меня подняться с кровати и выйти на кухню.

– Ох, как удачно, – сказала Сикина, вытирая руки о передник. – Я надеялась, что вы проснетесь к ланчу. Нам скоро надо выезжать.

Она усадила меня за небольшой столик, спрятанный в уголке этой тесной кухни. Стол был ярко-желтым, а окружали его четыре разноцветных стула. «Аннише бы это понравилось», – подумал я. Я выбрал бирюзовый стул, а Сикина поставила передо мной дымящуюся тарелку:

– *Кодзитос*, крошечные тако с мясом и томатным соусом. И сок гуавы, – добавила она, указывая на высокий синий стакан прямо передо мной.

Еда была очень вкусной и, забираясь в машину час спустя, я даже пожалел, что съел так много. Я помылся и переоделся, но по-прежнему чувствовал, что переел.

Сикина включила передачу, и машина резко подалась вперед. Увидев, как я побледнел, она улыбнулась:

– Так-так, пожалуй, мы с вами лучше сначала немного покатаемся по городу, чтобы дать вашему желудку отдохнуть до того, как поедем по шоссе.

Сикина медленно вела машину по улицам Ошкуцкаб. За окном виднелись низкие квадратные домики, то белые, то раскрашенные в причудливые тона, а также другие строения из простых цементных блоков. Крыши были покрыты черепицей, но иногда попадались небольшие яркие строения овальной формы с остроконечными соломенными крышами.

– Это традиционные хижины майя, – пояснила Сикина, указывая на одну из них.

Жилые улицы выглядели очень необычно. Низкие каменные или бетонные стены окружали дворики, которые иногда были не чем иным, как выжженным, пустым пространством, а иногда зарастали пальмами, гибискусом и другими растениями и кустами, мне не известными. Причудливые чугунные ограды и ворота чередовались с веревками,

натянутыми для сушки белья. В центре города было несколько церквей, небольшие ресторанчики и отели, а также другие здания, ярко раскрашенные в синие и желтые цвета. Пыльные улицы были пустынные: всего пара машин, но довольно много велосипедов, мотоциклов, пешеходов и повозок с едой, неспешно движущихся по такой жаре.

Чем дальше мы ехали по узкой асфальтовой дороге, тем больше вокруг становилось деревьев и кустов, пока город не остался позади и низкие холмы не показались на горизонте.

– Холмы Пуук, – сказала Сикина. – Там сохранилось очень много строений майя, больших и маленьких. Завтра Чава хочет отвезти вас в Ушмаль. Когда-то он был городом с населением более двадцати тысяч человек. Но теперь это небольшой всеми забытый поселок.

Спустя примерно полчаса мы повернули на ухабистую грязную дорогу, которая, казалось, шла вдоль небольшой долины. Какое-то время мы ехали окруженные с двух сторон густыми деревьями, пока, наконец, миновав деревянную арку с каким-то названием, вырезанным на ней, не оказались на открытом пространстве. Вокруг крутилось много людей, и даже какая-то группа школьников направлялась в низкое современного вида здание. Я заметил несколько тростниковых хижин майя. Я ожидал совсем иного от места археологических раскопок.

– Здесь не только раскопки, – ответила Сикина на мой вопрос. – Здесь еще расположен природный заповедник и научно-исследовательский центр. Все это на площади в четыре тысячи акров.

Мы вышли из машины, и маленький коренастый человек в круглой шляпе, шортах и тяжелых ботинках вприпрыжку подбежал к нам.

– Ноа, Джонатан!

Я улыбнулся и протянул ему руку. Чава энергично пожал ее.

– Вix a beel? Как ваши дела?

Стоило поговорить с Чавой всего минуту, как стало ясно, что история была его страстью. Он расспросил меня о путешествии, о Джулиане, о том, понравилось ли мне угощение Сикины. Но его голос ожил, только когда он заговорил о работе. Сикина пошла в один из офисов поздороваться с друзьями, которые работали тут в заповеднике, а Чава повел меня через открытую площадку и заросший лесом холм, объясняя, почему сейчас раскопки сосредоточены именно здесь. Я гадал, связано ли это каким-то образом с талисманом и действительно ли мне нужна эта экскурсия, но вскоре понял, что все идет своим чередом и я вряд ли могу на что-то повлиять.

– Археологи десятилетиями работали здесь с переменным успехом, – рассказывал Чава, пока мы пробирались сквозь заросли, – но только в последние несколько лет или около того мы начали понимать, что именно здесь мы можем отыскать ключ к разгадке гибели цивилизации майя.

Казалось, словно мой отец вселился в этого средних лет археолога. Я улыбался, пока Чава продолжал свой рассказ.

По его словам, люди, говорившие на языке майя, появились на Юкатане более четырех тысяч лет назад. Следующие три тысячи лет здесь разрастались густонаселенные города. В расцвет этой эпохи большая часть земель между городами была занята фермами и поселками. А все города были объединены дорогами из белого известняка.

Города-государства славились не только сложной политической системой, но также и чудесами архитектуры: лестничные пирамиды и святилища, многоэтажные жилища, замысловатые ограды и площади. Майя, говорил Чава, создавали фантастические произведения искусства и одними из первых на земле создали систему письменности. А их обширные познания в математике позволили значительно продвинуться в астрономии, что привело к созданию самого знаменитого календаря. Чава излагал свои мысли будто читая тщательно продуманную лекцию, но в то же время его слова были наполнены личной гордостью, как будто он говорил о людях, которых лично знал и любил.

Затем, примерно в 900–1000-е годы нашей эры, объяснял Чава, за шесть сотен лет до прибытия испанцев, цивилизация начала умирать.

– В течение последующих двухсот лет, – сказал он с грустью в голосе, – девяносто процентов населения исчезло, города были заброшены и величие майя стало историей. Потребовалась пара веков, чтобы леса поглотили поселки, скрыли листвой монументы и дороги и чтобы оставшаяся часть населения разбрелась по окрестностям, селясь в крошечных деревушках, живущих за счет сельского хозяйства.

Предки Чава были потомками майя.

За разговорами Чава провел меня по лесу, вдоль корней деревьев и разбитых камней. По пути я заметил несколько рабочих, идущих по дорогам, но в целом место казалось очень тихим и пустынным. Высоко над головой в кронах деревьев перекрикивались птицы. Слышно было, как трещат ветки под нашими ногами. Я старался сконцентрироваться на птицах и не думать о пауках, скорпионах и пумах. Чава останавливался время от времени около едва различимых камней или свежих раскопок. Мы обошли вокруг небольшой пирамиды. Она была покрыта ступеньками, как знаменитая пирамид Чичен-Ица, изображения которой мне довелось видеть, разве что была всего метров десять высотой. И наконец мы пришли к руинам, напоминавшим два здания, построенные с обеих сторон от высокого камня. Внизу стены были выполнены из каменных блоков, а сверху оканчивались чем-то отдаленно напоминавшим каменные колонны.

– Здесь находится наполовину законченный дворец, – сказал Чава. – А рядом площадь, место для публики.

Я обошел фундамент, всматриваясь в каменные блоки здания.

– Вы сказали, что у них не было металлических инструментов?

– Именно так, – подтвердил Чава, – только гранит, кремь, обсидиан.

Я провел рукой по фундаменту:

– Невероятно.

– Может, немного передохнем? – предложил Чава.

Он достал бутылку воды из рюкзака и протянул мне. Я с благодарностью взял ее. И, хоть мы сидели в тени деревьев, жар, казалось, не только давил на нас сверху, но и поднимался от земли. Моя рубашка прилипла к спине, брюки – к ногам.

– Именно это я и люблю в работе, – произнес Чава. – Загадки. Известно, что некоторые из заброшенных городов просто оставлены людьми, уехавшими в другие места. Но большая часть населения не просто уехала – она исчезла. И даже те, кто остался, не задерживались в больших городах.

Чава продолжил рассказывать, что ученые, изучавшие скелеты майя, говорят, что кости, даже кости правителей, наводят на мысль, что в последние годы существования цивилизации еды не доставало. Это могло быть вызвано чрезмерным промыслом. Другая версия – нашествие саранчи или других вредителей, которое могло привести к уничтожению лесов. Но наиболее вероятной причиной недостатка продовольствия является продолжительная засуха.

– Даже в лучшее время на Юкатане не так уж много воды, – усмехнулся Чава. – И конечно, болезни, войны и другие напасти тоже могли значительно сократить численность населения.

Он поднялся и убрал бутылку с водой обратно в рюкзак.

– Но здесь, на этом самом месте, – сказал он, – мы обнаружили то, что можно назвать редкостной удачей. Пойдемте.

Мы обошли руины. Здание было украшено прямоугольными арками, которые поддерживали короткие круглые колонны. Но Чава смотрел на землю у входа в здание.

– Итак, – сказал он, указывая на камни, лежащие перед нами. Они были уложены не очень аккуратно, но не казались случайными. – Попробуйте догадаться, что это могло быть.

– Я не знаю, – признался я, подходя ближе. Через щели пробивались пучки травы. По краю пробежала ящерица и скрылась за камнями. – Это фундамент другого здания? Или что-то упавшее сверху?

– Это, друг мой, не что иное, как стена. Но она не падала сверху, ее собрали и

положили здесь, чтобы потом поднять на второй этаж. Все было уже готово, но работа осталась неоконченной. Такого не увидишь в городе, оставленном из-за долгой засухи или болезней. Работа не просто прекратилась, ее *прервали*.

Вначале его рассказ казался мне немного несвязным экспресс-курсом по археологии. Но сейчас я начинал понимать, почему Чава стремился показать это всем, с кем ему доводилось сталкиваться, почему хотел поделиться своими знаниями с незнакомцем и почему такая работа могла увлечь его с головой. В ней было так много вопросов, требующих ответа.

– Как вы думаете, что бы это могло быть, – спросил я. – Их атаковали?

– Война или нападения кажутся очень вероятными причинами, не правда ли? – спросил Чава. – Мы нашли довольно много наконечников копий. Но никаких сгоревших зданий, никаких стен и укреплений для защиты. Но вот, если нападение было неожиданным... Что ж, пожалуй, вам следует увидеть еще кое-что.

Чава жестом велел мне отойти от стены:

– Вы не против подняться еще немного?

Он повел меня по извилистой тропинке. То там, то тут мы карабкались по разрушенным лестницам. Чава остановился рядом с вершиной холма и направился к плоской площадке из кольев и камней. Было ясно, что сейчас раскопки здесь в самом разгаре. Нам открылись очищенные от зарослей каменные основания стен, окружавшие сухие грязные ямы. В одной из них молодая светловолосая женщина, присев в углу, аккуратно счищала грязь с какого-то объекта небольшой кисточкой. В другом углу ямы были сложены различные кусочки камней и разбитой посуды, с метками и нумерацией на них.

– Джонатан, – сказал Чава, когда женщина поднялась к нам. – Это Элен. Элен, это Джонатан.

Элен тоже работала на раскопках, помогая команде из американского университета.

– Я как раз рассказывал Джонатану о наших последних открытиях. Возможно, вы могли бы поведать ему об этих домах на вершине холма? – спросил Чава.

Элен кивнула и вытерла лоб платком, который она достала из кармана брюк. Как и Чава, ее, кажется, не нужно было уговаривать поделиться рабочими новостями.

Она пояснила, что перед нами место приготовления еды. Шлифовальный камень для зерна был прислонен к двери, но не убран. Аккуратно расставленная посуда заставляла предположить, что работа началась, а потом оборвалась на середине. Все было расставлено таким образом, словно люди думали, что смогут скоро вернуться. Они ушли быстро, но на паническое бегство это не было похоже. Все было в порядке, и не было никаких следов хаоса или атаки.

– Ох, – вздохнул Чава, – нам предстоит еще так много работы, прежде чем мы сможем разрешить эти загадки.

– Кстати, – сказала Элен, – я надеюсь, вы позволите мне вернуться к ним. Я хотела бы успеть сделать еще кое-что до конца дня.

Мы неподвижно стояли на вершине холма, всматриваясь в кроны деревьев. Я обернулся и взглянул на Элен, склонившуюся над работой. Наверху было меньше тени, и, хотя солнце стояло уже не так высоко, все еще было довольно жарко.

– Я только одного не понимаю, – сказал я Чаве.

Он поднял голову.

– Работа, – сказал я. – Раскопки. Кажется, она продвигается так медленно. Я считал проектирование электронных приборов очень трудоемким, но это... – Я махнул рукой в сторону Элен. – Раскопки продвигаются десятками долями дюйма. Как вы с этим справляетесь?

– О да, я понимаю, – улыбнулся Чава. – Вы можете проработать весь день, а в конце задаться вопросом: что я сделал? Просто переложил несколько футов песка, и все.

Я пожал плечами.

– Легко относиться к своей работе несерьезно. Американцы часто называют себя

«винтиками». Но мы все стараемся не забывать, что в нашей работе нельзя спешить и нужно запастись терпением. И, самое главное, мы должны работать осторожно, аккуратно и профессионально, даже если нам скучно или тревожно. Ведь иначе можно случайно разрушить или упустить важные артефакты.

Чава направился обратно к ступенькам и обернулся ко мне:

– Каждый из бережно раскопанных участков может казаться совсем небольшим, Джонатан, но вместе они могут привести нас к историческому открытию, огромному прорыву в знаниях. Я привык думать, что, если каждый «винтик» будет хорошо справляться со своей работой, наши совместные скромные усилия могут привести к чему-то поистине важному. Мы действительно сможем разрешить величайшие загадки.

На обратном пути Сикина настояла, чтобы я сидел ближе к окну, а она расположилась между мной и Чавой. Я оставил окно открытым и время от времени высовывал голову наружу, как бестолковый золотистый ретривер. Порывы сухого воздуха были великолепны. А когда мы петляли по улочкам Ошкуцкаба, у меня появилась еще одна причина высовываться из окна – соблазнительный аромат стряпни. Я понял, насколько сильно проголодался, но, так как мы отсутствовали весь день, не приходилось надеяться, что горячий ужин будет ждать нас в духовке, когда мы вернемся.

– Я тут подумал, – сказал я Чаве и Сикине, – почему бы нам не поужинать где-нибудь в городе за мой счет? Вы ведь потратили целый день, развлекая меня.

– Ой, нет! – воскликнула Сикина. – Но мы не можем. Нас ведь ждет Зама.

Насколько я понял, мы направлялись в гости к замужней дочери Чавы и Сикины. Она и ее супруг приготовили для нас грандиозный ужин.

Это был многолюдный и шумный прием. Помимо Замы, ее мужа и трех их маленьких детей за столом оказались еще и соседи, заглянувшие поздороваться. Играла музыка, моя чашка пустела и наполнялась вновь, а на тарелке лежала гора еды. Пока дети играли во дворе, я засмотрелся на шестилетнего сына Замы по имени Емэ. Он был чуть младше Адама, но его звонкий смех и то, что он ни секунды не мог спокойно усидеть на месте, напомнили мне моего сына. После еды, пройдясь по дому, я вышел на пыльную улицу, где было немного потише. Я попытался позвонить домой, но с тех пор, как я приземлился в Мексике, связь была неважной, и я не смог дозвониться. Я написал Адаму сообщение:

Привет, приятель!

Я видел здесь совершенно потрясающие вещи. Когда будет время, я обязательно расскажу тебе о них. Но прямо сейчас я просто хочу, чтобы ты знал: я люблю тебя.

Сообщение будет отправлено, как только появится связь. Я вернулся на вечеринку, но мысли мои были далеко.

Кажется, Чава заметил, что я притих, так что вскоре предложил нам отправиться домой. Позже, когда я уже лежал в постели, записывая впечатления от встречи со счастливой семьей Чавы, мое сердце сжималось в тоске по дому. Я бы все отдал за то, чтобы оказаться рядом с сыном. Как я мог не ценить такие моменты, когда они доставались мне так просто?

Следующим утром, едва рассвело, мы с Чавой отправились к парковке. В голове вертелась мысль, что можно попросить Сикину отвезти меня обратно в аэропорт в Мериде и попробовать найти более ранний рейс из Мексики, но тут мне вспомнились слова Аямэ. Видимо, Джулиан неспроста распланировал путешествие именно таким образом. Более того, Чава, казалось, собирался продолжать мое образование, и мне не хотелось просить его закончить поскорее. Он настоял, чтобы мы приехали в Ушмаль еще до рассвета:

– Когда взойдет солнце, будет слишкомлюдно. А на это лучше смотреть в одиночку. Или почти в одиночку.

Чава знал многих, кто работал на площадке, так что охранникам велено было встретить нас у входа в здание, которое служило проходом к храмам и руинам. Мы увидели силуэт

работника в униформе у входа в музей.

Когда мы подошли, они обменялись с Чавой несколькими фразами на языке майя, и охранник открыл для нас дверь. Затем он указал на вестибюль и сказал что-то еще.

– Я знаю дорогу, – ответил Чава. – Идите за мной.

Десять минут спустя мы стояли перед величественной пирамидой, освещенной тусклым светом. Метров в тридцать высотой и минимум в шестьдесят шириной. В отличие от небольших пирамид, которые я видел вчера, и изображений пирамид майя, у этой было овальное основание.

– Храм Волшебника, – сказал Чава.

Пока мы смотрели на нее, у нас за спиной вставало солнце. Его лучи освещали камни пирамиды, вспыхивавшие золотом, словно внутри нее разгоралось необъятное пламя.

Чава наклонился ко мне и тихо сказал:

– Невероятно, правда? Знать, что люди создали такое чудо. Обычные люди, такие как вы и я, способны на такие свершения, такое великолепие.

Я кивнул, ошарашенный открывшейся передо мной красотой.

Мы любовались пирамидой, пока небо постепенно светлело. Затем Чава пошел вперед. Он направлялся к пирамиде.

– Туристам не разрешается подниматься выше по этим ступенькам, но у нас есть специальное разрешение.

Чава не пошел к ближайшей лестнице, а обошел пирамиду. Мысль о том, что мы сможем забраться наверх, была очень волнующей. Я порадовался, что Чава решил столь серьезно подойти к вопросу моего образования.

– С другой стороны удобнее подниматься, – пояснил он.

Стоя у основания, пока все это каменное строение возвышалось надо мной, я ощутил, насколько оно было ошеломляюще высоким. Это будет непростой подъем. Чава пошел первым, а я последовал за ним. Мы медленно двигались по гладким твердым ступенькам. Они были крутыми и узкими, и я боялся потерять равновесие, двигаясь по огромной открытой лестнице. Чава сказал, что на многих пирамидах были специальные металлические цепочки, за которые можно было держаться при подъеме. И я понимал, зачем они могли понадобиться. Когда мы наконец добрались до вершины, я вспотел так, словно только что пробежал марафон.

– Отсюда открывается лучший вид на Ушмаль, – сказал Чава. – Присядьте, полюбуйтесь, отдохните.

Чава положил рюкзак на землю и присел. Я последовал его примеру.

Ушмаль простирался на сотни акров вокруг. Большая часть древнего города все еще была скрыта зарослями растений. И только плоские участки и квадратные насыпи напоминали о том, что когда-то здесь были дома и дороги. Однако прямо перед нами были развалины нескольких массивных камней.

Чава сказал мне, что, когда в Ушмале еще жили люди, город простирался до самого горизонта. Он указал на пирамиду, наполовину покрытую зарослями, которая называлась Великая пирамида, и рассказал о раскопках подробнее.

– Вы когда-нибудь слышали легенду об этих пирамидах? – спросил Чава после рассказа о городе, лежащим у наших ног.

Я отрицательно покачал головой.

– Существует много разных версий этой истории, – сказал Чава.

Легенда, которую вспомнил Чава, гласила, что много лет назад короля Ушмаля предупредили, что, когда он услышит звук гонга, его империя падет перед человеком, не рожденным женщиной. Однажды по городу и вправду разнесся звук гонга, и король ужаснулся, узнав, что в гонг ударил карлик, вылупившийся из яйца в доме старой бездетной женщины. Король призвал карлика к себе во дворец, собираясь казнить его, но передумал. Он решил дать ему невыполнимое поручение. Если он сможет за одну ночь построить королю великолепный храм, выше всех других зданий в городе, то останется в живых.

Проснувшись следующим утром, король был поражен, увидев перед собой величественную пирамиду. Жизнь карлика была спасена, а пирамиду назвали храмом Волшебника.

– Согласно другим версиям, сам карлик был создан старухой всего за одну ночь. Или ему пришлось пройти много испытаний, включая строительство пирамиды. Но все версии сходятся на том, что эта невероятная конструкция была создана всего за одну ночь.

Чава достал из рюкзака две бутылки воды. Одну он передал мне и, сделав большой глоток из другой, вытер рот тыльной стороной ладони.

– Возможно, все дело в моей работе, – продолжал он, – но эта история восхищает меня. В ней говорится о наших мечтах и желаниях. Чего хотел король? Нет, ему совсем не нужен был очередной храм. Он в любой момент мог приказать построить такой. Он хотел, чтобы строение появилось за ночь!

– Кажется, с тех пор ничего не изменилось, – сказал я, смеясь, – все мечтают получить все и сразу!

– Вот именно, – сказал Чава. – Но это просто невозможно, не так ли? В конце концов, то, что карлику удалось выполнить задание, доказывает только, что он был волшебником. Обычному человеку не под силу сотворить что-либо по-настоящему великолепное за один миг. Людям нужно терпение. Люди должны создавать вещи медленно, по кирпичику. Как бы нам ни хотелось быстрее чего-то достичь, мир устроен иначе. Гениальность – это процесс.

Чава положил свой рюкзак на колени и принялся искать что-то внутри. Спустя несколько секунд он вытащил небольшой тряпичный пакетик и протянул его мне.

– Мне лучше открыть это сейчас? – спросил я.

Чава кивнул.

Сверху красный плетеный мешочек был завязан шнурком. Я повозился с узлом, пока наконец не развязал его и не высыпал содержимое мешочка себе на колени. Внутри была записка и крошечная поделка из красной глины. Я поднял ее и присмотрелся. Это оказалась миниатюрная копия пирамиды.

Развернув лист бумаги, я прочитал:

Каждый день понемногу двигайтесь к своей цели

То, как мы справляемся с мелкими делами, определяет то, как мы справляемся со всем остальным. Успешно выполняя простые задачи, мы также преуспеем и в грандиозных планах. Тогда мастерство станет нашим образом жизни. Но более того – каждое крошечное усилие строится на следующем, и так, кирпич за кирпичиком, мы можем создать великолепные творения, достичь уверенности и привести к исполнению наши мечты. Мудрец поймет, что даже самые скромные ежедневные изменения приведут к невероятным результатам через какое-то время.

Солнце уже успело подняться гораздо выше. Жар окутывал меня. Я поднял край рубашки и вытер вспотевший лоб.

Чава посмотрел на меня и немедленно поднялся.

– Простите, что продержал вас здесь так долго. Я знаю, вы еще не успели привыкнуть к температуре. Давайте возвращаться. По пути обратно я хочу показать вам еще кое-что.

Мы начали спускаться, и это показалось мне еще сложнее, чем наш путь наверх. Шагая вниз по крутым узким ступенькам и глядя на лежащую впереди площадь, я задумался о той высоте, на которую мы забрались, и об отсутствии каких-либо ограждений, которые могли бы спасти меня от падения с этих гладких каменных ступеней. Я вздохнул с облегчением, когда Чава велел не спускаться дальше, а пройти по боковому проходу. Он шел впереди меня, но в конце концов остановился у большого сводчатого проема с одной из сторон пирамиды.

– Здесь, – Чава указал рукой в дверной проем, – скрыта ирония той легенды, насколько

я знаю.

– Правда? – воскликнул я.

– Эта пирамида должна была быть построена за одну ночь, но это очень далеко от правды, – сказал Чава. – Вместо этого ее строили несколько сотен лет. И перестраивали снова и снова. Пять раз! Каждый раз возводя новую пирамиду поверх предыдущей. Мои предки полагали, что это наделяет храм накопленным могуществом и величием всех его предшественников. Эта дверь осталась от одной из более ранних пирамид, расположенных здесь. То, что вокруг, было достроено уже позже.

– Ничего себе! – Я во все глаза смотрел на мистические создания или, возможно, богов майя, вырезанных на дверном проеме.

Это была сложная и искусная работа. Было невысказано сделать такое за несколько месяцев, что уж говорить об одной ночи!

– Вчера я говорил вам, что моя работа, возможно, поможет найти ключ для разгадки тайны падения империи майя, – произнес Чава. – Но на самом деле меня гораздо больше интересуют их истоки – как все это появилось на свет. Вы говорите, что работа археолога очень трудоемка, но подумайте о создании цивилизации, строительстве больших городов, даже этих пирамид – вот что такое медленная, трудоемкая работа.

Я кивнул, и с минуту мы оба молчали.

– Важно помнить, – почти прошептал Чава, – что каждая большая мечта начинается с малого.

На следующий день Чава довез меня до аэропорта Мерида. Ехать пришлось часа два, но, поговорив около получаса, мы замолчали. Я достал телефон, но связи все еще не было. Я решил пролистать фотографии и задержался на снимке Адама в футбольной форме, неуверенно опиравшегося ногой на мяч.

Чава обернулся ко мне:

– Вы, наверное, соскучились по дому?

– Ага, – ответил я.

– Вы на пути домой, Джонатан, – ответил он немного погодя. – На пути домой.

Мы проехали мимо небольшого городка под названием Тиккуль, мимо заброшенных ферм и каменистых пастбищ. Мы сидели молча еще какое-то время, прежде чем я достал из рюкзака блокнот и развернул самую последнюю записку. В блокнот я записывал свои впечатления о поездке, о талисманах и о текстах, которые к ним прилагались, как меня и просил Джулиан. Но я еще не разобрался со своими мыслями о последнем талисмани.

Чава посмотрел на блокнот у меня на коленях и сказал:

– Джонатан, Сикина рассказывала вам о нашем сыне, Авали?

– Только то, что он живет в Мехико и что она скучает по нему, – отозвался я.

Чава расхохотался. Я вопросительно посмотрел на него.

– Извините, – сказал он. – Не поверю, что она на этом остановилась. Авали работает врачом, и Сикина очень им гордится. Обычно это первое, о чем она рассказывает людям при встрече.

– Я понимаю, – сказал я, – ей есть чем гордиться.

Помолчав немного, Чава продолжил:

– Когда Авали было лет восемь, он подошел ко мне и сказал: «Папа, я хочу стать доктором и помогать больным людям. Как мне это сделать?» Что я мог ему ответить на это? Ни Сикина, ни я никогда не учились в университетах. Большая часть моей семьи не закончила и младшей школы. Никто из нас не выезжал с Юкатана. Я понятия не имел, как стать врачом. Но малыш Авали, полный своих детских надежд, хотел получить ответ, и я понял, что кое-что знаю. Я усадил его себе на колени и сказал: «Сынок, я знаю, с чего тебе следует начать. Завтра ты пойдешь в школу и будешь слушать все, что скажет учитель. Ты будешь трудиться усерднее, чем обычно. А потом ты придешь домой и расскажешь мне, чему ты научился».

Чава мечтательно улыбнулся, словно вновь видел своего маленького сына перед собой, качнул головой и продолжил:

– Так он и начинал. Про каждый тест, каждое задание я говорил ему: «Сделай как следует, и ты продвинешься еще немного к своей цели стать врачом». Никто из нас не знал всего пути до цели, так что мы сосредотачивались на каждом шаге, который делали. Когда он стал старше, мы советовались со всеми, кого знали, – археологами и научными работниками на площадке, с которыми я работал, с медсестрами и докторами в больницах, даже с туристами, которых встречали около руин или в городе. Медленно, но верно Авали, Сикина и я определяли наши следующие шаги. И прежде, чем я успел опомниться, Авали уже окончил университет в Мехико.

– Маленькие ежедневные шаги могут привести нас к большим свершениям, правда? – спросил я.

– Даже небольшие действия всегда лучше самых смелых намерений, – ответил Чава. – И результаты подтверждают это лучше любых слов.

Как и другие хранители, Чава действительно олицетворял мудрость своего талисмана и воплощал ее в жизнь. Он видел ее в своей работе, в достижениях своего сына.

Но что я мог бы вынести из этого для себя? Я не был уверен, что у меня есть какие-то важные устремления. Раньше я мечтал стать генеральным директором, жить в огромном доме, о «феррари», как у Джулиана.

Но теперь я сомневался. Только у самого аэропорта я смог наконец написать что-то в блокноте. «Отжимания», – написал я. Завтра утром я сделаю двадцать отжиманий. Начну с этого.

Мне было довольно грустно прощаться с Чавой. Он и Сикина очень напоминали мне родителей. И я подумал, что с радостью провел бы больше времени с его семьей. Возможно, добравшись домой, я уже забуду об этом.

Но сейчас я снова отправлялся в неизвестность – на этот раз в Барселону. В аэропорту наконец появилась связь. Я позвонил Аннише, но наткнулся на автоответчик. Я решил написать ей и Адаму еще одно сообщение о моей остановке в Мексике, но, открыв папку входящих, я заметил письмо от Тессы.

Это было странно. На работе у нас не было общих проектов.

Привет, Джонатан!

Сегодня я заходила к Наванг, узнать, когда ты возвращаешься. Она сказала, что не знает. Она думает, что ты вообще можешь не вернуться. Трудно передать, как сильно это меня расстроило. И заставило призадуматься. Не знаю, с чего лучше начать, так что скажу прямо. По офису ходят слухи, что ты собираешься развестись. Возможно, я тороплю события, но мне всегда казалось, что между нами что-то есть. Если ты не собираешься возвращаться к этой работе, я не хочу мучиться сожалением, что мы упустили шанс узнать друг друга поближе. Мне кажется, это пошло бы на пользу нам обоим. Как бы то ни было, я просто хочу, чтобы ты знал, что я думаю о тебе.

Тесса

Глава VII

Когда мне было пять лет, отец взял меня с собой на баскетбольный матч. Хотя это и не был матч НБА, но игра была самой захватывающей из всех, которые я когда-либо видел.

Полуфинал в начальной школе Парквью, где мой отец преподавал в шестом классе. Предыдущим летом я уже бывал там, помогая папе украшать класс к первому учебному дню. Мы с сестрой раскрашивали бумагу, пока отец вешал плакаты с животными и странного вида людьми. На всех плакатах было что-то написано, но я понятия не имел, что именно. Мне ясно было только то, что мой папа, должно быть, настоящий гений, ведь он учит таких взрослых одиннадцатилетних ребят математике, чтению и другим предметам.

Однако во время той баскетбольной игры я впервые заметил, что, помимо преподавательских талантов, он умеет еще многое другое и за многое отвечает. Я сидел на краю длинной деревянной скамейки в огромном спортивном зале. Мальчишки, которые в моих глазах казались большими и взрослыми, – сидели на скамейке. Отец говорил с ними, давая указания. И все они смотрели ему в рот, жадно ловя каждое сказанное им слово, будто он делился с ними тайнами мироздания.

О самой игре я ничего не помню. Единственное, что запало мне в душу, это то, как я гордо выпячивал грудь каждый раз, когда отец говорил со своей командой, и каждый раз, когда он оборачивался ко мне и улыбался.

Однако к четвертому классу, когда игра уже оставалась в далеком прошлом, моя гордость сменилась беспокойством. В тот год моим учителем была миссис Хиггинботтом – дама, которая иногда приходила на работу, забыв снять бигуди на затылке. Она носила столь нелепые наряды, что даже девятилетние мальчишки обращали на это внимание. Миссис Хиггинботтом удавалось усмирить класс только с помощью миссис Дорман, которая прибегала на помощь из соседнего кабинета, и частых визитов директора. Но даже постоянная угроза наказаний и дополнительных домашних заданий не мешала нам собираться во дворе на переменах, чтобы придумать ей очередное обидное прозвище. На примере миссис Хиггинботтом мне стало ясно, что учителей совсем не все уважают и что учителя запросто могут стать предметом насмешек.

Я был абсолютно уверен, что мой отец был совершенно не похож на миссис Хиггинботтом, – дети не начинали списывать задания друг у друга, стоило только ему повернуться спиной, и не пытались запудрить ему мозги, уверяя, что он потерял контрольные работы, которые никто даже не думал сдавать. Но я не мог не задаваться вопросом: если такие люди, как миссис Хиггинботтом, могут работать учителями, то что я должен думать о моем отце?

К седьмому классу мои детсадовские представления об отце испарились. Теперь я думал, что он предпочел потратить свою жизнь на возню с малолетками. Отцы моих друзей были докторами и юристами, операторами подъемных кранов и бизнесменами. В конце дня они ехали домой с дорогими портфелями, набитыми файлами, или с белыми касками на задних сиденьях автомобилей. Мой же отец приходил домой со стопкой убогих сочинений о

Древнем Египте и ворохом контрольных по дробным числам и десятичным дробям.

В старшей школе я уже был уверен: причина, по которой отец работает преподавателем в начальных классах и так цепляется за свою работу, в том, что у него просто напрочь отсутствуют амбиции, – ведь он даже не понимал или не признавал всю нелепость своей карьеры. Я узнал, что ему много раз предлагали стать завучем или даже директором, но он все время отказывался. Он объяснял это тем, что любил работать в классе, – и даже если не преподавать, то все равно хотел бы работать именно с детьми. Но я уже знал правду: отец был просто ленивым глупцом.

К тому времени, как я сам устроился на постоянную работу, я понял, что отец, ясное дело, был совсем не таким, как миссис Хиггинботтом. Он действительно любил свою работу и отлично с ней справлялся. Но я продолжал сомневаться насчет его амбиций и стремлений.

Именно об этом я размышлял, когда Луис Коста поведал мне свою историю.

Луис встретил меня в аэропорту Барселоны. Как и Ахмед, он держал в руках небольшую табличку с моим именем. Ему, наверное, было немного за тридцать, но выглядел он очень молодо, с неровными коротко подстриженными кудрявыми волосами. Он был одет в синий блейзер и темно-серые брюки. Его ярко-красный галстук выделялся на фоне белой рубашки.

– Hola, hola! Добро пожаловать, Джонатан, – сказал он. – Луис Коста к вашим услугам. Мне очень приятно познакомиться с членом семьи Джулиана.

До того как я успел опомниться, Луис положил руки мне на плечи и, наклонившись, расцеловал в обе щеки.

– А теперь давай познакомимся поближе за обедом с бутылкой отличного вина.

Фамильярность Луиса заставила меня почувствовать себя неловко. Мне было приятно проводить время с Ахмедом, Аямэ, Чавой и Сикиной, но я приехал не для того, чтобы обзавестись новыми друзьями. Мне просто нужно было собрать талисманы и вернуться домой.

Луис повел меня на выход из терминала к стоянке такси. Вместо того чтобы сесть в первую же машину, он поспешил к самой последней. Открыв заднюю дверь, он замысловато махнул в сторону пустого сиденья, словно говоря «После вас». Однако я не двинулся с места. Понятно было, что в такси никого нет. Совсем никого.

– Луис, – сказал я, – тут ведь нет водителя. Водителя такси нет в машине.

– Конечно его нет, – подтвердил Луис. – Он ведь встретил тебя в аэропорту. Я – водитель. Это мое такси.

Мне показалось странным садиться на заднее сиденье, тогда как мой попутчик, пусть даже он водитель такси, сидит впереди, но Луис усадил меня именно так. После того как я сел, он открыл багажник и положил туда мой чемодан. Я видел, как, обходя машину, он махнул и что-то крикнул другим водителям. Луис так и светился радостью, что большая редкость среди водителей такси, по крайней мере, среди водителей такси моего родного города. Сев за руль, он повернулся ко мне:

– Итак, Джонатан, ты уже бывал когда-нибудь в Барселоне?

Я покачал головой, и Луис кивнул:

– Тогда ты просто счастливчик. Тебе достался именно тот водитель, который сможет показать тебе город. Но сейчас ты наверняка устал. Я забронировал номер в отличном отеле в районе Эшампле. Я отвезу тебя туда, чтобы ты мог освежиться и отдохнуть. А потом заберу около девяти вечера, так что мы сможем поужинать на набережной. Годится такой план?

Должен признать, Луис был отличным водителем. Казалось, он легко лавирует в потоке машин. В такси было прохладно, но совсем не холодно. Играла спокойная классическая музыка. На задней стороне водительского сиденья я заметил небольшой карман, в нем была упаковка носовых платочков, бутылочка антибактериального средства для рук, небольшая упаковка влажных салфеток. В подвесном кармашке на спинке пассажирского сиденья

лежали две стопки цветных флаеров. Я взял по одному из каждой – туристическая карта Барселоны и путеводитель по музеям. Интересно, все такси в Барселоне так же продуманно оборудованы?

Когда мы добрались до центра, машина начала петлять по узким улочкам.

– Возможно, это и не самый близкий путь, но зато самый красивый. Я подумал, что тебе, возможно, захочется взглянуть на архитектуру девятнадцатого века в этой части города. Она великолепна.

Луис был прав. Многие здания напоминали мне строения в стиле «арт нуво» в Париже и Нью-Йорке, с их украшенными каменными фасадами, чугунными балконными решетками и высокими сводчатыми окнами.

– Ничего себе! – воскликнул я, когда мы проезжали мимо церкви, витиевато украшенной шпилями и остроконечными башенками.

– О, да! Это творение Антонио Гауди – храм Святого Семейства. Самое знаменитое здание в Барселоне. Завтра, если захочешь, мы сможем вернуться сюда. Никто не должен уезжать из Барселоны не познакомившись с работами Гауди.

Проехав мимо церкви, мы повернули за угол и остановились на красный. Как только загорелся зеленый, Луис мягко нажал на газ. Мы даже не успели выехать в центр перекрестка, когда рев разгоняющегося двигателя заставил меня резко обернуться. Другое такси мчалось на красный свет по поперечной улице. Казалось, оно не собиралось тормозить, и я был уверен, что оно врежется в дверь прямо рядом с моим сиденьем. Сердце мое ушло в пятки, я отскочил на соседнее сиденье и закрыл голову руками. Затем услышал визг тормозов и тошнотворный лязг металла. Но каким-то чудом *наша* машина продолжала спокойно ехать вперед, разве что гораздо медленнее.

Я поднял голову и огляделся. Луис аккуратно притормозил у обочины на противоположной стороне перекрестка. Ему удалось проехать в миллиметре от мчавшейся машины и избежать столкновения. После остановки он включил аварийные фары и повернулся ко мне:

– Джонатан, ты в порядке? – спросил он.

Я кивнул. Мы оба посмотрели в зеркало заднего вида. Такси врезалось в решетку машины на противоположной стороне улицы. В центре перекрестка остались полосы от шин, когда машину развернуло и занесло от резкого удара по тормозам.

Я еще не успел опомниться, а Луис уже выскочил из машины и помчался в сторону разбившегося автомобиля. Когда я догнал его, он уже помог женщине и испуганной маленькой девочке выбраться с заднего сиденья. Женщина держалась за голову, а Луис наклонился поговорить с ребенком. Водитель машины, в которую въехало такси, сам смог открыть дверь и теперь неуверенно топтался рядом. Он выглядел испуганным, но невредимым.

Я заглянул в окно разбитой машины. Ее водитель упал вперед, его лицо было на руле. Со лба стекала кровь.

Через пару минут подъехали полиция и «скорая». К тому времени водитель такси уже очнулся и попытался объяснить Луису, что произошло. Он казался очень молодым и очень напуганным. В конце концов подоспели врачи и стали осматривать его травмы. Луис и я направились к полицейской машине, чтобы дать показания. Луис переводил мои слова, а потом мы подождали, пока пассажиры такси расскажут, что видели они. Им предложили вызвать еще одну «скорую», чтобы отвезти женщину на обследование в больницу, но она сказала, что с ней и с ее дочерью все в порядке.

Когда врачи и полицейские уехали, Луис снова подошел к женщине и что-то спокойно ей сказал. В конце концов она кивнула, и Луис обернулся ко мне.

– Мне удалось убедить ее доехать до больницы, чтобы проверить, все ли в порядке. Я надеюсь, ты не будешь возражать против еще одной небольшой заминки? – спросил Луис.

– Разумеется нет! – ответил я.

Усадив женщину и ее дочку в «скорую», Луис вернулся в машину.

– Джонатан, мне очень жаль, что твой визит в Барселону начался таким образом! – сказал он.

– Не беспокойтесь обо мне, – ответил я.

Должен признать, я чувствовал себя совершенно обессиленным после аварии, но, если бы меня вез не Луис, все могло бы обернуться гораздо хуже. Я думал о том, как мне повезло, а не о том, что нас задержали.

Двадцать минут спустя мы остановились около здания из белого камня с арочными окнами и чугунными подставками для растений. Швейцар в ливрее стоял около большой вращающейся двери. Луис поставил машину на специальной стоянке для такси и помахал швейцару, прежде чем выйти из машины. Я увидел, что он спешит открыть мне дверь, но вышел из машины раньше самостоятельно. Луис достал мои вещи из багажника.

Когда мы подошли ко входу, швейцар приветствовал его по имени, и они перебросились парой фраз, пока он открывал нам тяжелую стеклянную дверь сбоку от вращающейся. Оказавшись в вестибюле, Луис позвал портье и направился прямо к стойке регистрации. Высокий худощавый мужчина стоял за стойкой и читал. Когда он поднял глаза и увидел направлявшегося к нему Луиса, то всплеснул руками:

– Bon dia, Luis! – Он вышел из-за стойки и обнял Луиса, прежде чем повернуться ко мне.

– Это наш почетный гость, о котором я говорил тебе. Джонатан Лондри, родственник Джулиана, – представил меня Луис.

Консьерж воскликнул с энтузиазмом:

– У меня для вас приготовлен замечательный номер. Если вам что-нибудь понадобится, просто дайте мне знать.

Он протянул мне ключ и махнул портье. Попрощавшись с Луисом, я последовал за портье к лифтам. Мой номер находился на восьмом этаже. Я глубоко вздохнул и, как только двери открылись, быстро зашел внутрь, пока не успел передумать.

Когда мы поднялись, портье открыл дверь, поставил мои вещи и откланялся. Номер был первоклассным: большой и просторный, с высокими окнами, выходящими на улицу и парк вдалеке. Около окна красовалась ваза с белыми тюльпанами, а на туалетном столике стояла корзинка с фруктами и шоколадом. Я скинул ботинки, плюхнулся на необъятную кровать и достал телефон.

Когда я получил сообщение от Тессы, я откликнулся немедленно. Но написал я не Тессе, а Наванг. Что она рассказывает всем?

Разумеется, я вернусь. У меня не всегда есть связь, но я проверяю входящие так часто, как только могу. Пожалуйста, держите меня в курсе всех проблем и продвижений. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ответить, как только представится возможность.

В самолете из Мексики я часто возвращался к сообщению от Тессы. Оно отвлекало меня от тоски по дому. Сначала я беспокоился о работе. Неужели Наванг может использовать мое отсутствие, чтобы продвинуться по службе? Или же это Дэвид так отыгрывается на мне за причиненные ему неудобства? Сказал ли он моим клиентам, что теперь они работают с Наванг?

Но пока голова моя была забита параноидальными мыслями, казалось, я мог различить слабое эхо слов Джулиана: «Если мы не доверяем другим, мы не доверяем сами себе». Возможно, мне стоит быть начеку, но вот пустое беспокойство ни к чему хорошему точно не приведет. Я не был уверен, что мне оно нравится.

Однако личное сообщение от Тессы доставляло мне еще больше беспокойства, чем мои переживания о работе. Конечно, последние несколько месяцев между нами что-то возникало. Именно это подбадривало меня, когда что-то шло не так. После ссоры с Аннишей или одинокой ночи в пустой квартире я приходил в офис и видел, как Тесса мне улыбается. Но это всегда было чем-то абстрактным. Теперь же, после сообщения Тессы, это стало чем-то

реальным и конкретным.

Спустившись обратно в вестибюль к девяти вечера, я сразу заметил фигуру опрятно одетого Луиса. Он стоял рядом со входом, сложив руки за спиной и покачиваясь на пятках. Он явно дожидался меня, но мягкая улыбка на его лице как бы говорила, что это его не беспокоит. Его такси было припарковано на улице, рядом со входом в отель. В этот раз он позволил мне сесть рядом с ним на переднее сиденье. Всю дорогу он мило болтал:

– Как жаль, что у тебя так мало времени на этот великолепный город. Здесь столько можно увидеть. Я всегда говорю, что это город великих мастеров.

Мы явно направлялись в гораздо более старую часть города. Улицы становились все уже и темнее.

– В самом деле? – спросил я.

– Знаю-знаю, говоря о выдающихся художниках, люди думают о Флоренции, Риме, Париже. Они вспоминают галерею Уффици, Сикстинскую капеллу или Лувр. Но Барселона за последние сто лет стала домом столько великих мастеров. Хуан Миро, Сальвадор Дали, Пабло Пикассо. И, безусловно, потрясающий архитектор Антонио Гауди. Все они были гениями.

Я чувствовал, как Луис вдохновлен. Должно быть, мы как раз оказались в районе Старого города; казалось, прошедшие века наложили свою печать здесь на каждое здание, на каждый камешек мощеной мостовой. Некоторые улочки казались столь узкими, что я не верил, что по ним может проехать машина, но Луис, болтая без умолку и то и дело взмахивая левой рукой, петлял по ним без особого труда. Он уже и думать забыл про то, что мы едва не попали в аварию.

– Да, великолепные творения Пикассо можно увидеть по всему миру. Все-таки их больше пятидесяти тысяч. Но где еще можно посмотреть на те работы, в которых его уникальность лишь начинала проявляться? Наш музей Пикассо хранит самые ранние его работы – наброски и картины, которые он создавал в Испании в годы ранней юности. Можно увидеть зарисовки с натуры, сделанные под руководством отца. Даже тогда уже ясно проявлялся его талант. Это действительно нечто особенное – видеть истоки его будущих шедевров.

Мы проезжали мимо церквей и соборов, низких зданий с витиеватыми решетками на балконах над сводчатыми проходами внизу. Попадались и магазины, закрытые дверьми из гофрированной стали, разукрашенными граффити. Но в конце концов узкие улочки остались позади, и мы снова оказались на автомагистрали. Перед нами было море. Я смог разглядеть яхты в гавани, их огни мерцали на фоне темной водной глади. Вдоль улицы ровными рядами возвышались пальмы, воздух был наполнен живительным соленым ароматом моря.

– Прямо перед нами Барселонета, – сказал Луис, пока мы проезжали мимо портовой зоны. Мы свернули в сторону от воды. Поплутав немного по крошечным улочкам, в конце концов Луис остановил машину на небольшой аллее: – Отсюда нам лучше пойти пешком.

Небольшой душевный ресторанчик, казалось, был переполнен завсегдатаями.

– Для туристов – тут слишком далеко от воды.

Меню было на двух языках, как объяснил мне Луис, – на испанском и каталонском. Я мог разобрать несколько пунктов, но этого явно было недостаточно, чтобы что-нибудь выбрать. Я поднял глаза на улыбающегося Луиса.

– Как насчет рыбы и устриц?

Я кивнул.

– Отлично! Глупо было бы побывать в каталонском ресторане и не попробовать даров моря. Давай я сделаю заказ для нас обоих?

Наш ужин начался с легкого рыбного супа и блюда с жареными овощами, за этим последовали креветки в чесночном соусе, кальмар в кляре и вареный окунь. Луис заказал вина и наполнял мой бокал, как только он пустел.

Еще до того как принесли еду, он достал талисман из кармана:

– Пожалуй, я отдам тебе это прямо сейчас. Боюсь, как бы не потерять. – Луис протянул мне коричневую кожаную коробочку с откидной крышечкой размером не больше четырех дюймов длиной и всего пару дюймов шириной. Я поднял медную застежку и приподнял крышечку. На небольшом сложенном кусочке пергамента лежала тонкая, изящная кисточка. Она была сделана из гладкого темного дерева, с пучком тонких ворсинок. Я поднял кисть и аккуратно провел ею по руке между большим и указательным пальцами. Затем я бережно опустил ее на стол и достал записку, написанную черными чернилами. Я прочитал:

Чтобы прожить жизнь наилучшим образом, выберите лучшую для вас работу

Не бывает бессмысленной работы. Любой труд – это возможность выразить свои таланты, создать собственное произведение искусства и реализоваться в том, для чего вы были созданы. Мы должны работать так, как рисовал Пикассо: с преданностью, страстью, энергией и совершенством. В таком случае наша продуктивность станет не только источником вдохновения для других, но будет реально менять жизнь окружающих. Один из основополагающих секретов прекрасно прожитой жизни – выполнять работу, которая для вас важна. И научиться выполнять ее настолько совершенно, чтобы люди не могли оторвать от нее глаз.

Я спрятал кисточку обратно в коробку и убрал ее в карман. Вернувшись в отель, я переложу ее в мешочек для талисманов, а записку уберу в блокнот.

– Интересное мнение, не правда ли? – спросил Луис.

– Да, – ответил я. – Пикассо. Просто гений. Полагаю, именно поэтому вам доверили этот талисман. Вы ведь увлекаетесь искусством, правда?

Луис рассмеялся:

– Возможно. Но дело не только в этом.

Луис рассказал, что встретил Джулиана несколько лет назад, когда тот случайно оказался пассажиром его такси на пути из аэропорта в город. Тогда Луис водил такси, чтобы оплатить свою учебу в колледже. Джулиан же оказался в Барселоне проездом, так что у него было не много времени, чтобы посмотреть город. Он осведомился у Луиса, куда лучше пойти и что посмотреть, если у него есть всего один день. Луису столько хотелось рассказать ему, столькими идеями поделиться, что они говорили еще долго после того, как доехали до отеля. В конце концов Джулиан предложил ему вместе пообедать.

– Я привел Джулиана в этот же ресторан. И с тех пор мы продолжаем общаться. Думаю, что все то, что произошло со мной с момента нашей первой встречи, повлияло на решение Джулиана выбрать меня одним из хранителей талисманов.

Пока мы переходили от одного блюда к другому, Луис поведал мне свою историю. Детство он провел в крошечной деревушке на юге Барселоны, на побережье Средиземного моря. Когда ему исполнилось четырнадцать, его семья переехала в город.

– Для меня это было настоящим приключением. После спокойной небольшой деревушки все это. – Он развел руками перед собой. – Я знаю, что это не совсем обычно для столь юного мальчишки, но я любил картинные галереи. И историю. Но больше всего я любил улицы. Идти по Рамбла и собственными глазами видеть мозаику Миро, прямо тут, под ногами. Или набрести на скульптуру Пикассо, средневековую церковь или часть римской стены, гуляя по Готическому кварталу. Я садился на велосипед и все свободное время колесил по городу, пытаюсь увидеть как можно больше.

Когда Луис заканчивал школу, в его семье было много споров о том, чем ему следует заниматься в будущем. Его отец, бизнесмен, хотел, чтобы он стал юристом. Его маме, у которой не было университетского образования, вообще было все равно, ведь он и так закончил школу. В конце концов, его тетя предложила ему применить его знания и любовь к городу, отправившись в колледж, специализирующийся на туризме и сфере обслуживания.

– Мой отец был разочарован. «Никаких амбиций!» – говорил он. Отец действительно хотел, чтобы я стал адвокатом или, по крайней мере, специалистом в какой-то области. Скажем, нейрохирургом. Или ортодонтом.

– Инженером? – подсказал я.

– Да, вполне. Но не служащим отеля. С точки зрения моего отца, это никуда не годилось. Владелец отеля – да, но простой служащий – определенно нет.

Луис старался не обращать внимания на мнение отца. Он поступил на курсы, посещал занятия и водил такси, чтобы оплачивать их. После окончания ему предложили работу в отеле, где я сейчас остановился. Он работал помощником работника стойки регистрации. Потом помощником консьержа. Потом главным консьержем.

– Прошло не так много времени, а я уже добрался до поста высшего руководства. Я был самым молодым менеджером отеля в городе.

Но в конце очень длинного рабочего дня Луис выходил из отеля и видел своих старых приятелей тех времен, когда он работал таксистом, открывающих двери машин для гостей отеля. Они улыбались и махали ему, а затем прыгали в машину и уезжали. А Луис смотрел им вслед, пока они не терялись в потоке машин, а на сердце у него скребли кошки. Он приходил на работу еще до рассвета, а уходил когда солнце уже скрывалось за горизонтом. В течение дня он редко покидал офис; и ни разу не выходил на улицу. Он чувствовал себя так, словно на время работы его жизненные функции временно приостанавливаются. Но земля-то продолжает крутиться. По небу плывут облака, поют птицы, по городу гуляют люди. Все вокруг живет, а его сердце будто перестает биться.

– Пока я водил такси, со мной никогда такого не было. Я всегда чувствовал себя частью этого мира, живым, полным сил. И тогда, стоя на тротуаре в моем дорогом костюме и до блеска начищенных туфлях, я принял решение. Я уволюсь из отеля и вернусь к единственной работе, которая мне действительно была по душе. Я буду водить такси.

Луис замолчал и сделал глоток вина.

– И вы счастливы? Это было верное решение?

– Абсолютно.

– А ваш отец по-прежнему разочарован?

– О да, – отозвался Луис. – Мы больше это не обсуждаем, но он обращается со мной как с уголовником. И, Джонатан, знаешь, в чем ирония? Что действительно меня расстраивает? Это человек, который ненавидит свою работу. Его собственный отец насильно вовлек его в семейный бизнес, чтобы он занял место моего деда после его выхода на пенсию. И каждый день в этом бизнесе был агонией для отца. Он клялся, что никогда не будет заставлять никого из детей работать в этой компании. Он буквально считает дни, когда сможет уволиться и продать ее.

Луис сверлил взглядом крышку стола, но потом отвлекся и встряхнул головой как раз тогда, когда официант принес наши десерты. Он изящно поставил их перед нами и удалился, а я взглянул на Луиса.

– Почему же ваш отец не уйдет из компании прямо сейчас?

– Трудно сказать, – ответил Луис. – Понятно, что, раз он так ненавидит свою работу, он в ней не особенно преуспел. Это похоже на шутку, которую я слышал от одного из моих клиентов: как в условиях плохой экономики добиться небольшого достатка?

Я покачал головой.

– Начните с *большого!* – сказал Луис.

Мы оба рассмеялись. Потом его улыбка потускнела.

– Компания больше ничего не стоит, но отец изо дня в день продолжает работать, надеясь отстроить ее заново и выйти на пенсию богатым человеком. Но в данный момент даже у меня больше шансов разбогатеть, чем у него.

Мы немного помолчали. Луис взял клубнику из фруктового салата, но потом положил ее обратно на тарелку.

– Так Джулиан дал тебе этот талисман, потому что ты предпочел заниматься тем, что

нравится? – спросил я.

Казалось, что-то в этом рассказе не сходится: неужели делать то, что нравится, обязательно означает выполнять «лучшую для вас работу»?

– Нет, мне кажется, Джулиан не поэтому доверил мне именно этот талисман. Я думаю, что все дело в том обещании, которое я дал самому себе в тот день, на тротуаре. Я знал, что семья и друзья не одобряют моего решения. И я решил, что никогда не буду оправдываться. Я всегда хотел гордиться собой. И единственный способ достичь этого заключался в том, чтобы выполнять мою работу настолько хорошо, насколько возможно.

Луис посмотрел на меня и улыбнулся:

– Тот молодой водитель, который чуть не сбил нас сегодня, – он не знает, что значит водить хорошо. Он думает, что, чтобы домчать пассажиров к месту назначения так быстро, как только возможно, нужно ехать рискованно и на максимальной скорости. Он не понимает: чтобы быстро добраться из пункта А в пункт В, нужно хорошо знать город – выбирать наилучший маршрут и избегать проблемных участков. Так делаю я. Нет ни одной улочки или аллейки, которых я бы не знал. Но, чтобы быть лучшим таксистом, каким я только могу быть, недостаточно просто хорошо водить. Когда я показываю кому-то Барселону, я готов ответить на любой вопрос: в каком ресторане лучше всего готовят *фидеуа*, с какого часа открыт музей современного искусства и где лучше всего покупать антикварные изделия? И, если клиент спустился с самолета в двенадцать ночи, и ему приспичило отведать американский хот-дог, я знаю, где его можно будет достать. Джулиан дал мне этот талисман, потому что я всем сердцем верю, что работа будет оставаться просто работой, только если мы воспринимаем ее таким образом. Кто-то скажет, что я «всего лишь водитель такси». Но, если взглянуть на это моими глазами, я помогаю туристам получить впечатления, которые обогащают их жизни. У меня есть возможность сделать что-то хорошее для людей, столь многие из которых истосковались по нормальным человеческим отношениям. Мне удастся увидеть улыбку на лицах моих клиентов и оставить их в более хорошем настроении, чем до встречи со мной. В моем представлении, работа – это способ обнаружить больше наших талантов, раскрыть потенциал и стать полезным другим людям.

Нам принесли кофе, и мы какое-то время сидели молча. Не знаю, о чем думал Луис, но мои мысли были далеко в прошлом – с моим отцом, в его классе.

Перед тем как попрощаться вечером, Луис предложил мне провести с ним еще некоторое время. На следующее утро он заедет за мной и проведет для меня экскурсию по городу. Мы договорились встретиться в восемь часов.

Когда в шесть утра прозвонил будильник, я перевернулся на другой бок и уж было собрался поспать еще, но тут вспомнил, что написал в своем блокноте: *отжимания*. Я выполз из кровати и побрел к чемодану. С собой у меня был спортивный костюм. Куда бы я ни ездил по делам, я всегда брал его с собой: шорты, футболка, кроссовки и носки, безнадежно дожидавшиеся своего шанса в чемодане.

Но этим утром, вместо того чтобы лежать в кровати, выдумывая причины, почему не стоит идти в спортзал отеля, я встал и собрался, прежде чем мое тело успело возразить. Я должен был преодолеть мои ограничения, я учился. Мне казалось, что все те оправдания, что я выдумывал, были не более чем мои страхи. Я добрался до ванной, почистил зубы, плеснул на лицо холодной воды и, взяв ключ, вышел из номера. И только двадцать минут спустя – на беговой дорожке, неотрывно глядя в телевизор, где шел выпуск новостей, в котором я не понимал ни слова, – я смог наконец проснуться и полностью осознать, что делаю. И я тут же поздравил сам себя.

После пробежки я сделал несколько обещанных отжиманий, а потом еще немного покачал пресс на наклонной доске. Затем я вернулся обратно в номер, чтобы собраться. После непривычно долгого душа я оделся и направился в вестибюль. Главного консьержа еще не было, но его помощник посоветовал мне сходить в кафе за углом, где, по его словам, подавали лучший в округе кофе.

За завтраком я проверил почту на телефоне. Наванг прислала мне примирительное сообщение, заверяя, что старается держать меня в курсе всех событий и ждет не дожидается моего возвращения. Также мне пришло множество копий сообщений, что наталкивало на мысль, что Наванг спохватилась, включив меня в переписку. Я ответил на большую часть из них, в основном, чтобы показать, что я все еще в деле. А затем вернулся к письму Тессы.

Я читал и перечитывал его, но, сколько бы я это ни делал, ничто не помогало. Я просто не знал, как ответить. Вместо этого я достал блокнот, который дал мне Джулиан. Возможно, записав все на бумаге, я смогу разобраться со своими мыслями. По правде говоря, я думал о Тессе – много думал. Но идея обнадежить ее, мысль о том, чтобы начать новые отношения, пугала меня и заставляла чувствовать себя виноватым. В конце концов, я все еще был женат. Но сколько это еще продлится? Безусловно, несколько месяцев, после того как Анниша попросила меня уйти, я думал, что это только временная мера. Я знал, что Анниша пытается заставить меня пересмотреть мои приоритеты, но я надеялся, что наше расставание заставит ее осознать, что то, что было у нас двоих – лучше, чем жизнь порознь. Теперь я не был уверен, что она когда-нибудь признает это. Ее разочарование и гнев смягчились, но, казалось, их сменили грусть и обреченность – но не сожаления. Означало ли это, что она планирует будущее без меня? Было ли все кончено между нами?

И если «да», то что могло быть плохого в том, чтобы начать встречаться с Тессой? Служебный роман? Обычно все не советуют ввязываться в *это*. Или это просто страх чего-то нового, страх перемен и неизвестности? Как Джулиан говорил в своей записке к талисману-черепу – прими свои страхи? Может, так мне и следует поступить – собраться с силами и пригласить ее на свидание. В конце концов, раньше-то это срабатывало. Я закрыл блокнот и убрал ручку в карман, задумавшись под внезапным натиском воспоминаний.

Впервые я заметил Аннишу на факультативе по античной истории. Я посещал его, поскольку только он вписывался в мое расписание занятий по инженерному проектированию. Предмет не то чтобы был неинтересным, но, по правде говоря, на занятия я ходил из-за девушки, которая сидела в первых рядах с правой стороны. Я старался садиться так близко к ней, как только было возможно, но при этом соблюдая определенное расстояние, чтобы у меня была возможность спокойно разглядывать ее профиль, когда она поворачивала голову. У нее были миндалевидные глаза и длинные блестящие черные волосы. И даже когда она не улыбалась, на ее лице было радостное выражение. На занятиях она редко что-то говорила, но слушать ее всегда было очень интересно. Целый год я без особого успеха пытался придумать, как бы заговорить с ней. Когда наступила пора итоговых экзаменов, я понял, что проворонил свой шанс. Поскольку она изучала искусство, а я учился на инженера, шансы, что у нас еще будут общие занятия или что мы хоть как-то пересечемся по учебе, сводились к нулю. Я провел лето полный раскаяния и отвращения к самому себе.

За весь следующий год я так ни разу и не встретил Аннишу. Пытался завести отношения. Неудачно. И снова одинокое лето. И вот, в последний год учебы, боги улыбнулись мне.

В первую учебную неделю мы с соседями по общежитию в пятницу вечером решили сходить в университетский бар. Это было что-то вроде ритуала – оценить новую официантку. К нашему разочарованию, наш столик обслуживал какой-то парень. Среди официантов было несколько знакомых лиц и пара новеньких девушек, но, только когда я пошел в туалет, то заметил девушку, обслуживающую столик в дальнем от нас углу. Это была Анниша. Когда я вернулся, я наклонился к Эвану и попросил его посмотреть на девушку рядом с барной стойкой. Он поднялся со стула и стал разглядывать ее, как раз когда она повернулась в нашу сторону.

– Хмм, знаешь, что я думаю? – Он плюхнулся обратно на свое место. – Я думаю, она тебе совсем не по зубам.

Такого ответа я не ожидал. Я надеялся, что он подскажет, как мне преодолеть страх, или что-то, после чего станет ясно, что я должен сделать свой ход, иначе настанет его

очередь. Но он повалился на стул с пивом в руке и усмехнулся:

– Seriously, Джонатан. Даже не думай об этом.

Я провел вечер уткнувшись в пивной бокал и пытаюсь собраться с силами. Когда мои соседи собрались уходить, я сказал им, чтобы меня не ждали. Эван, натягивая куртку, посмотрел на меня, подняв бровь:

– Что ж, удачи.

То, как это было сказано, наводило на мысль, что одной удачи мне будет недостаточно, потребуется как минимум божественное вмешательство.

Я видел, что Анниша сидела за столиком рядом с баром. Часть зала, за которую она отвечала, была пуста. Оказалось, она пересчитывает чаевые. Я подошел и завис над столом, но она меня не замечала.

В конце концов я сказал:

– Привет.

– Ой, привет, – она улыбнулась, поднимая глаза и продолжая улыбаться. Либо она была очень любезной, либо это был хороший знак. Возможно, и то и другое.

– Извини, что отвлекаю, – сказал я, – кажется, мы вместе ходили на занятия по античной истории на втором курсе?

Анниша наклонила голову, словно призадумавшись. Через некоторое время она спросила:

– Инженер, верно? – Она говорила медленно, словно все еще вспоминая.

– Да, точно, – сказал я. – История была у меня факультативным предметом.

Я понял, что переминаюсь с ноги на ногу, и усилием воли заставил себя стоять спокойно. Затем я выпалил:

– Я хотел предложить: может, выпьем как-нибудь вместе кофе?

Она продолжала улыбаться, но ответила не сразу. Она явно взвешивала эту идею.

– На этой неделе я довольно занята, – сказала она. – Мне надо встретиться со многими друзьями, которых я не видела с конца прошлого года.

Я закивал, придумывая, что бы сказать в ответ, чтобы это выглядело так, как будто мне действительно все равно, что она не хочет со мной встретиться.

– Но вот через неделю, думаю, у меня будет время, – она оторвала небольшой клочок бумажки от одного из сложенных перед ней чеков. Написав свой номер, она протянула бумажку мне: – Если что, мое имя Анниша. Прости, твое я забыла.

Ровно в восемь утра Луис стоял у входа в отель. Однако в этот раз он был не на такси.

– Думаю, мы можем начать с небольшой прогулки. Я люблю ездить, но лучше всего знакомиться с городом гуляя пешком.

Прошлым вечером Луису удалось убедить меня, что мне следует потратить оставшееся в Барселоне время наслаждаясь ее архитектурой. Он заявил, что это важнейший вклад Барселоны в мировое искусство.

– Здесь есть девять зданий, которые считаются мировым наследием ЮНЕСКО. Гауди и все те прекрасные современные каталонские здания, которые мы видели вчера вечером. Но архитектура в Барселоне – это не просто какой-то экспонат из прошлого. Мы и сейчас очень ценим эти работы, – Луис объяснил, что город был домом для более чем пяти тысяч архитекторов: – Бьюсь об заклад, ты не сможешь найти больше архитекторов в одном городе нигде в мире.

Я не стал с ним спорить. Он рассказал мне о зданиях Жана Нувеля, Заха Хадид, Фрэнка Гери, Ричарда Роджерса. До этого я слышал только о Гери, но не стал признаваться в этом.

Мы гуляли по городу целый день, прервавшись лишь на ранний ланч. Иногда мы проезжали несколько остановок на автобусе, но большую часть времени ходили пешком, вытягивая шеи и вертя головами по сторонам, рассматривая здания вокруг нас.

Мы посмотрели «Дом Мила», построенный Гауди. Его волнообразные стены, будто бы сточенные водой камни, кованые решетки балконов напомнили мне о потерянной

Атлантиде. Определенно город на дне океана мог бы выглядеть именно так. Мы прошли по парку Гуэля с похожей на гриб будкой на входе, мозаичной скульптурой ящерицы, круговой, украшенной черепицей эспланадой. В конце дня мы отправились туда, где были вчера вечером, к храму Святого Семейства, незаконченному творению Гауди, доказательству его проницательности и его веры.

– Я очень люблю это место, – задумчиво сказал Луис, любуясь на четыре устремленных вверх шпиля. – Я уже успел рассказать вам, что мой прапрадедушка работал здесь на стройке?

– Правда? – удивился я. – Он был каменщиком?

– Нет, – сказал Луис. – Думаю, что просто подмастерьем. Он наверняка проводил много времени толкая тележки и перевозя кирпичи. Но, знаешь, как Джулиан говорил, нет незначительной работы. Мне нравится думать, как он, потный и грязный после долгого рабочего дня, поднимал глаза к небу и видел, что над ним поднимается эта великолепная церковь, зная, что без усилий его мускулов и его времени ничего этого просто не произошло бы.

Поздним вечером Луис проводил меня до отеля. У него были еще дела, так что мы оба не хотели засиживаться допоздна. Мой самолет улетал в восемь утра на следующий день, и Луис настоял на том, что заедет за мной в пять и довезет до аэропорта.

Оказавшись в номере, я заказал ужин, написал пару заметок в блокнот, а затем достал телефон, чтобы отправить сообщение Адаму. Я скучал по нему не меньше, чем в Мексике. Меня поражало, как я мог проводить столько времени, не звоня ему и не заезжая, когда я был дома. Я начал сообщение с жалоб: «Я так скучаю по тебе, приятель». Но потом подумал о печали во взгляде Адама, когда я целовал его на прощание перед поездкой в Стамбул. И стер сообщение. Я хотел быть рядом с ним, пусть даже только в форме сообщения, а не подчеркивать мое отсутствие. Так что вместо этого я написал о храме Волшебника и о руинах маяя, которые мне довелось увидеть. Я написал о пении птиц, скрывающихся в листве деревьев, и о пумах, что бродят по лесам Юкатана, – и как мне ужасно повезло, что я ни одной из них не встретил. А потом я написал, что сегодняшний день провел в Барселоне.

Помнишь, прошлым летом мы строили замки из песка на пляже и с помощью капель мокрого песка пытались сделать их башенки высокими и острыми? Именно так и выглядит та церковь, которую я вчера видел. Она покрыта остроконечными башенками. И ее спроектировал человек по имени Антонио Гауди, и спорю на что угодно, когда он был мальчишкой, он тоже строил замки из песка, так же как ты.

Я задумался. Затем написал:

Когда я вернусь, мы с тобой поедem на пляж на выходные.

Я понимал, что опасно давать обещания, но я собирался сдержать его во что бы то ни стало. Если бы я не справился, это разбило бы сердце мне, да и Адаму тоже.

Первые лучи солнца еще только начали появляться над горизонтом, когда Луис высадил меня из такси у терминала. Он был столь же бодрым и веселым, как обычно, но явно заметил, что я еще поглощен своим обычным утренним унынием. Доставая мой чемодан из багажника, он с тревогой взглянул на меня:

– Джонатан, ты уверен, что ничего не забыл?

Я проверил: кошелек и паспорт лежат в кармане, – и тут на меня накатила паника. Талисманы! Висит ли мешочек у меня на шее? Я не чувствовал его.

Я расстегнул куртку, чтобы нащупать мешочек под футболкой, и, разумеется, он был на месте. Как я мог не заметить его? Казалось удивительным, что, несмотря на то что сейчас он был тяжелее, чем когда-либо, мне больше не казалось, что кожаный ремешок впивается в

шею. Я достал мешочек из-под рубашки и засунул его в карман. Мне же придется еще положить его в пластиковый контейнер на пункте досмотра.

Пройдя регистрацию и оказавшись в зоне вылета, я нашел тихий закуток и позвонил Аннише. Должно быть, у нее уже поздно, может, около полуночи, но я очень хотел поговорить с ней, услышать, как дела у Адама. Когда она ответила, я извинился за столь поздний звонок, но, казалось, она была рада меня услышать.

– Я так рада, что ты позвонил, – сказала она. – Сегодня в школе было небольшое происшествие, о котором я хотела с тобой поговорить. Видимо...

Анниша замолчала. И я услышал тоненький голос на заднем плане.

– Мама, – говорил Адам, – я не могу заснуть.

– Ох, милый, – я слышал, как ответила Анниша. – Иди сюда и посиди со мной. Хочешь поговорить с папой о том, что тебя тревожит?

Когда Адам подошел к телефону, я спросил, как у него дела.

– Нормально, – ответил он тихим голосом.

– Что нового? – вновь попытался я.

– Ничего.

Затем я услышал голос Анниши:

– Помнишь, ты хотел рассказать папе, что произошло в школе?

После уговоров с моей стороны и подначиваний со стороны Анниши Адам рассказал, что один из второклассников поставил ему подножку, сбил с ног и забрал его батончик мюсли во время ланча.

– Что же ты сделал? – спросил я.

Адам ответил, что рассказал учителю, мисс Вандервис, которая дежурила во дворе. Мисс Вандервис вызвала того мальчишку к себе в кабинет.

– С тобой такое случалось? – спросил Адам. – Когда ты был маленьким, тебя когда-нибудь задирали другие ребята?

Я рассказал Адаму о Филе Стефаке, который украл все мои бейсбольные карточки и смеялся надо мной из-за моих очков. Я рассказал, что Фил часто ходил за мной по дороге домой, выкрикивая оскорбительные замечания. Я сказал, что боялся рассказывать об этом кому-либо, но однажды, когда Фил буквально сорвал очки с моего носа и стал топтать их ногами, я пожаловался учителю. Я никогда так и не узнал, что произошло. Но после этого Фил только сверлил меня взглядом. Он больше никогда меня не трогал. Мы еще долго болтали, прежде чем Анниша забрала телефон у Адама. Я посмотрел на часы.

– Прости, – сказал я Аннише. – Должно быть, вы оба очень устали.

– Ничего страшного! Ему действительно нужно было поговорить с тобой. Но теперь я попробую уложить его спать.

– Конечно, – сказал я. – Только еще один момент. Ты знаешь, чем все закончилось с тем, другим мальчишкой?

Анниша сказала Адаму, чтобы он шел в свою комнату и что она придет к нему через минуту. Затем она рассказала, что мисс Вандервис звонила ей после обеда. Это был уже не первый случай, когда тот мальчишка обижал других ребят. Директор вызвал его родителей к себе. Мисс Вандервис сказала, что на ближайшей неделе она будет брать на себя дежурство во дворе как можно чаще, чтобы следить за тем, что происходит. И она поговорила со всем классом о том, как надо заступаться за других, если видишь, что кого-то обижают. Она очень серьезно отнеслась к этому. Я почувствовала себя гораздо спокойнее, после того как поговорила с ней.

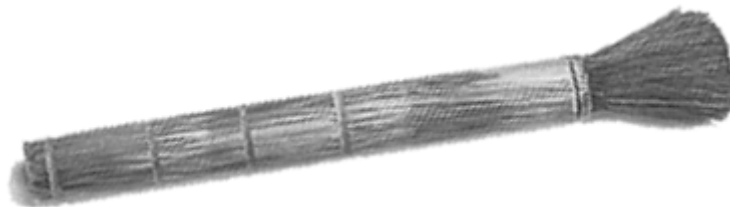
Мы с Аннишей еще какое-то время говорили об Адаме и его школе, а затем я пожелал ей спокойной ночи.

Теперь в зоне отправлений было уже довольно много народа. Большинство мест было занято. Мужчины и женщины с чемоданами и ноутбуками. Несколько пар с маленькими детьми. И напротив меня девочка-подросток, заткнувшая уши наушниками, упала в кресло,

молча сверля глазами свою маму, которая предложила ей жвачки.

Я вспомнил о том, каким угрюмым подростком я был. О терпении моих родителей. И почувствовал знакомую боль в груди. Я так скучал по отцу.

Сидя здесь, в аэропорту Барселоны, думая о том, как мисс Вандервис следит за моим сыном, вспоминая отца и мое собственное детство, я осознал, что в свои пять лет я понимал все правильно. Мой отец действительно был гением, избравшим поистине благородную профессию. Он достиг того величия, которого так желал Луис. А мне предстоит еще много работы, если я хочу стать хоть немного похожим на того человека, каким был он.

Глава VIII

Пока я был в Испании, Джулиан отправил мне информацию о двух следующих пунктах моего путешествия. Сначала мне предстояло отправиться обратно в Северную Америку, на остров Кейп-Бретон на юге Канады.

Так что после одной пересадки в Лондоне и одной в Галифаксе и после шестнадцати часов с того момента, как Луис попрощался со мной в аэропорту Барселоны, я приземлился в Сиднее, Кейп-Бретон Новая Шотландия. Был ранний вечер. Как и обещал Джулиан, меня ждала арендованная машина. Я очень обрадовался, когда обнаружил, что в ней есть GPS-навигатор. Ведь я не имел ни малейшего понятия, как добираться из Сиднея в Сейнт-Аннс.

– Вам потребуется около часа, – сказал парень в агентстве по аренде машин.

На этот раз хранителем была женщина по имени Мэри МакНейл. Я отправил ей сообщение, предупреждая, что уже еду.

Я выехал из Сиднея и направился на скоростную трассу, похожую на ту, по которой я ехал на полуострове Юкатан. Но дело было не в погоде, домах или растительности. Вовсе нет. Воздух здесь был свежим и холодным; вокруг виднелись пихты, бальзамины и березы, толстые и темно-зеленые, и вода. Вода была повсюду. Дорога петляла, навигатор показывал, что я практически нарезаю круги, но через несколько километров лесов и деревьев показалась водная гладь – залив или озеро. О Юкатане мне напомнило полное безлюдье. Я ехал мимо пустынных равнин. Вдоль обочины мелькали редкие отдельные дома, исчезающие в зеркале заднего вида, растворяющиеся в океане деревьев. Однако было что-то умиротворяющее в этих пустынных местах, во встрече, которая ждала меня впереди, пусть даже с незнакомым человеком. Было приятно думать, что в конце этого путешествия меня кто-то ждет.

Мэри МакНейл и Ангус МакДоналд жили неподалеку от автомагистрали под названием Кабот Трейл. В сообщении Мэри говорила, что у обочины я увижу почтовый ящик и вывеску с номером, но я не смогу разглядеть дом, пока не проеду вперед по аллее. К счастью, GPS-навигатор сделал всю работу за меня, так что вскоре я уже шел по гравийной дороге с густыми кустами по обеим сторонам к видневшемуся вдалеке над деревьями скату крыши. Должно быть, она высматривала меня в окно, поскольку, как только я остановил машину за двумя грузовиками сбоку от дома, высокая женщина с черными волосами с проседью уже стояла на крыльце и махала мне. Должно быть, это Мэри, подумал я.

Когда я вышел из машины, Мэри подошла ко мне вместе с мужчиной, Ангусом, который, вероятно, был ее мужем. Он был чуть ниже ее, определенно полнее, но улыбался так же тепло, как она. Никто не попытался обнять меня, как Луис, но Ангус похлопал меня

по плечу, а Мэри взяла мою руку обеими руками и назвала свое имя. Казалось, они рады встретиться со мной, но глаза Мэри были прищурены, будто ее что-то тревожило.

– Вы, должно быть, устали с дороги, – сказала она. – Ангус, Ангус! – воскликнула она, показывая на заднее сиденье моей машины.

В следующий миг мы с Ангусом уже боролись за мой багаж, словно два мультяшных героя. В конце концов я сдался и позволил ему донести мой чемодан до дома.

– Джулиан рассказал нам, что вы преодолели уже очень долгий путь, – сказала Мэри. – Так что мы приготовили вам ужин, а после вы сможете сразу лечь спать, если захотите. Наверное, в Испании сейчас уже далеко за полночь.

Мэри и Ангус отвели меня в гостиную. Чего в ней только не было! На стенах висела пара необъятных холстов. Один – водный пейзаж – ярко-бирюзовый, с переливами зеленых и темных оттенков. На другом красовались какие-то разноцветные блоки, которые, казалось, плясали у меня перед глазами. Мэри указала мне на глубокое кресло, обращенное к окну. Удобно расположившись, я оценил пейзаж: огромная волна зелени простиралась передо мной, и вдалеке виднелась тонкая синяя полоска – залив Сейнт-Аннс и воды Атлантического океана.

– Садитесь, отдохните! – сказал Ангус. – Я только накрою на стол и сразу же позову вас обоих.

Мэри принесла мне пива и села рядом. Она расспрашивала меня о путешествиях.

– Вы наверняка были очень заняты. Возможно, завтра вы захотите отдохнуть, но мы с Ангусом подумывали о том, чтобы немного вас занять.

Я не удивился. До сих пор только Антуан в Париже оставил меня развлекаться самостоятельно. Я испытывал смешанные чувства. После столь долгих перелетов, наверное, неплохо было бы чем-нибудь заняться. Но я не был уверен, что хочу участвовать в большом количестве развлечений.

Мэри сказала, что, если я не против, она надеялась завтра вечером устроить небольшой ужин в мою честь.

– Ничего особенного не будет, – уверяла она меня. – Только пара друзей и родственников. И лобстеры. Поскольку сейчас самый сезон для лобстеров, я думаю, они вам понравятся.

Я улыбнулся и ответил, что все это звучит просто отлично, хотя в глубине души я не был в этом уверен. Мэри сказала, что собирается весь день готовиться к вечеринке, а Ангус в это время прокатит меня по Кабот Трейл – вокруг плоскогорья Кейп-Бретон в северной части острова.

– Там очень красиво. Я прожила здесь почти всю свою жизнь и никак не могу налюбоваться.

Я сказал, что раньше тут не бывал и очень хотел бы посмотреть на этот уголок земли:

– Я слышал, многие сравнивают здешние пейзажи с зелеными холмами Ирландии.

Мэри кивнула:

– Да, но тут как-то просторней. По крайней мере меня больше всего поражает именно это.

Я путешествовал уже около двух недель, но, по правде говоря, давно потерял реальное ощущение времени. Я очень устал и скучал по дому, но, как ни странно, мое беспокойство о работе и желание вернуться к ней как можно скорее уже не было таким острым. Я знал, что мне есть о чем беспокоиться, но мне словно больше не хватало на это энергии. Я ведь мог настоять на том, чтобы вылететь на следующий день, попытаться как-то ускорить путешествие, но я больше не хотел делать это. Пусть поездка будет долгой – почему бы и нет? Не прошло и пары минут, как из кухни донесся голос Ангуса.

– Время перекусить, – крикнул он.

Мэри взяла мой бокал и повела к столу.

Кухня казалась огромной, но скромной. Длинный стол из древесины стоял с одной стороны комнаты, окруженный восемью стульями с высокими спинками. Старомодный

сервант прогибался под тяжестью старинных китайских и ярких стеклянных изделий ручной работы. На стенах вокруг стола красовались пестрые плакаты.

Ангус поставил дымящуюся сковородку с лазаньей на подставку в центре стола. Рядом уже красовались миска с салатом и корзинка хлеба.

– Не знаю, насколько вы голодны, Джонатан, так что не стесняйтесь, ешьте, сколько захотите, – пригласил он.

Будучи не в настроении рассказывать о себе, я решил действовать самым надежным методом, чтобы избежать этого, – стал задавать вопросы. Ангус, как оказалось, работал стоматологом в городе Баддек. Он вырос в Глейс-Бей, а отец его был шахтером. Все мужчины в их семье работали на шахтах, пока младший брат его отца не отправился в Монктон, в Нью-Брансуик, где он в конце концов стал бухгалтером. Ангус познакомился с Мэри, когда они оба учились в университете, но встречаться они начали, только когда им обоим было уже за тридцать. Мэри была художницей и работала в небольшой студии на холме сразу за домом.

– Там самое удачное освещение, – пояснила Мэри.

Я спросил, как они познакомились с Джулианом. Мэри рассказала, что встретила его очень-очень много лет назад в Нью-Йорке, когда была еще совсем молоденькой и работала художницей.

– Джулиан купил тогда пару моих картин. Он еще был тогда адвокатом и разбрасывался деньгами, как пьяный матрос. – Мэри рассмеялась. – После этого мы какое-то время не пересекались, а потом, уже после того, как я вернулась сюда, он нашел меня.

– Он, должно быть, настоящий фанат ваших работ, раз нашел вас даже здесь, – заметил я.

– Нет, дело не в этом, – сказал Мэри. – Это было уже после его возвращения из Сиваны. Он хотел встретиться со мной, чтобы поговорить.

Я подумал о своих старых школьных друзьях, соседях по комнате в колледже, обо всех тех, дружбу с кем я по неосторожности не смог уберечь. А были еще и те, кого я умышленно игнорировал. Я почувствовал острую боль в груди. Джуан попадал как раз в эту, вторую категорию. После ужина с Дэвидом и Свеном он несколько раз заходил повидаться со мной. Он был растерян. Дэвид и Свен обрушили на него целую лавину заданий. Устанавливали практически невыполнимые цели и абсолютно нереальные сроки. Они требовали от него отчетов и счетов так часто, словно хотели его разыграть. Только вот Джуан не смеялся. Он стал беспокойным, нервным и напряженным. Каждый раз, когда он пытался поговорить со мной, я притворялся, что мне совершенно ничего не известно. Когда он попросил меня вмешаться, стать связующим звеном между отделом разработки и руководством, я уклонился от прямого ответа. В конце концов я стал избегать его.

Джуан не был глупцом. Он понимал, что у меня нет ни малейшего желания ввязываться во все это. Так что он перестал приходить в мой офис. Но я все равно видел его в коридорах, мрачного и исхудалого, с глубокими морщинами на лице, мешками под глазами и тоской во взгляде. В последний раз, когда я говорил с ним, мы случайно встретились на парковке.

– Ах, Джонатан, думаю, ты знаешь, что происходит, – сказал он печально. – И я также понимаю, что никто ничего не может сделать, чтобы помочь. Но мне уже пятьдесят пять лет. В отставку рановато, а если я уволюсь... Кому нужен старик вроде меня? – сказал он, сел в машину и уехал.

И только месяц спустя по офису разлетелась новость. Вечером, когда Джуан ехал домой, его машина перевернулась. К тому времени, как приехала скорая, он был уже мертв.

Лазанья оказалась очень вкусной, но из-за плотного ужина и всех этих смен часовых поясов я почувствовал, что у меня глаза слипаются. Ангус убрал со стола, но Мэри осталась сидеть неподвижно.

– Я знаю, что вам уже не терпится отправиться спать, – сказала она. – Но мне бы хотелось отдать вам талисман именно сегодня вечером. Сначала я собиралась отдать вам его

завтра, незадолго до ужина. Собственно, сам ужин планировался из-за этого талисмана. Я подумала, что это было бы уместно – правильный способ отметить его передачу. Но я знаю себя. Завтра я буду метаться как угорелая, стараюсь ничего не забыть, так что сейчас, мне кажется, более подходящее время.

Мэри достала небольшой толстый конверт из кармана и положила его в центр стола. Но руку не убрала.

– Перед тем как вы откроете это, – сказала она, – можно ли мне увидеть другие талисманы?

Я так привык чувствовать мягкую замшу мешочка, висящего у меня на шее, его вес на груди, что удивился, насколько мне не хотелось снимать его. Но я вытянул его из-за ворота, снял с шеи ремешок. Открыв мешочек, я аккуратно высыпал талисманы на стол.

Мэри внимательно осмотрела весь этот небольшой набор.

– Должно быть, Джулиан о вас очень высокого мнения, и, должно быть, он вам очень доверяет, раз попросил выполнить такое задание.

– Даже не знаю, – ответил я. – Они очень близки с моей мамой. Но я его совсем не знаю.

– Но он, определенно, знает вас, – сказала Мэри и очень тепло мне улыбнулась.

Она потянулась к центру стола и взяла ухмыляющийся череп.

– Прими свои страхи, – сказала она.

Я кивнул.

Положив череп обратно на стол, она взяла журавлика.

– Доброта. – Она поставила журавлика перед собой, рядом с черепом. – Небольшие улучшения каждый день. – Мэри повертела крошечную пирамиду в руках.

Поставив ее на стол, она взяла кисточку. Так же, как сделал я, когда кисточка первый раз попала мне в руки, Мэри провела ею между пальцев.

– Любая работа может быть средством творческого самовыражения, – сказала она.

– Откуда вы все это знаете? – удивился я.

Мэри посмотрела на меня, слегка наклонив голову, как будто пытаюсь что-то для себя решить.

– Эти талисманы, – сказала она, обведя их рукой, – они все существуют только в одном экземпляре. Но, в конце концов, они не больше, чем просто символы. Джулиан годами говорил о той мудрости, которую они в себе таят. А я его слушала.

Наконец Мэри взяла талисман с изображением солнца и луны.

– Ах, да! Живи своей подлинной жизнью. Этот очень хороший. Он невероятно важен, но лишь некоторые могут следовать его мудрости.

Положив талисман обратно на стол, она взглянула на меня.

– Могу я спросить у вас кое о чем, Джонатан? Кое о чем личном?

Я не был уверен, что смогу ответить «нет».

– Считаете ли вы, что честны сами с собой? Живете ли той жизнью, для которой вы были предназначены, – самой драгоценной для вашего настоящего «Я», ваших истинных ценностей и сокровенных желаний?

Я посмотрел в сторону, поднес чашку чая к губам и отпил немного. Мэри пристально смотрела на меня. Я не мог понять, что ее так заинтересовало во мне или в моем ответе на этот вопрос. Я выпил еще немного чая и поставил чашку на стол.

– Я... Я не знаю, – пробурчал я. – Я пытался разобраться в этом в течение моего путешествия.

– Я понимаю, – сказала Мэри. – Это сложный вопрос.

– То есть, наверное, мой ответ «нет», – предположил я. – Но я не уверен, что знаю, какой должна была бы быть моя подлинная жизнь. Я начал переосмысливать свою карьеру, но с остальной частью – сплошной туман.

Мэри кивнула:

– Раз уж я ввязываюсь в вашу жизнь, наверное, мне стоит рассказать вам немного о

своей.

– Конечно, – ответил я. Что угодно, лишь бы больше не говорить о себе.

Мэри уже говорила, что она художница, однако она сказала, что ее история не о бунте и неповиновении. Она стала художницей вовсе не назло родителям, которые хотели, чтобы она была бухгалтером. Не шло речи и ни о каком прозрении посреди рабочего дня с девяти до пяти, о том, что ее истинной страстью является искусство. Она просто всегда знала, что хочет быть художницей, даже в детстве. Именно это делало ее счастливой. Рисование, живопись, лепка, скульптура – это все, чем она хотела заниматься.

– Как Пикассо, – сказал я, вспомнив, что говорил Луис о его детстве. Но ведь отец Пикассо тоже был художником. И именно он вдохновлял маленького Пикассо. Я спросил, были ли родители Мэри людьми искусства.

– Боже мой, что вы! Отец владел рыболовецким судном, а мама работала неполный рабочий день в продуктовом магазине, – сказала она. – Но мои родители – просто потрясающие люди. Они считали величайшим даром, что есть что-то, что мне так нравится делать. Так что они всегда хотели, чтобы я продолжала этим заниматься.

– И они не беспокоились о том, как вы будете зарабатывать себе на жизнь? – спросил я.

Мэри рассмеялась:

– Мой отец любил повторять: «Что ж, тебе придется непросто, но ты можешь попробовать зарабатывать меньше, чем мы с мамой!»

Ее семья, хоть никогда и не жила богато, всегда была счастливой. Перспектива быть голодным художником совсем не пугала Мэри. Она выиграла стипендию на изучение изобразительных искусств в университете в Галифаксе. После его окончания она переехала на Манхэттен. Там она работала официанткой и рисовала. Пробивалась в художественную элиту. Начала выставлять свои работы. В конце концов ей удалось оставить работу официанткой и посвятить творчеству все свое время. Она очень много трудилась, зарабатывая себе на жизнь рисованием и изготовлением гравюр, но в то же время она чувствовала себя очень удачливой.

– Я оказывалась в нужном месте в нужное время.

– Вы наверняка жили вашей подлинной жизнью и были честны сами с собой, – сказал я.

Перед тем как заговорить, Мэри пару секунд изучала свою кружку.

– Вот что интересно, я действительно думала, что так оно и есть. Все эти годы, на Манхэттене. Я была молодой, успешной. У меня было полно друзей и активная социальная жизнь. Это очень захватывало.

– Так что же было не так? Что в этом было плохого? – спросил я. Ей удалось меня заинтриговать.

– Многие не понимают, что за место в художественной элите часто приходится бороться. То есть за то, кто сможет выставляться в галереях, на кого будет направлено внимание критиков и вокруг кого будет весь шум. Постоянно происходят смены позиций, и все это на фоне очень жесткой конкуренции и внутренней борьбы.

Должно быть, я выглядел удивленным, потому что Мэри кивнула и сказала:

– Это действительно так.

Она рассказала, что другой молодой художник, чей стиль и подход был похож на ее собственный, приехал в Манхэттен из Лос-Анджелеса. И вот уже он был гвоздем всех вернисажей, вечеринок и светских тусовок. И где бы он ни появлялся, он постоянно вертелся около Генри – управляющего галереями, где выставлялись и продавались работы Мэри. Мэри понимала, что Генри не станет братья за нового художника, чей стиль так похож на ее, пока он выставляет ее работы. Но это не означало, что он не может просто перестать работать с Мэри и взяться за еще не примелькавшегося новичка.

– Это было началом моего падения, – сказала она.

Благодаря Генри она смогла оставить работу официантки. С его помощью она стала фавориткой критиков на какое-то время. Но так же легко она могла кануть обратно в

безызвестность. Мэри понимала, что, пока она чувствует себя столь многим обязанной Генри, она не может ему доверять. Он вел свои дела крайне расчетливо, и его не удерживали верность или чувство вины. Она видела, что он начинает отворачиваться от нее. И также она стала замечать, что Генри был не единственным, кто считал, что ее звезда закатывается. Некоторые из ее друзей перестали звонить так часто, как прежде. Ее не приглашали на некоторые вечеринки. Она уже не была в первых рядах на вернисажах. А однажды на премьере одного фильма она поделилась слухами о художнике из Лос-Анджелеса с репортером одного из местных журналов.

– Было в его жизни в Калифорнии что-то такое, что плохо повлияло на его картины. Я рассказывала журналисту об этом, надеясь, что так мой конкурент, возможно, потерпит фиаско. Сказала, что он делает все только напоказ и не продержится долго в мире искусства. Я думала, что таким образом могу предстать более серьезным художником, чем он. По дороге домой тем вечером я чувствовала себя отвратительно. Раньше я никогда не отзывалась ни о ком плохо, и то, что я сделала, заставило меня чувствовать себя ничтожной, мелочной и гнусной. Я продолжала задаваться вопросом, почему я так поступила. Что довело меня до такого, – рассказывала Мэри. – И это заставило меня внимательно присмотреться к окружающим меня людям.

Она поняла, что их в той или иной степени можно разделить на две категории. Люди, которым она доверяет и которых любит, ее настоящие друзья, дающие ей возможность чувствовать себя спокойной и счастливой, помогающие раскрыть самые лучшие ее стороны. И другая группа – люди, которые могут быть ей интересны или развлекают ее – они могут казаться привлекательными по сотне причин, но всегда несут в себе что-то плохое. Некоторые из них забавны, но при этом подлые (я подумал о своем бывшем соседе по комнате Эване и его «ну удачи тебе с этим»). Некоторые – интересны, но вечно раздраженные. А некоторые воспринимают все как бесконечную гонку – и из-за того, что они постоянно сравнивают себя с тобой, ты тоже начинаешь равняться на них. И бывают еще такие, кто непреднамеренно, без всякого злого умысла с их стороны, просто оказывает на тебя дурное влияние. Куда бы Мэри ни шла отдыхать в компании одной женщины, она всегда перебарщивала с алкоголем. Другой человек всегда был настолько подавлен, что она чувствовала себя уныло еще несколько дней после разговора с ним. А другой был раздолбаем, и если она проводила слишком много времени вместе с ним, то потом ленилась и дрыхла до обеда.

– Знаете, – грустно сказала Мэри, – тогда Джулиан относился ко второй группе.

Мэри решила, что ей следует больше времени проводить с людьми из первой группы и меньше – с другими. Но потом она осознала, что в обеих группах было много людей, которых ей не хватало.

– Семья была очень важна для меня, но я редко виделась с ними.

Она знала, что, будучи рядом с мамой и папой, с братьями и сестрами, тетями и дядями, она становится самой собой. Они помогают ей открывать лучшее в себе.

– Я знала, что моя подлинная жизнь – это искусство и близость с моей семьей. Чтобы прожить жизнь так, как было бы правильно именно для вас, иногда требуется найти все необходимые ее составляющие.

Мэри решила вернуться обратно на Кейп-Бретон, но не в Мэбау, крошечный городок, где жили ее родители, а в местечко Сейнт-Аннс рядом с городом Баддек, потому что там жила ее подруга, Кристина, великолепный скульптор, которого она встретила на выставке в СоНо. Здесь находился Гэльский колледж кельтских искусств и ремесел, и Кристина говорила, что там живет несколько примечательных художников и ремесленников.

– Я понимала, что для меня важно жить в окружении людей, разделяющих мою страсть, которые вдохновляли бы меня и, возможно, подгоняли бы немного. И это стало причиной того, почему Джулиан попросил меня сохранить именно этот талисман.

Мэри протянула мне толстенький конверт. Я открыл его и вытащил лист пергамента. Вместе с ним внутри лежал небольшой кусочек резного дерева. Он был всего в дюйм

шириной и высотой не более полудюйма. На дереве были вырезаны две руки, держащиеся друг за друга.

Я развернул мягкий лист.

Серьезно отнеситесь к выбору того, что влияет на вас

Мы идем по жизни не сами по себе, отдельно от окружающих. Так что нам следует всегда быть очень внимательными по отношению к тому, какие люди и предметы нас окружают. Проводить время в таких местах, которые вас вдохновляют и наполняют энергией, и связывать себя с теми людьми, которые радуют вас и дарят вам душевный подъем, это один из секретов мудрых людей. Как на работе, так и в обычной жизни, наши самые добрые и позитивные друзья и коллеги будут вдохновлять нас становиться лучше и стремиться жить полной жизнью.

Я сложил лист и убрал его в карман.

– Полагаю, завтра вечером я встречусь с некоторыми людьми важными в вашей жизни, – сказал я.

– Именно так, – ответила Мэри. Она аккуратно сложила талисманы в мешочек. – Джулиан теперь стал одним из них. Хотелось бы мне, чтобы он тоже смог приехать.

Было еще только десять вечера, но по барселонскому времени уже перевалило за три часа ночи. Мэри протянула мне мешочек с талисманами и проводила в спальню, расположенную на втором этаже.

– Ванная прямо по коридору, а полотенца я положила вам у кровати, – сказала она. – Спокойной ночи, увидимся с вами завтра.

Проснувшись следующим утром, я чувствовал себя так, словно с трудом возвращаюсь к жизни. Несколько минут я просто лежал в постели, пытаюсь вспомнить, где я. Из-за двери доносился запах кофе и вафель с корицей. И вот тогда-то я вспомнил – Кейп-Бретон.

Когда я спустился на кухню, Ангус и Мэри уже вовсю хлопотали.

– Берите кофе, не стесняйтесь, – сказала Мэри. – Блинчики с яблоками уже практически готовы.

Рядом с кофейником стояли синие керамические кружки. Я взял одну из них и налил себе кофе. Он был крепким и душистым – как раз то, что нужно. Вот чего мне не хватало в отеле Барселоны и в Киото. Теплых утренних ароматов завтрака, разносящихся по дому.

Стоило только Мэри поставить дымящуюся тарелку с блинчиками в центре стола, как зазвонил телефон. Трубку снял Ангус и почти сразу нахмурился.

– Сколько? Так. Какие-нибудь еще травмы? Уверен? Ладно, приложи лед ко рту, и встретимся у меня в кабинете через полчаса.

Ангус повесил трубку и посмотрел на Мэри:

– Это Коннор Аштон. Он упал с велосипеда и сломал передние зубы. – Затем он повернулся ко мне: – Извините меня, но тут такое происшествие – мне нужно спешить.

Я едва успел сказать, что все понимаю, как он уже скрылся за дверью.

Пока мы с Мэри прислушивались, как разлетается гравий из-под колес его машины, Мэри положила несколько блинчиков мне на тарелку.

– Боже мой, – вздохнула она. – Теперь я даже не знаю что и делать. Мне следовало бы прокатить вас по окрестностям, но тогда я не успею подготовиться к ужину.

И тут я подумал, что какой бы неудачной ни была данная ситуация для малыша Коннора Аштона, мне она прилась как раз кстати. В моем распоряжении была арендованная машина, и я мог отправиться покататься по Кабот Трейл самостоятельно, оставив Мэри делать то, что ей нужно успеть. Она согласилась с моим предложением.

– Если вы не боитесь высоты и любите ездить на машине, все будет отлично, – сказала она. – Там невозможно заблудиться. Это круговой маршрут длиной всего две сотни миль.

Нужно просто ехать по главной дороге, и в конце концов вы снова окажетесь здесь. Но вам постоянно будет хотеться остановиться, чтобы полюбоваться окружающими видами или небольшими городками вдоль дороги.

После завтрака Мэри нашла дорожную карту, и мы сели изучать ее. Мэри обвела некоторые точки на карте и на отдельном листочке записала их названия, а также сообщила что где стоит сделать или посмотреть. Получился довольно внушительный список.

– Знаю-знаю. Одного дня тут недостаточно. Но вы можете выбрать, что вам будет по душе. И звоните мне, если у вас появятся какие-нибудь вопросы. – Мэри дала мне с собой бутылку воды, фрукты и пару бутербродов. Я сказал, чтобы она не переживала за мой обед, я ведь смогу заехать куда-нибудь и перекусить по дороге.

– Ну, – ответила она, – когда вы доберетесь до плоскогорья, там, пожалуй, и не окажется таких мест, где можно перекусить. Вам необязательно съесть все это, но так у вас будет чем перекусить, если захочется.

Когда я добрался до долины Маргари, было еще раннее утро. Мэри посоветовала мне объезжать Кабот Трейл по часовой стрелке так, чтобы я ехал по внутренней полосе дороги, взбираясь и спускаясь с гор. Сейчас с обеих сторон от меня возвышались зеленые холмы. Я ехал уже минут двадцать, а навстречу мне попала всего пара машин. Мимо пролетел ястреб, и краем глаза я уловил какое-то движение среди деревьев. Возможно, просто птица или белка, но я гадал, удастся ли мне увидеть лису или оленя.

Я задумался о записке Джулиана о том, как люди и предметы влияют на нас, и о решении Мэри сберечь в своей жизни то, что ей дорого. Ее история заставила меня вспомнить о друзьях, отношения с которыми мне хотелось бы восстановить. И я подумал, что хотел бы чаще видеться со своей сестрой Кирой и с мамой. Кира всегда умела находить лучшее во мне. В ее присутствии я словно становился таким человеком, с которого младшая сестренка могла бы брать пример. И мама – я понимал, что воспринимаю ее как должное. Ее привычка напоминать мне надеть свитер или сходить в туалет – даже когда я уже вырос и сам стал отцом – порой так меня раздражала, что я мог пулей выскочить из дома после воскресного ужина, будто спасаясь из пыточной камеры. Но я также осознавал, как мне с ней повезло. И начинал чувствовать, насколько я ей благодарен. Когда я возвращался домой, наигравшись в бейсбол, она всегда спрашивала: «Ну как повеселился?» – вместо того чтобы интересоваться, выиграл ли я. И ей всегда удавалось найти нужные слова, чтобы сказать что-то хорошее о ком бы то ни было – даже о дяде Тэдди, а для этого нужно было как минимум не уступать Пикассо в изобретательности. И, когда умер отец, она проявила такую силу и мужество, каких я и представить себе не мог. Почти сразу после его смерти она пыталась заботиться о нас с Кирой, переживая о нашей потере сильнее, чем о своей собственной. Я подумал, что определенно хочу, чтобы мама больше влияла на меня в жизни.

Но что о тех людях, которые тянут меня вниз? Люди, которые несут в себе толику негатива? Я сразу вспомнил о Дэвиде и Свене, но я не мог назвать никого из моих близких. Даже когда мы с Аннишей ссорились... Может, я и вел себе не так, как подобает, но было ли виной ее влияние? Или я просто всеми силами старался выиграть спор? Анниша – один из самых больших оптимистов среди всех, кого я знаю, – и, вероятно, именно поэтому она так долго терпела, пока я пресекал все ее просьбы. Но как насчет Тессы? Она яркая, веселая и красивая. Во многом она напоминает мне Аннишу. Я бы хотел, чтобы она оставалась частью моей жизни. Но в роли кого? Я решил, что, когда в следующий раз остановлю машину, непременно отправлю запоздалый ответ на ее сообщение. Я скажу ей правду: я нахожусь в переходном состоянии, пытаюсь разобраться со многими вопросами в своей жизни. Я ценю ее письмо и ее мысли, но лучше нам будет поговорить об этом когда я вернусь. Мне нужно немного времени, чтобы разобраться во всем этом.

Еще до полудня я добрался до Национального парка высокогорья Кейп-Бретон. Следующие шестьдесят миль дорога будет петлять по границе парка вдоль побережья. Мэри

посоветовала мне немного прогуляться в конце парка, и я предвкушал с нетерпением, как выберусь из машины, разомну ноги и съем свой ланч.

Я следовал указателям, двигаясь к местечку Ле Шмэн дю Бютро, и в конце концов подъехал к небольшой парковочной площадке, покрытой гравием. На табличке у начала маршрута было написано, что дорога займет около девяноста минут. Я огляделся. Был теплый весенний день, и солнце стояло высоко в безоблачном небе, но парковка была пуста, и кругом не было ни души. Мэри предупредила меня, чтобы я остерегался койотов. Обычно они не подходят близко к людям, но недавно был случай, когда они напали на туриста. Я решил, что ланч лучше съесть в машине, когда вернусь после прогулки. Мэри дала мне тяжелые палки для ходьбы, просто на всякий случай. С собой я взял только их и бутылку воды.

Тропа была узкой, все время петляла и почти сразу пошла резко вверх. Местами, наступая на очередной корень или булыжник, я чувствовал себя так, словно взбираюсь по пологой лестнице. С одной стороны от меня плотными рядами вздымались сосны, оставляя густой аромат растений в сыром воздухе. Кругом пели птицы, но кроме них – ни одного звука в лесу.

Мэри сказала, что после мили ходьбы мне придется подняться более чем на две сотни футов, прежде чем я доберусь до того места, где тропинка поворачивает, огибая вершину холма. «Оттуда открывается великолепный вид».

Однако она не говорила, что по пути мне будут попадаться также и исторические памятники. Спустя примерно двадцат минут сбоку от тропы я увидел указатель и прочел, что слева я увижу руины одного из пяти домов Ле Бютро – французско-канадского сельского поселка. Вглядываясь в просветы между деревьями, внизу холма я заметил неровный каменный прямоугольник – фундамент крошечного дома.

Я знал, что нахожусь на франко-канадской территории. Мэри также посоветовала мне остановиться в небольшой рыболовецкой деревушке Четикамп до того, как я увижу ее древние истоки в парке.

Так что за час до начала моей прогулки я съехал с шоссе и припарковался рядом с рестораном на стороне дороги, расположенной ближе к воде. Несколько магазинов и других зданий ютились на узкой полоске земли между дорогой и бухтой. Мэри думала, что меня могут заинтересовать местные плетеные ковры или захочется попробовать *шаудэ*, традиционный стейк из рыбы, но я не хотел заходить внутрь. Я еще недостаточно проголодался. Вместо этого я спустился по деревянной лесенке между магазинами и прошелся по набережной к нескольким узким помостам. Вдоль пристани выстроились современные промышленные рыболовецкие суда, похожие на судно Ахмеда. На одном из помостов красовалось огромное объявление о круизах для желающих полюбоваться на китов. Рядом стояло небольшое судно, неподалеку надувная лодка. Мэри советовала мне выбирать какое-нибудь не слишком новое судно, если я захочу посмотреть на китов, – надувные лодки производят много шума и волн, которые нарушают спокойствие моря. Но я решил, что лучше потрачу время на прогулку.

Перед тем как вернуться в машину, я прошелся немного назад вдоль шоссе, пока рестораны и магазины не сменились небольшими деревянными домиками. Узенькая тропинка простиралась перед ними, отделяя их от шоссе, проходившего практически перед их порогами. Позади зеленела небольшая лужайка и за ней воды залива Святого Лаврентия.

Кабот Трейл когда-то был небольшой тропой, гораздо уже, чем сейчас, хотя все эти дома уже тогда ютились по краям, омываемые с другой стороны солеными ледяными морскими водами. Мэри рассказала, что в Четикампе и на окрестных землях все еще говорят на французском. Здесь живут потомки франкоканадцев, которые в середине 1700-х годов были изгнаны Британией из долины Аннаполис в Новой Шотландии. Захватив в 1710 году французское поселение Акадия, Британия потребовала, чтобы его жители поклялись в верности британской короне. Большинство акадцев занимались в основном сельским хозяйством и были далеки от политики – больше всего они хотели оставаться в стороне и не

встревать в разногласия между Францией и Британией в Северной Америке. Однако многие из них снабжали продовольствием французские военные крепости в современной Новой Шотландии и Нью-Брансуике. Так что, хоть большая часть акадцев десятилетиями мирно жила, подчиняясь британской короне, было решено, что они представляют серьезную угрозу для Британии, и их начали депортировать в Европу и в британские колонии. Многие акадцы, высланные обратно во Францию, позже эмигрировали во французские колонии в Северной Америке. Наиболее значительная часть отправилась в Луизиану, и их потомки стали теми, кого мы теперь называем каджунами. Я и так знал об этом, но Мэри также рассказала мне, что небольшая группа тех людей отправилась на остров Кейп Бретон и обосновалась на его северо-западном побережье. Гуляя вдоль этих крошечных домиков, я думал о том, насколько обособленно и изолированно, должно быть, чувствовали себя жители Четкиамп – вероятно, всего несколько сотен людей на каменистых просторах побережья этого скалистого острова. Каково же им было? Горстка семей, приехавшая из огромных сельских поселений с тысячами жителей, они, должно быть, во всем зависели друг от друга. Но если уж Четкиамп казался мне столь изолированным, то что и говорить о Ле Бютро?

Пока я шел вдоль фундаментов домов, оставшихся от Ле Бютро, развалившихся настолько, что они скорее напоминали просто оголившиеся кусочки скал, я пытался представить, как большие семьи могли жить в столь крошечных зданиях. За домами простирались открытые площадки – то, что раньше использовалось как пахотные поля, – вплоть до реки Четкиамп. Сложно представить, как им удавалось вести хозяйство на столь неровной местности или целыми днями болтаться в тонкой рыболовецкой лодочке. На табличках у дороги я прочитал, что, когда море очищалось ото льда, мужчины проводили дома в Ле Бютро только воскресенье, а на неделе возвращались в рыболовецкие лачуги в Четкиамп или Ля Блок. Зимой некоторые семьи переходили замерзшую реку, чтобы добраться до города за покупками или – в более поздние годы – чтобы пойти в школу. В теплое время года, чтобы добраться до города, они ходили по дороге для повозок, по остаткам которой я как раз и шел.

На этом клочке земли людей было мало. В 1936 году тут было всего две семьи по фамилии Ле Бланк, а вместе с ними Чейссоны, Ле Брунсы и Девуа. В каждой семье было от девяти до одиннадцати детей. Итого человек пятьдесят.

Насколько сильно мой мир отличался от этого! Сотни коллег, друзей и соседей, окружающих меня на мили и мили вокруг. Восемьдесят первоклашек в школе Адама. Так много людей. Я подумал о записке Джулиана: внимательно выбирайте окружающих вас людей. У меня был выбор. В прошлом многие люди не могли позволить себе такой роскоши. Выбирать особенно не приходилось, однако сколь много зависело от той горстки людей, которые окружали тебя в жизни!

Вид с вершины Ле Шмэн дю Бютро открывался и впрямь изумительный – внизу простиралось побережье с песчаными пляжами, вдали виднелась синяя водная гладь. Но этот прекрасный пейзаж был только началом.

Час спустя, когда я, сидя в машине, выезжал на плоскогорье, крутые повороты, резкие спуски и подъемы заставили меня призадуматься, как вообще можно было передвигаться по такому рельефу без современного шестицилиндрового механизма. Ясно было, почему эта часть земли остается столь слабо населенной. Я очень часто останавливался, чтобы полюбоваться на окружающий пейзаж, всматриваясь в океан или оглядываясь на темно-зеленые склоны гор. Я проехал мимо музея китов в Плезант Бэй, подумав, что обязательно должен вернуться сюда вместе с Адамом. Я притормозил, чтобы взглянуть на летний домик Александра Грехэма Белла, расположенный рядом с Ингониш. Долгое время я сидел на пляже Рек Ков, замороженно наблюдая, как волны разбиваются о гальку на берегу. Был уже поздний вечер, когда я въезжал обратно на подъездную аллею около дома Мэри и Ангуса.

Ужин, который организовала Мэри, действительно оказался весьма необычным. Стол

ломился под горами лобстеров, а когда их убрали, воздух наполнился звуками скрипок и губных гармошек. Друзья Мэри и Ангуса были энергичными, интересными и веселыми людьми. Они обсуждали все: от политики и искусства до мировых проблем и музыки. Но больше всего мне, пожалуй, был приятен разговор с отцом Ангуса еще до приезда всех гостей.

Я предложил свою помощь на кухне, но Мэри отправила меня в гостиную:

– Выпейте по пиву с Доном. Мы с Ангусом вдвоем работаем быстрее.

Дон был невысоким человеком, но крепкого телосложения, какое бывает у людей, зарабатывающих себе на жизнь физическим трудом. Его жилистые руки были в мозолях, плечи слегка сутулыми, но в глубине зеленых глаз светилась задорная искорка.

Я захватил нам с кухни по бутылке пива (Дон только буркнул «кхм», когда я спросил, нужен ли ему бокал). Затем мы оба плюхнулись в глубокие кресла в гостиной и стали разглядывать деревья, что росли перед домом. Ангус уже рассказывал мне, что его отец работал шахтером, но мне было очень интересно узнать, что это была за жизнь.

Дон, казалось, с удовольствием готов был поделиться со мной подробностями.

На шахтах он начал работать, когда ему было тринадцать.

– Мой отец и все дядьки начинали в десять. Но, когда я подрос, ограничение подняли до четырнадцати лет. Но деньги-то нам были нужны. Так что я не стал ждать. Я прибавил себе годок, а отец и его ребята меня поддержали.

Мальчишкам не разрешалось копать уголь. Вместо этого малыш Дон сидел по двенадцать часов в крошечной тьме, дожидаясь удара в огромные деревянные двери, отделяющие зону добычи угля от шахт. Он запускал шахтеров внутрь и выпускал обратно, когда их тележки уже были нагружены.

Дон сказал, что, когда он стал достаточно взрослым, чтобы копать и возить уголь, ему было уже не так одиноко. Рабочим удавалось найти способ скоротать время. Они шутили и рассказывали истории. Пели вместе народные песни и баллады. Но дни все равно тянулись очень долго. Зимой шахтеры спускались вниз затемно и выбирались на поверхность тоже в темноте.

– Долгие месяцы мы видели солнце только по воскресеньям, – сказал Дон посмеиваясь.

И еще были взрывы.

– Я застал шестнадцать, – сказал Дон, потирая лоб рукой.

Взрывы угольной пыли и газов, накопившихся в шахтах, отняли жизни очень-очень многих его друзей и родственников.

– Как вы справлялись с этим? – Я был поражен тяжестью подобной работы.

– Не пойми меня превратно, приятель, – сказал Дон. В его голосе слышался гэльский акцент. – Это была тяжелая работа. Но хорошая жизнь.

– Что вы имеете в виду? – спросил я. – Что же было хорошего?

Несколько секунд Дон молчал. Затем он пару раз постучал рукой по подлокотнику своего кресла и сказал:

– Не знаю, сможешь ли ты правильно меня понять. Но есть что-то в том, чтобы работать вместе с группой парней, которые каждый день держат твою жизнь в своих руках. После первого взрыва вместе с одними ты выбираешься наверх и раскапываешь других. Кто-то старается пробиться через завал, чтобы найти тебя, чтобы вытащить тебя наружу. А ты сидишь там часами, запертый внизу. Иногда ты оказываешься там вместе с десятком других. И вновь, спускаясь в шахты после взрыва, ты уже смотришь на этих парней совсем другими глазами. Ты теперь связан с ними навсегда. И ты чувствуешь себя счастливым. Благословленным.

– Ничего себе, – сказал я все еще с сомнением в голосе. – Даже если так, мне кажется, я бы все равно предпочел стать рыбаком.

– Святые угодники! – воскликнул Дон. – Вы не загоните меня на эти скорлупки ни за какие деньги. Если хочешь узнать о по-настоящему опасной работе, поговори с Джо, отцом Мэри. – Дон покачал головой: – Это действительно храбрые ребята, я отвечаю!

Весь день я ехал вдоль крошечных рыбацких деревушек. Шахты или ловля рыбы – вот и все возможности для карьеры для многих поколений мужчин, родившихся в этом уголке земного шара. Коллективная опасная работа, которой занимается небольшая группа людей. В Японии на одних из самых густонаселенных островах в мире мне напомнили о том, как важно внимательно относиться к окружающим. Здесь же я смог ощутить ценность отношений между людьми. Здесь имеют значение люди, которые с тобой живут и работают. Здесь от этого может зависеть выживешь ты или умрешь.

На первый взгляд, это было совсем не похоже на мою жизнь. Кроме Адама, кто еще зависел от меня так, как Дон зависел от своих товарищей по шахте? Но потом я вспомнил о Джуане. Возможно, мой мир отличается от этого не так и сильно-то, как мне казалось. Был такой момент, может, даже не один, когда я держал жизнь Джуана в своих руках. Но я не вывел его на поверхность.

Глава IX

После встречи с Мэри и Ангусом в Сиднее я отправился в Галифакс, где переночевал в отеле. Рано утром нужно было ехать в аэропорт, чтобы лететь в Шанхай. Судя по записке от Джулиана, там мне предстояло пробыть совсем немного – даже не весь день. Раньше я подумал бы, что все это – лишь безрассудная трата денег на авиабилеты. Это же надо! Пролететь полмира, чтобы сразу отправиться обратно! Однако теперь мне это было безразлично.

В полете Ньюарк – Шанхай удалось немного вздремнуть. В Китай самолет прибыл в два часа дня (в Галифаксе в это время было три ночи). Меня встретил Ю Фэнг, серьезный молодой человек, сказавший, что будет моим переводчиком и гидом. Подхватив багаж, он провел меня к выходу из терминала, где нас поджидал блестящий черный «бентли». Погрузив багаж, Ю Фэнг уселся на заднее сиденье рядом со мной.

– Мистер Гао просит передать глубочайшие извинения. Он сейчас на встрече, которую нельзя было перенести. Но надеется, что вы сможете встретиться в его офисе в шесть часов вечера. Потом он приглашает вас к себе домой на ужин. А пока я покажу вам Шанхай.

Я посмотрел на часы. Оказалось, что получение багажа и проход через границу отняли довольно много времени. Тем не менее еще было несколько часов, чтобы посмотреть город, хотя с гораздо большим удовольствием я принял бы горячий душ и немного вздремнул. Поэтому, поблагодарив Ю Фэнга, я сказал, что сначала хочу заехать в отель.

Ю Фэнг что-то сказал водителю, и мы помчались вдоль плотной застройки Шанхая.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросил он, открывая небольшую дверцу в спинке переднего сиденья, где оказался небольшой бар. Затем он выдвинул из кожаного сиденья между нами крошечный столик.

– Мне, пожалуйста, воды, – сказал я, ибо не было настроения пить коктейли.

Мы въехали на мост, выстроенный над широкой темной рекой.

– Это река Хуанпу, – сказал Ю Фэнг. – Офис мистера Гао находится в деловой части города, а вам он забронировал отель в нескольких шагах от Бунда.

Я озадаченно посмотрел на Ю Фэнга, который пояснил, что Бунд – это название широкой набережной, протянувшейся вдоль западного берега реки. Именно там в двадцатых – тридцатых годах европейцы построили много высотных зданий.

– Популярное место среди американских и европейских туристов. Особенно красиво смотрится, когда стемнеет, – заверил господин Ю.

Я кивнул, но промолчал, думая о струях горячей воды и пенистом шампуне.

Открыв дверь гостиничного номера, я остановился как вкопанный, решив, что ошибся. Когда мы вошли в отель, мне показалось, что это – одно из самых роскошных мест в городе. В холле, потолок которого уходил на три или четыре этажа вверх, полы были из черного мрамора, сверкавшего, словно стекло, а элегантная мебель красовалась среди высоких пальм. Но холлы отелей частенько выглядят обманчиво. Мне доводилось повидать такие холлы, которые сияли, словно в пятизвездочной гостинице, хотя номера при этом напоминали комнатухи старых придорожных мотелей. Так что и теперь я вовсе не был уверен в хорошем качестве номера.

Но этот номер оказался не просто «хорошим», но таким шикарным, что я долго не мог опомниться. Я посмотрел на Ю Фэнга, который настоял на том, чтобы проводить меня. Теперь он хмурился и быстро говорил по-китайски со служащим отеля. Затем повернулся ко мне:

– Пожалуйста, примите наши глубочайшие извинения. Пришлось разъяснить, что здесь должны быть фрукты, шампанское и скромный шведский стол, и служащий сказал, что пошлет за всем этим немедленно.

Я все еще стоял у входа в номер, пялясь в пространство, явно большее, чем вся моя квартира. Окна в просторной гостиной были от пола до потолка. За гостиной оказалась еще и столовая, а дальше по коридору – спальня, превышавшая размером любую комнату в тех отелях, где мне приходилось останавливаться. Здесь, кроме обычной для спален мебели, стоял большой письменный стол с рабочим креслом. Ванная облицована волшебным блестящим мрамором. Я был словно в тумане, а Фэнг с любопытством наблюдал за мной.

– Вы, наверное, хотите отдохнуть? Я вас оставлю, но вернусь в пять тридцать, чтобы отвезти к мистеру Гао, – сказал он, слегка наклонив голову.

Когда Ю Фэнг ушел, я внимательно изучил номер. Напротив ванной располагался шкаф, в котором за дверцей красного дерева прятался необъятных размеров телевизионный экран. Я переместился в ванную и открыл все краны, после чего вернулся в столовую, где накрыли стол. Положив на тарелку венесуэльского шоколада, сыра бри, печенья и винограда, я открыл бутылочку «каберне совиньон» и наполнил бокал. Все это на подносе я отнес в ванную комнату и поставил на мраморный столик. Отыскав пульт от телевизора, я нашел любимый боевик.

Наслаждаясь массажем от струй воды, терпким вином и вкусной едой, я вскоре потерял интерес к фильму и выключил телевизор. Зато включил музыку. Час спустя я выбрался из ванны расслабленный, посвежевший и восхищенный. Надев мягкий бархатный халат, я достал свой блокнот и прошел в гостиную, продолжая наслаждаться музыкой. Растянувшись на большом мягком диване, я открыл блокнот и написал: *«Как прекрасно жить! Не могу привыкнуть к этому»*.

Ю Фэнг с водителем забрали меня и на этот раз отвезли к сверкающему небоскребу, где находился офис мистера Гао. Когда водитель остановил «бентли», Ю Фэнг проводил меня через стеклянный украшенный фонтанами холл в офис, расположенный на самом верхнем этаже башни.

Миловидная девушка в приемной сразу же поднялась из-за своего стола и сказала:

– Мистер Ю, мистер Лондри, прошу прощения, мистер Гао был уверен, что успеет завершить встречу к шести. Однако они еще не закончили. Я дала знать, что вы приехали.

В ту же секунду дверь в конце коридора распахнулась, и оттуда вышли люди. Громкие голоса и смех накрыли пространство, словно волна. Вдруг я заметил знакомое лицо и подумал: начались видения. Потом зазвучал голос:

– Мистер Гао, я очень рад вашему согласию. Это, пожалуй, лучший сценарий из тех, что мне когда-либо присылали.

Говорил актер, в котором я узнал кинозвезду – видел его в десятках триллеров и в романтических комедиях. Теперь он шел ко мне, а позади него был еще один человек со знакомым лицом. Я не мог припомнить его имени, но был уверен, что читал его интервью или видел, как его награждают за что-то... Возможно, это был режиссер или знаменитый продюсер. Рядом с этими двумя стоял высокий мужчина азиатской внешности и смотрел прямо на меня. Он положил руку на плечо актеру и что-то тихо сказал ему. Затем направился ко мне.

– Джонатан Лондри, приветствую, – добродушно сказал он, протягивая руку. – Я Гао Ли. Простите, что заставил ждать. Позвольте представить вас моим партнерам.

Оказалось, что Гао Ли – венчурный инвестор. Недавно он вложил деньги в новую голливудскую продюсерскую компанию, основанную небольшой группой. В нее вошли тот самый актер и другой человек, как выяснилось режиссер. Во время только что окончившейся встречи они подписывали итоговые соглашения.

– О вас здесь отлично позаботятся, – сказал актер, улыбнувшись и дружески похлопывая мистера Гао по спине.

Говорят, когда встречаешь знаменитого человека, он кажется меньше ростом, чем ожидаешь. Но этот парень был таким же высоким и мускулистым, как на экране. Одет он был довольно просто, но его одежда все же разительно отличалась от моей. Видимо, именно так выглядит дизайнерская одежда – дорогие и прелестные футболки, джинсы. Солнечные очки были сдвинуты на лоб. Казалось, они там весь день, словно приклеенные к вискам, но готовые в любой миг сползти на глаза, если вдруг хозяину понадобится скрыться от назойливых людей.

– Обязательно соглашайтесь, если мистер Гао позовет вас на свою яхту, – сказал мне актер. – Что за вечеринка там была прошлой ночью! Сумасшествие! У мистера Гао реально отличная яхта, а мы устроили там великолепную гулянку. Спасибо, спасибо за все!

Когда Гао Ли и актер пожали друг другу руки, серьезного вида молодой человек наклонился к Гао и что-то тихо ему сказал.

После этого Гао объявил:

– Господа, вертолет подан. Пойдемте! – Он повернулся ко мне: – Джонатан, присоединитесь ко мне, пока провожаю друзей?

Никогда не был на вертолетной площадке. Мы вышли на другую сторону пентхауса. Поднявшись на лифте на один этаж, мы оказались на ровной просторной крыше. На некотором расстоянии стоял вертолет с вертящимся винтом. Эта картинка – вертолет на крыше стоэтажного небоскреба – казалась сюрреалистической. Ветер трепал волосы, а над нами было необъятное небо. Крыши других небоскребов казались небольшими платформами, парящими над бетонным каньоном.

Актер, режиссер, еще двое нагнулись и побежали к вертолету. Казалось, это для них вполне привычно. Стоило им усесться, как вертушка стала медленно подниматься. Мы с Гао Ли помахали вслед. Я видел, как актер помахал нам в ответ. Затем мы с Гао спустились в офис.

– Извините, что я не смог отправить вертолет, чтобы забрать вас из аэропорта. Пришлось провести очередную проверку безопасности машины.

Я не знал что и сказать, ибо вовсе не претендовал на это.

Пока мы спускались на лифте в офис мистера Гао, мои мысли были в смятении. Его жизнь меняла мои представления о роскоши. Ведь раньше я никогда не ездил на «бентли», но теперь хотел бы это повторить. А еще номер в отеле, роскошный офис, вертолет. И знаменитый актер – как же все это эффектно! Но самое забавное – о чем-то подобном я

думал и мечтал после окончания школы.

Как многие дети, я считал школу своего рода испытанием. При этом меня здесь не обижали, и не было какой-то скрытой неуверенности. Вовсе нет. Просто в подростковом возрасте я страдал от постоянного чувства неудовлетворенности. Я понимал, что у многих детей одежда гораздо хуже моей, но замечал только тех, у кого она была лучше. Во время каникул я постоянно думал о тех, кто летом отправлялся в роскошные морские путешествия, а весной – на лыжные прогулки. Я замечал, у кого велосипед лучше моего, коньки новее и кто больше тратит денег. Я думал о домах, в которых живут такие ребята, о машинах, на которых ездят их родители. Что уж и говорить о тех одноклассниках, у кого уже были свои машины. Их богатство кололо глаза, словно неоновая вывеска дорогого магазина. В те годы, наполненные завистью, я решил, что не буду следовать привычкам родителей, постоянно ищущих скидки, подержанные машины и дешевые туры. После колледжа я собирался зарабатывать много денег и жить стильно.

Разумеется, жизненные реалии сильно скорректировали мои ожидания. Хотя я не смог купить «бентли», приобретенный мною дом был значительно больше того, в котором я вырос. Кровью и потом я пробивал путь вверх по карьерной лестнице, к роскошной жизни. Однако из-за этого я отдалялся от своей цели, начиная подвергать сомнениям свои приоритеты и видеть «хорошую жизнь» в совершенно другом свете.

Жизнь Гао Ли казалась великолепной. Но было непонятно, как к такому уровню можно подобраться. Например, Джулиан продал свой «феррари», а я был не готов продать даже свою мечту о «феррари»!

Гао Ли проводил меня в свой офис. Разумеется, это была роскошная угловая комната с окнами по кругу. Внутри – лакированная антикварная мебель. В одном из углов – парчовый диван и кресла, в другом – стол из слоновой кости. Перед нами на кофейном столике стояло ведерко со льдом и бутылкой шампанского.

– Осталось после встречи, – сказал Гао Ли, перехватив мой взгляд. – Хотите выпить или сразу поедим ко мне домой, чтобы поговорить до ужина?

Конечно же, мне хотелось задержаться в великолепном офисе, выпить шампанского, полюбоваться небоскребами Шанхая, но еще больше разгоралось желание увидеть, где и как живет Гао Ли! Поэтому я сказал:

– Предпочел бы второй вариант.

– Отлично! Я и сам хочу домой. Последние несколько дней развлекал публику из продюсерской компании. Теперь очень соскучился по жене и дочке.

– Ах, да. Я слышал о вечеринке на яхте.

– Надеюсь, не обидитесь, но не смогу прокатить вас на ней. Джулиан говорил, у вас не так уж много времени, а экипаж яхты еще не закончил уборку после прошлой ночи.

– Не беспокойтесь, – откликнулся я чересчур наигранно.

На самом деле я был слегка разочарован. Так хотелось полюбоваться на яхту, поразившую даже голливудскую звезду. Гао Ли подошел к столу и нажал кнопку на телефоне:

– Янг Джингви, пусть Сун Хао подгонит машину. Мы с Джонатаном готовы ехать.

Пока мы шли от лифта через холл, я поймал себя на мысли, что пытаюсь угадать, какую же машину теперь выберет Гао Ли. Седан «мерседес» или спортивную марку – «мазератти» или «порш»? «Ламборджини» или «феррари»?

Выйдя на улицу, я окинул взглядом ряды машин, выстроившихся у входа: «лексус», «альфа-ромео», «BMW», «астон мартин». Я бы остановился на последней, но тут услышал голос Гао Ли:

– Джонатан, нам сюда.

Он подошел к мужчине в ливрее, протянувшему ключи от маленького «вольво». Гао Ли забрал ключи и направился к водительской двери.

Я стоял с открытым ртом и захлопнул его, когда Гао Ли помахал мне. Ведь на такой

тачке вполне могли ездить мои соседи или друзья Адама по футболу. Машина явно не соответствовала уровню мистера Гао.

Мы пронеслись мимо высоких офисных зданий, жилых домов. На каждом повороте я ждал, что вот-вот въедем в район малоэтажных домов или окажемся у небольшого парка, но плотная череда высотных зданий тянулась дальше. Мы с Гао Ли дружелюбно болтали. Он рассказал о нескольких больших венчурных предприятиях, включая продюсерскую компанию и новый завод в Бразилии. Я же рассказал ему о своей работе в сфере машиностроения. Наконец я спросил, откуда он знает Джулиана.

– Мы встретились с ним в суде, он тогда вел дело против меня. На самом деле засудить меня пытался его клиент, но затея успехом не увенчалась.

– А я думал, Джулиан никогда не проигрывает.

– У его клиента не было оснований судиться, но Джулиана это не остановило. Мне еще повезло, что дело появилось в конце его карьеры, когда он уже был «вне игры».

– Видимо, он снова нашел вас, когда вернулся с Гималаев.

– Вы не ошиблись. – Гао Ли припарковался в тесном ряду машин около дороги: – Хотел бы зайти в одну кофейню. Это отнимет не больше минуты.

Гао вышел из машины, пробежался по тротуару и нырнул в небольшое ярко освещенное кафе. Было около восьми вечера и внутри – полно народа. Десятки людей кучковались вокруг крошечных столиков, тянувшихся вглубь узкого помещения.

Как и обещал, вернулся Гао Ли ровно через минуту. Выглядел он очень довольным.

– Еще одно из моих вложений. Мистер Чанг – мой земляк. Здесь начинал с небольшой лавки в одном из торговых центров. Я тогда заплатил половину ее стоимости. Теперь он владеет кафе – самым популярным в этой части Шанхая. Только что мы обсудили открытие филиала.

– Кажется, дела у него идут хорошо?

– Да, по вечерам уж точно. Именно в такое время люди выбирают попить кофе. В Китае пока не привыкли пить кофе по утрам. Но Чанг Нинг работает и над этим. У него уже есть несколько постоянных утренних посетителей. Вдобавок он пытается достучаться до пожилой публики. Но сейчас большинство его посетителей – молодежь, несколько бизнесменов. Тем не менее многие по-прежнему воспринимают кофе как причуду Запада.

Гао Ли переключился на дорогу, а я все думал о крошечной кофейне. Мне казалось это слишком мелким вложением денег для человека уровня Гао Ли.

Спустя двадцать минут мы свернули с оживленной улицы в подземный гараж. Вокруг были только невзрачные многоэтажки, но ничего хотя бы отдаленно напоминающего богатые постройки.

Гао Ли поставил машину на парковочное место. Соседние машины выглядели так же скромно. Он открыл заднюю дверь, чтобы взять журнал и свой портфель, затем направился к лифтам, а я последовал за ним.

Квартира мистера Гао, как и машина, была совсем не похожа на все то, что я увидел в его офисе. Она была значительно больше, к примеру, моего жилища, да и стильная мебель была подобрана со вкусом. Находилась квартира на пятнадцатом этаже, и вид на небоскребы открывался восхитительный, особенно ночью. Но все остальное выглядело слишком просто. Его жена – Гао Линг оказалась скромной средних лет женщиной в темных джинсах и белой футболке. Так могла одеваться и Анниша, но Гао Линг отличали яркие бирюзовые украшения. Ни о каких бриллиантах речи не шло.

Дочь Гао Мэй ушла к друзьям, и ужинали мы втроем. Мистер Гао и я выпили по бокалу вина, а миссис Гао тем временем сервировала стол.

– Вам помочь? – спросил я.

– Нет-нет, спасибо, – ответила Гао Линг.

На столе появилось множество закрытых крышками блюд. Их запах был божественным.

– Вы сами приготовили все это? – удивился я.

Мистер Гао сказал что-то жене по-китайски, и я вдруг подумал, что Гао Линг может не знать английского.

– Жена любит готовить, – сказал он. – Организуя большие вечеринки, мы заказываем еду, но сегодня ужин только на троих, а для такой небольшой компании она предпочитает готовить сама. Хотя иногда позволяет и мне помочь, – рассмеялся мистер Гао. В этот момент Гао Линг устремила на него вопросительный взгляд. Он повторил по-китайски, и она улыбнулась.

За ужином я съел гораздо больше, чем следовало. После еды Гао Ли предложил выпить чаю в кабинете.

– У меня для вас кое-что есть, – сказал он.

Мы прошли в крошечную комнатку, уставленную книжными полками. Письменный стол стоял напротив окна, чтобы можно было любоваться яркими огнями города. Остальное место занимали два кресла и круглый кофейный столик.

Я сел в одно из кресел, а Гао Ли подошел к столу. Открыв ящик, он что-то достал оттуда, а когда повернулся ко мне, я увидел в его руках небольшую коробочку, облицованную красным шелком.

– Талисман Джулиана, – гордо сказал он, протягивая коробочку мне.

Я поднял крышку и заглянул внутрь. Там лежала крошечная ракушка – всего пара дюймов в длину и полдюйма в ширину. Я вынул ее из коробки и положил на ладонь. Обычная, ничем не примечательная морская ракушка. Она не была похожа ни на амулет, ни на драгоценность. На дне коробочки лежал аккуратно сложенный лист бумаги. Я вытащил его и развернул.

Записка гласила:

Самые простые удовольствия и есть величайшие радости жизни

Люди до тех пор не понимают, что в жизни самое важное, пока не становятся слишком старыми. Они тратят лучшие годы жизни в погоне за вещами, которые не так уж и важны. Пока общество пытается навязать им все больше материальных благ, они начинают понимать важность простых удовольствий, ибо именно они поддерживают и обогащают людей. Вне зависимости от того, насколько сложной кажется ситуация, у них достаточно средств на простые блага цивилизации, которые ждут, когда ими воспользуются. И тогда люди станут чуточку счастливее, благодарнее. И каждый день превратится в великолепный дар.

Я поднял глаза на Гао Ли. Пленительные возможности богатого человека, которые мне довелось увидеть сегодня вечером, но простая квартира и неприметная машина.

– Наверное, вам есть что сказать об этом, – заметил я, показывая на ракушку.

– Да, я думал об этом талисмане и записке Джулиана. Но для начала, я думаю, вы хотели бы задать мне несколько вопросов?

Я не понимал, к чему он клонит.

– Заметил, как вы удивились, увидев мою машину и квартиру. Мне кажется, у вас есть вопросы и о кофейне. Но вы слишком вежливы. Не волнуйтесь, спрашивайте, я не обижусь.

Мне определенно не удалось скрыть свои мысли. Мистер Гао уже все понял, но хотел, чтобы я выразил это словами. Ну что ж, придется:

– Все эти яхты, «бентли», вертолеты. На первый взгляд кажется, что дела у вас идут замечательно, но... Я не хотел бы казаться грубым, но ваши машина, квартира... Они, конечно, неплохие, но...

– Но они не похожи на дом и автомобиль богатого человека, – улыбнулся Гао Ли. – Вы гадаете, пытаюсь ли я создать иллюзию успеха в делах, не испытываю ли на самом деле

финансовых трудностей?

Я промолчал, мне было неловко.

– Нет, Джонатан, у меня нет финансовых трудностей. Все признаки богатства, которые вы видели сегодня, реальны. Я очень, очень богат. Но моя машина и дом связаны с тем листком, который вы держите в руках.

И он кивнул на записку Джулиана.

– «Вольво» и есть простое удовольствие? – спросил я.

Гао Ли рассмеялся:

– Для кого-то, быть может, да, но я не очень-то люблю машины. Понимаете, Джонатан, я не был рожден богатым. Моя семья недотягивала даже до среднего класса. По стандартам Северной Америки, уж точно. Мои родители работали на швейной фабрике в Ксинтанг. По сравнению с той лачугой, в которой мы тогда жили, эта квартира показалась бы дворцом.

Я начал понимать: Гао Ли многое измеряет по стандартам и понятиям, сформировавшимся в моей среде – среде среднего класса.

– Я не пытаюсь смутить вас, Джонатан. Я только хочу объяснить контрасты, которые вы заметили сегодня.

Я кивнул.

– Рассказ о том, как я выбрался из Ксинтанг и оказался здесь, занял бы весь вечер. Скажу лишь, что я таки уехал и начал в Шанхае с небольшого бизнеса. Я много работал и был достаточно удачлив. В результате сумел продать свое дело за сумму, казавшуюся тогда заоблачной. Эти деньги я стал инвестировать в большие и маленькие предприятия. Их в последние годы было достаточно.

Гао Ли пояснил: когда его дела пошли в гору, он стал делать все то, что должен делать любой богатый человек. Он покупал дорогую одежду, роскошные машины, яхты. Он спускал невероятные суммы на обеды, путешествия и подарки.

– Правда, я так и не купил ни одного гламурного пентхауса или огромного дома. Моя жена и слышать об этом не хотела. В эту квартиру мы вселились еще до рождения дочки. Гао Линг привыкла и не хотела отсюда уезжать.

Мистер Гао продолжил рассказ. Однажды жена позвала его в парк – погулять вечером всей семьей. Но он ответил, что на это у него нет времени – встреча с дилером спортивных автомобилей, в приобретении которых он заинтересован. Тогда Гао Линг разочарованно спросила: «Тебе интереснее покупать, чем жить?»

– Она не сердилась, но расстроилась. Весь вечер я будто слышал эхо ее слов. И это потом продолжалось днями, неделями.

Гао Ли не купил тогда новую машину. Он понял, что машины ему вообще не интересны, как и фешенебельные дома. Вещи, которые он раньше стремился приобретать, теперь не приносили радости.

– Я покупал потому, что думал: так положено. И я перестал покупать, нисколько не сожалея об этом. А вот о той – пропущенной – прогулке сильно жалел.

Гао Ли сказал, что оставил «бентли» и вертолет для компании. Вертолет экономил время, которое можно было провести с семьей. А яхта стала отличным местом развлечений, для которых дом был слишком мал.

– Именно в этом мудрость талисмана, – добавил Гао Ли. – Я понял, что определенный стиль жизни лишает меня простых удовольствий, *самых главных в жизни* ...

– Не в деньгах счастье? – спросил я.

Это была одна из любимых маминых присказок.

– Поймите меня правильно, – ответил Гао Ли. – Я был беден, а потому никогда бы не сказал, что деньги не важны. Вы сегодня насладились роскошью Шанхая, но не видели бедности, царящей в стране. Бедняки сильно ограничены в выборе. Они не могут просто наслаждаться, так как надрываются на тяжелейшей работе, чтобы не голодать. Все их силы уходят на то, чтобы прокормить и одеть семью, найти жилье. У моих родителей не было времени для удовольствий – ни простых, ни изощренных.

Гао Ли откинулся на спинку стула. Потом опять наклонился и подлил себе чаю. Он предложил и мне, но я отрицательно покачал головой.

– Мне иногда кажется, что многие удачливые люди, избегая бедности, забывают о смысле денег. На самом деле деньги дарят возможность выбора – карьеры, места проживания, вещей. Они позволяют проводить время с семьей и друзьями, радоваться этому. Но люди порой думают, будто деньги нужны, чтобы покупать и потреблять. Они попадаются на удочку очередной блестящей игрушки, собственно, как и я когда-то. Покупая слишком много вещей, тратя слишком много денег, они могут оказаться в ловушке. И такая ловушка может быть более серьезной, чем у бедных людей. Они связывают себя ипотеками, займами, ссудами по кредитным картам. Они хотят зарабатывать много денег, от которых зависит стиль жизни. В этом плане, как говорит Джулиан, чем больше хочешь *иметь*, тем меньше посвящаешь тому, чтобы *стать*. Однако настоящее счастье не в накоплении. Постоянное счастье – в наслаждении общими радостями, например прохладным ветром в жару или звездным небом над головой после тяжелой работы. Или смехом в кругу самых близких людей, участвующих в процессе приготовления домашней еды.

– Ракушка, – сказал я, вынимая талисман из коробочки. – Собирать ракушки на пляже?

– Вот именно, – откликнулся он. – Одно из моих лучших воспоминаний, как мы с женой и дочерью строили песчаные замки на пляже в Циндао. Эта ракушка, которую дал мне Джулиан, послужила отличным напоминанием о прекрасных моментах того замечательного дня. Они – главное богатство.

Некоторое время мы оба молчали. Я думал о другом пляже, другой женщине, другом ребенке. Но что-то по-прежнему не давало мне покоя, и я сказал:

– Но почему бы при нынешнем богатстве вам не отстраниться от дел? Проводить все время с семьей, наслаждаясь простыми радостями жизни?

Он рассмеялся:

– Хороший вопрос. Моя жена постоянно спрашивает об этом.

Выпив немного чаю, он поставил свою чашку на стол.

– Для меня работа – тоже радость, Джонатан. Но дело не только в этом. Помните кофейню, около которой мы останавливались?

Я кивнул.

– Это не единственное предприятие, в которое я инвестировал. На каждый большой проект я стараюсь найти как минимум два небольших дела, которые мог бы поддержать. Ищу людей, думающих об изменении жизни – своей и окружающих. Малый бизнес в деревнях и больших городах; семейные предприятия и интересные задумки студентов; предприниматели с идеями и душой. Я гонюсь за ними, как брокеры за колебаниями рынка. Люди, которым я даю доллары, чтобы они могли превратить их в новые судьбы. Благодаря им моя помощь распространяется гораздо дальше, чем если бы я действовал в одиночку. Добиваться изменений стало теперь для меня важнее, чем делать деньги. И все это делает мою жизнь во много раз счастливее, Джонатан.

– Это потрясающе, – откликнулся я.

История мистера Гао заставила меня почувствовать свою ничтожность.

Гао Ли встряхнул головой и посмотрел в окно на сверкающие огни Шанхая. Казалось, он о чем-то задумался, но потом опять заговорил:

– Через несколько месяцев после своего сердечного приступа Джулиан написал мне письмо, которое мне не хотелось распечатывать, – боялся, что это может быть очередной иск. Но это оказалась написанная от руки записка. Джулиан сообщал, что оставил работу и продал все имущество. Он начал путешествовать и многому научился. А еще написал, что рад проигранному делу против меня и желает лучше со мной познакомиться.

Гао Ли улыбнулся своим воспоминаниям.

– Никогда не забуду последних строчек того письма: «Продолжительное счастье происходит от нашего влияния, а не от размеров нашего дохода. Настоящее удовлетворение связано с ценностью создаваемых нами продуктов и важностью нашего вклада, а не с нашей

машиной или купленным домом. Поэтому самоуважение гораздо важнее общего признания. Но думаю, Гао Ли, вы и без меня это знали».

– Да, я знал, – подтвердил Гао Ли.

Ночью, уже в отеле, я стоял у окна гостиной и смотрел на линию горизонта за рекой. Вид и днем был великолепен, но после заката он напомнил то ли фантастический футуристический парк развлечений, то ли замысловатую выставку абстрактных скульптур. Яркие подсвеченные сферы, колонны, шпили, цилиндры – все блестело и переливалось электрическими кристаллами.

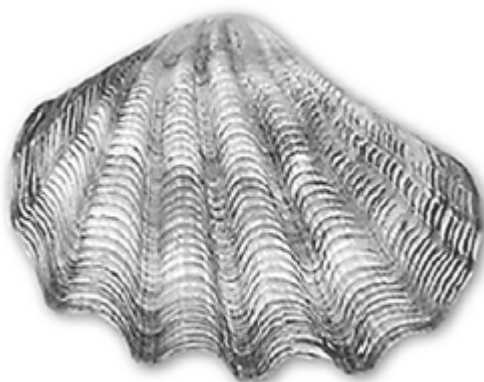
Поездка в отель из дома Гао Ли тоже была необычной. Горизонт переливался всеми цветами радуги. Никогда ничего подобного я не видел.

Но мне постоянно вспоминался разговор с мистером Гао.

Весь этот блеск был очень соблазнителен. Я бы с удовольствием провел здесь больше времени, получше изучил бы город. Но ощущения от офиса Гао Ли, от его «бентли», вертолета, от встречи с кинозвездой или от этого отеля напоминали скорее наслаждение, нежели истинное счастье. Именно это различие так стремился подчеркнуть Гао Ли. Можно ли было надеяться, что богатства помогут мне стать счастливым, если я не могу насладиться даже простейшими радостями жизни? Казалось, и Джулиан, и Гао Ли смогли-таки найти нечто такое, что для большинства богатых людей недоступно: ощущение достаточности.

Правда была в том, что, находясь в роскошном номере отеля, вдалеке от дома, я выбрал бы не яхту, не роскошную машину, не огромный особняк. Я хотел бы получить ответ!

Ночью мне приснились извилистые дороги Кейп-Бретон, по которым я петлял на прошлой неделе. Это заставило вспомнить о Джуане – о последних минутах его жизни. Жил он за городом и в тот вечер возвращался домой после часа пик. Была весна, и дороги не были скользкими. Он мчался по ровному участку магистрали, проходящей по лесистой местности. Здесь он ездил каждый день, но все равно врезался в стальное ограждение и вылетел в овраг... В результате медицинской проверки было установлено, что он получил множество серьезных травм, но причиной смерти все-таки стал сильный сердечный приступ. Его жена Эмили потом рассказала, что виной тому был стресс на работе, и у меня не было в этом никаких сомнений. К тому времени Джуан стал лишь бледной тенью того человека, которого я знал. В последние годы он подвергался на службе постоянному давлению, страдал от изоляции, будучи покинутым друзьями и коллегами. Это и погубило его. Но оставался один вопрос, который преследовал меня, и я отчаянно желал получить ответ на него. Однако это так и осталось для меня загадкой.

Глава X

Поражал контраст гламурного Шанхая и пустынных равнин вдоль аризонской трассы

Финикс – Седона, по которой я теперь мчался. Проболтавшись в воздухе большую часть дня, я арендовал машину в Финиксе и отправился в путь. Несмотря на разницу между часовыми поясами, чувствовал я себя на удивление хорошо. Раньше и не думал, что к смене часовых поясов можно привыкнуть. Но теперь научился засыпать при необходимости, а потом просыпаться с восходом солнца в любом месте.

В северном пригороде Финикса я заехал в ресторан, представлявший собой одну из сетевых забегаловок, где количество обычно предпочитают качеству. Я был голоден и решил, что здесь будет и проще, и дешевле. На стене у входа висел стенд с брошюрами для туристов. Я прихватил несколько, а потом подошел к сотруднице, встречающей посетителей.

Она провела меня к столику, а молодой парень лет семнадцати материализовался у меня за спиной. Взяв заказ – клубный сэндвич и немного сока, – официант будто испарился. Только теперь я глянул на стопку брошюр. Одна из них была посвящена турам к воронкам, что рядом с Седоной. Утверждалось, будто близ Седоны расположено как минимум четыре энергетических воронки, то есть точки пересечения невидимых энергетических линий Земли. Именно в них концентрируется сила, обладающая необычными лечебными свойствами. Оказалось, что с этими воронками связана целая индустрия услуг. В брошюре были перечислены десятки массажистов, умельцев гадать на картах Таро, людей, уравнивающих ваше магнитное поле или помогающих вспомнить все из прошлого. «О, боги, – подумал я. – Достаточно забот и в этой жизни!»

Почему же Джулиан отправил талисман именно сюда? Связан ли он как-то с кристаллами, аурами или энергетическими полями?

Как только я доел сэндвич, юный официант снова появился у меня за спиной и предложил кофе с десертом. Я отказался, но тут же подумал, как же сильно этот юноша напоминает Луиса. Почему-то показалось: чем бы этот парень ни занялся в будущем, он станет все делать успешно и с энтузиазмом.

Заплатив по счету, я вышел из ресторана и направился к своей машине. Пора было отправляться дальше – для встречи с Ронни Бэгай. Согласно информации Джулиана, жила она примерно в сотне миль севернее Финикса.

Проехав несколько минут по автостраде, я опустил стекла. Сухой воздух пустыни приятно обдувал мне лицо – не то что в душном Шанхае. Загудел телефон, но отвечать я не стал, решив, что лучше будет следить за дорогой.

Сообщений из офиса было все меньше: Тесса вообще перестала писать, но и от Наванг ничего не было. Вчера она еще извинилась за молчание: «Извини, что не держу тебя в курсе, но тут творится что-то невообразимое. Последние пару дней Люк, Кэтрин и Свен прячутся в переговорной вместе с группой неизвестных мне мужчин и женщин. Ходят слухи, будто к концу дня или завтра будет что-то объявлено. Слияние сейчас в самом разгаре, но все стараются понять: то ли нас покупают, то ли покупаем мы. Дэвид просто с ума сходит. Он убежден, что его собираются уволить в любом случае».

Я попытался не радоваться этому сообщению – Аямэ не понравилось бы такое злорадство.

«Я не знаю, что и подумать о своей и твоей позиции», – писала Наванг.

Я понял, что неопределенность меня вовсе не тревожит.

Неизбежная реорганизация на работе не была для меня угрозой. Наоборот, это был мой шанс. Если получу выходное пособие, то смогу жить на него, пока буду искать подходящую для себя должность в какой-нибудь компании. Если же после преобразований меня решат оставить, то постараюсь узнать, есть ли для меня другие позиции. После смерти Джуана открылась вакансия в отделе разработки. Возможно, мне следует подумать о ней. В любом случае перестройку в компании можно будет использовать в свою пользу, и я почувствовал некое вдохновение от грядущих перемен.

Это было что-то новенькое – без страха воспринимать изменения. Или не совсем без страха, но мирясь с ним, а такое всегда сопутствовало подъемам в моей жизни. Видимо, я

становлюсь все больше похожим на свою сестру Киру.

Если я всегда выбирал безопасные простейшие пути, то Кира постоянно изобретала что-то новенькое и необычное. После школы она проработала с полгода, а потом решила принять участие в специальной программе обмена для молодежи, включающей работу волонтером в приютах для сирот. Окончив колледж, она объездила весь мир, побывав в удивительных местах: от Малайзии, Бали и Новой Зеландии до Швеции, Эстонии и России, – работая то там, то тут, чтобы иметь средства к существованию. Во время одного из таких путешествий она посетила женское кооперативное предприятие в Гватемале и сильно впечатлилась производимыми там вещами. Это были подушки и постельное белье, искусно вышитое тамошними мужественными и усердными женщинами. Вернувшись, Кира объявила, что станет искать рынок для этих товаров. И через несколько лет она уже управляла невероятно успешным взаимовыгодным предприятием по импорту, располагавшим складами в полудюжине крупнейших городов Северной Америки. Когда родились ее двойняшки, она решила продать дело одному из партнеров, чтобы пару лет посидеть дома, а потом взяться за новую затею. Когда я удивился всему этому, Кира рассмеялась:

– Я не собираюсь проживать один и тот же день снова и снова, называя это жизнью.

Джулиан очень понятно объяснил маршрут, и я часа через полтора свернул с шоссе на дорожку, по которой добрался до жилья. Это были передвижные фургоны с пристроенными верандами и навесами. Однако меж фургонами виднелись небольшие приземистые бунгало. Некоторые были с сетчатыми оградами. Небольшие участки с пожелтевшей травой окружали дома, но казалось, пустыня подбирается к самому их краю, простираясь на мили вокруг. Наконец, я заметил номер дома на почтовом ящике, стоящем перед аккуратным коричневого цвета строением. Я заехал на покрытую гравием подъездную аллею и припарковался рядом с серым пикапом, стоящим перед небольшим гаражом. Пока выбирался из машины в полуденный зной, я заметил, что двор усыпан разноцветными детскими игрушками. Видимо, хруст гравия оповестил Ронни о моем прибытии, и она, стоило мне только подняться на крыльцо, распахнула переднюю дверь.

– Джонатан! – воскликнула она, словно мы были старыми приятелями.

Ронни было около шестидесяти. В ее седых волосах было несколько темных прядей. На загорелом лице были заметны морщинки, но при этом оно не выглядело старческим. Когда Ронни рассмеялась, складки у глаз и рта словно затанцевали.

Ронни проводила меня в гостиную, предупредив, что нужно смотреть под ноги, дабы не наткнуться на раскиданные по полу игрушки.

– Поверите ли, сегодня утром я наводила здесь порядок! – засмеялась она.

– У меня самого шестилетний сын, – сказал я. – Так что я вас понимаю.

Ронни прошла на кухню и выглянула в окно. Я проследил за ее взглядом. На заднем дворе полдюжины детей разных возрастов играли с большим надувным мячом. Ронни сказала, что это ее внуки и внучатые племянники.

Внуки приехали в гости на вечер, а вот внучатые племянники жили здесь постоянно.

– Моя племянница, – сказала Ронни как бы невзначай. – Она всегда ввязывается во всевозможные неприятности. Ее отец был тот еще кадр, да и мама никогда не была в порядке. Несколько лет назад ситуация накалилась до предела. Дело шло к тому, что у нее хотели отнять детей.

Ронни открыла окно и прокричала:

– Роуз, следи, чтобы очередь дошла и до Сэмми, хорошо?

Потом она обернулась ко мне:

– Из наших родственников только у нас с Жозе были место и средства, чтобы взять детей к себе. – Ронни положила руку на грудь, словно держась за сердце. – Лучшее решение, которое я приняла в жизни.

Она подошла к холодильнику и вынула оттуда огромный кувшин:

– Хотите холодного чая?

Я кивнул. Она наполнила два бокала и протянула один мне. Второй она оставила на месте и направилась к задней двери.

– Извините, – сказала она, – я обещала дать ребятам перекусить, и это надо сделать сейчас, чтобы они успели проголодаться до обеда.

Ронни вышла во двор. Я наблюдал сквозь жалюзи, как она направляется в гараж. Несколько минут спустя она вернулась с огромным арбузом. Когда дети заметили его, они побежали на кухню с воплями, скандируя, словно на рок-концерте:

– Арбуз, арбуз, арбуз!

– Первый в этом году, – сказала мне Ронни. – В магазине такой можно купить в любое время года, но я покупаю арбузы, когда наступает настоящая жара. В эту пору они кажутся гораздо вкуснее.

Она приказала детям идти на улицу – к скамейкам для пикника и пообещала, что принесет им поесть, когда все будет готово.

Ронни положила арбуз на огромную разделочную доску, достала здоровенный нож и вонзила его в самую середину арбуза. Он смачно захрустел. Ронни погружала нож снова и снова во влажную мякоть, разрезая арбуз на ломти, которые затем порезала на кусочки, как режут черствую буханку хлеба. Средний из кусочков Ронни протянула мне.

Я не помнил, когда последний раз ел арбуз. Вгрызаясь в холодную сладкую мякоть, я почувствовал, как поток воспоминаний накрывает меня с головой. Другой двор много десятков лет назад. Моя мама. Ее волосы завязаны сзади яркой лентой. И поднос в ее вытянутых руках.

Именно о таких вещах говорил Гао Ли. Здесь, в доме Ронни, этот арбуз был целым событием и поводом для праздника.

После того как Ронни отнесла на улицу огромную тарелку и потом наведальась туда еще раз, чтобы убрать корки и вытереть пару носов, она вернулась на кухню и сделала большой глоток холодного чая.

– Теперь мне пора взяться за готовку, – сказала она.

Я сидел рядом, пока Ронни готовила семейный ужин.

– Моя дочь Роуз посидит с детьми, а мой муж Жозе скоро должен вернуться. Возможно, он приведет с собой сестру. Они вместе работают. Мой дом никогда не пустует. Много хлопот, но мне это по душе.

Она подошла к холодильнику и достала большой пакет красного перца. Помыв его, Ронни обернулась ко мне:

– Неплохо было бы найти тихое местечко, чтобы поговорить. После ужина мы можем поехать к Ред-Рокс, чтобы полюбоваться на закат.

Несколько часов спустя Ронни и я сидели на краю огромного валуна, любуясь на поразительные красные песчаные столбы, возвышающиеся в пустыне. Солнце садилось. Казалось, его угасающее пламя окрасило горы, и они засияли ярко-оранжевым цветом, словно догорающие угольки. Этот пейзаж напомнил мне храм Волшебника в утренних лучах солнца.

– Такое чувство, словно я уже видел это раньше, – сказал я.

– Наверняка в фильмах – в вестернах, – ответила Ронни.

Да, подумал я, скорее всего, так и есть. Но сейчас это воспринималось как-то особенно, словно лично я был связан с этим местом. Может быть, потому, что я уже читал о таком чуде в брошюрах.

– Я читал об этом, – сказал я.

Ронни поморщилась:

– Мы привыкли называть их воронками.

– Воронки, точно. Мы сейчас далеко от них? Есть ли поблизости?

– Есть одна в паре миль отсюда. – Ронни махнула рукой направо, но в подробности вдаваться не стала.

– Судя по вашему тону, вы не особо увлечены этим, – заметил я.

Ронни улыбнулась и поддела носком ботинка плотную почву.

– Что ж, – медленно вымолвил я, – местные жители обычно не считают их священными, как и остальную территорию.

Ронни нагнулась, чтобы стряхнуть пыль с ботинка.

– Я-то не говорила, что не считаю это место особенным. Мой народ всегда считал себя связанным с землей, и я верю в ее целительную силу, в возможность единения с природой.

– Но... – сказал я.

– Действительно «но», – откликнулась Ронни.

Теперь она смотрела на камни. Темнело, и они мягко отсвечивали.

– Мне кажется, наиболее действенное исцеление может произойти где угодно рядом с людьми. Ведь исцеление не ограничено ни местом, ни временем, ни обстоятельствами.

Маленькая серая ящерка пробежала по камням. Я проследил, как она скрылась в зарослях.

– Джулиан рассказывал вам, как мы познакомились? – спросила Ронни.

– Нет, но уверен: за этим скрывается интересная история.

И Ронни рассказала, как встретила Джулиана много лет назад, когда он еще был адвокатом. Поздним вечером Джулиан ехал по шоссе посмотреть на эти самые скалы, которыми сейчас любовались мы с Ронни. Он ездил в Финикс поиграть в гольф. Арендовав роскошную спортивную машину, Джулиан со своей красавицей-подружкой отправился к этим самым камням, прихватив с собой хлеба, немного сыра и огромную бутылку мартини для пикника «после захода солнца». Но еще до Седоны у них сломалась машина. Ронни тогда увидела что-то ярко-желтое у края дороги. Из-под капота машины валил дым. Она притормозила и предложила помочь. Ронни привезла их к себе домой, чтобы они могли позвонить в компанию, предоставившую эту машину. Компания выслала эвакуатор, а другой автомобиль подогнала к дому Ронни.

– Это был долгий вечер, – сказала она. – Мой дом был полон, как обычно: дети, племянники, племянницы. Довольно шумно. Жозе играл на гитаре, дети смеялись, кричали, прыгая на батуте.

Джулиан и его подруга немного поговорили с Ронни и ее мужем, но были раздражены тем, что их планы нарушены. И суматоха в доме Ронни явно действовала им на нервы.

– Девушка все время стучала ногой по полу, а сам Джулиан прикладывался к мартини и каждые две минуты выглядывал в окно.

Когда другую арендованную машину наконец подогнали, Ронни настояла на том, чтобы ее повела подруга Джулиана. Ведь он сам из-за выпитого уже не мог сесть за руль.

Потом, несколько лет спустя, Джулиан позвонил Ронни, напомнил о себе и удивил вопросом, можно ли заехать в гости. Он хотел бы не только увидеть Ред-Рокс, но и поговорить с Ронни.

– Поверьте, я его просто не узнала, – сказала Ронни. – Он словно стал моложе, даже чуть выше. И казался умиротворенным, спокойным, счастливым – вовсе не таким, как мне запомнился.

Джулиан сказал Ронни, что только что вернулся с Гималаев, где жил некоторое время с монахами. Их мудрость перевернула всю его жизнь. Он научился по-другому смотреть на людей и понял, что те, с кем ему довелось встретиться, могут многому научить и многим поделиться.

Ронни и Джулиан оправались полюбоваться на Ред-Рокс в лучах заходящего солнца, как мы теперь. Они гуляли, любуясь камнями, а тишина и спокойствие казались необычными и сильно контрастирующими с шумом и суматохой в доме Ронни.

Когда они в последний раз взглянули на камни, солнце скрылось за горизонтом, Джулиан повернулся к Ронни и сказал:

– Мне кажется, что вам известна тайна жизни. Если бы я спросил, в чем цель всего этого, что бы вы ответили?

Ронни молчала.

– И вы знаете, в чем смысл жизни? – спросил я в изумлении.

– Правда, странно, что Джулиан задал этот вопрос?

Ронни встряхнула головой.

– Знаете, моя мама была из племени хопи, а отец – из навахо. Их верования были похожи, но в чем-то и различны. Я росла в окружении этих поверий. Но мой-то муж – католик! Многие из наших друзей евреи, буддисты, мусульмане. Я пыталась узнать об этих религиях. В молодости много времени провела за учебой, за разговорами с разными людьми.

Небо постепенно темнело: скалы окрасились в темно-красные тона. Ронни взглянула вдаль. Казалось, она глубоко задумалась о чем-то. Потом снова заговорила:

– Долго я пыталась найти ответы. Но в конце концов решила, что есть много истин, которые сходятся в одной.

Я вопросительно взглянул на Ронни. Даже задержал дыхание.

– Смысл жизни, Джонатан, в любви. Это очень просто.

– Значит, если тебя никто не любит, все остальное уже неважно?

– Не совсем. Цель жизни в том, чтобы любить, и любовь должна стать центром мира. Она должна управлять всеми вашими делами. Не думаю, что можно чувствовать себя настоящим живым, если никого не любишь.

Так Ронни когда-то ответила и Джулиану, а он сказал, что монахи согласились бы с ней:

– Они говорили то же самое, но мне пришлось проехать через Гималаи, чтобы услышать это, хотя я мог бы просто поговорить с вами.

– Тогда вы еще не были готовы это услышать, – сказала Ронни Джулиану. – Я могла бы повторить это тысячу раз, но вы не услышали бы.

Ронни закончила свою историю. Пошарив в карманах, она достала небольшой тряпичный мешочек.

– Это талисман, – сказала она и протянула мешочек мне.

Я развязал плетеный ремешок и высыпал содержимое на ладонь. Талисманом оказалось крошечное серебряное сердечко. Казалось, оно сделано вручную – отполированное, с гладкими закругленными краями. Мешочек я держал вверх ногами, и из него выпал многократно сложенный листок бумаги. Ронни подняла его и протянула мне. Там было написано:

Цель жизни в том, чтобы любить

Качество вашей жизни зависит от того, насколько сильно вы любите. Сердце мудрее разума. Цените его. Доверяйте ему. Следуйте за ним.

Мы с Ронни неспеша вернулись к машине. Становилось прохладно, из пустыни подул мягкий ароматный ветер. Не говоря ни слова, мы поехали обратно под шуршание колес.

Ронни явно чувствовала, что мне нужно время для осмысления случившегося. Я понял, что больше всего фокусировался на работе. Но Аямэ, Мэри, а теперь и Ронни помогли мне понять, что я предал самого себя в личной жизни. Я не был верен себе и в выборе друзей, и по отношению к своей семье, к любимым. Если бы я был таким другом, которого сам бы мог ценить, я бы не отвернулся от Джуана. Если бы я старался стать таким отцом, каким хотел бы быть, я бы не урезал время, которое провожу с Адамом. Если бы я был верен своему сердцу, я бы ни на секунду не задумывался о Тессе. Ведь я не любил Тессу, но любил Аннишу. Отчаянно любил!

В ту ночь я остался в доме Ронни. Лежа в кровати, я отправил три сообщения: одно – Аннише и Адаму; второе – только Аннише; третье – Тессе. Всего одно слово: «Извини!»

На следующий день я проснулся, когда солнце только начало пробиваться сквозь

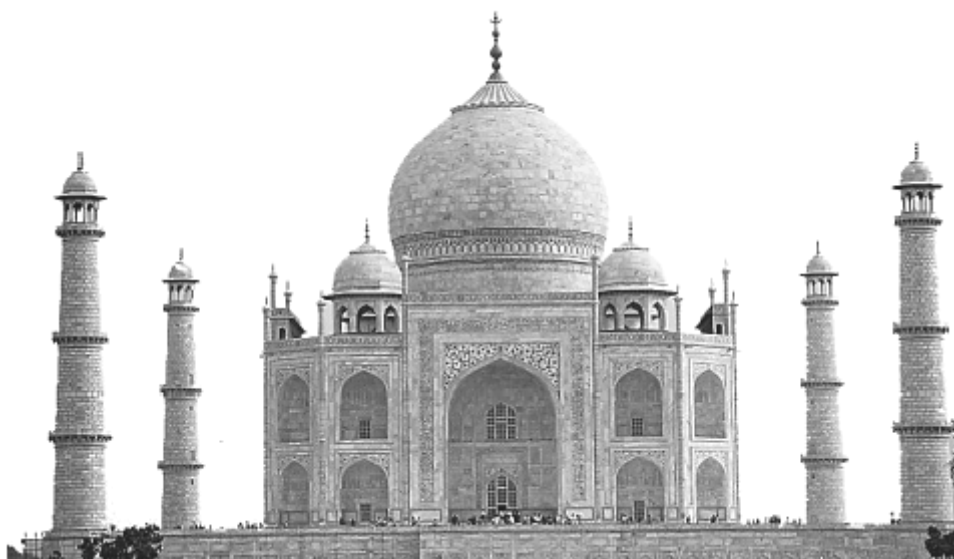
занавески. В доме было тихо. Я оделся, взял блокнот, на цыпочках прошел по коридору к двери и вышел во двор. Ронни и ее муж высадили зелень по периметру двора. Но в такую жару это не помогало, и сухие широкие листья кололи мне босые ноги. Я сел за стол для пикника и засмотрелся на пустыню, простирающуюся предо мной. Я мог различить полынь и булыжники, темнеющие на сухой твердой почве; виднелись пыльные кусты можжевельника и пучки травы.

Мне предстоял последний этап путешествия. Джулиан прислал сообщение о том, что сегодня мне предстоит вылететь из аэропорта Финикса в индийскую столицу Дели. Я спросил, придется ли мне самому встретиться с монахами Сиваны, но Джулиан написал в ответ:

Нет, Джонатан, ты и так уже долго в дороге. Через пару дней сможешь вернуться домой.

Я открыл блокнот и написал: это путешествие затевалось для сбора неких мистических предметов, предназначенных моему кузену. И эта часть путешествия не закончилась. Оставался еще один талисман. Но для меня самого путешествие казалось законченным. Я знал, что должен делать, – быть верным себе, не избегать своих страхов и попросить перевести меня обратно в лабораторию. Либо придется найти другую работу. Я должен вернуться и делать лучшее, на что способен. И это – лишь небольшая часть перемен, которые мне предстоят. Я должен восстановить наш с Аннишей мир, найти способ загладить свою вину и возобновить отношения. Должен посвятить все свои силы Адаму, стать лучшим родителем и не лишать себя радости проводить много времени с сыном. Должен иметь позитивное влияние дорогих мне людей – мамы, сестры, старых друзей и новых приятелей. В письме к талисману Аямэ все верно написано: как я отношусь к окружающим, так отношусь и к себе. Пренебрегая ими, я не даю себе самому быть счастливым. Ведь я не был добр ни с кем. Впредь мне следует внимательнее относиться к тем, кто влияет на меня. Я буду ценить все простые и доступные радости. Я буду работать над всем этим каждый день, проживая его, как целую жизнь. Только ежедневные улучшения, но никаких оправданий.

Я чувствовал себя так, словно теперь у меня есть все необходимое для движения вперед. И это ощущение подарили мне заметки к талисманам. Но какая же мудрость скрывается в последнем?

Глава XI

Я оказался рядом с самым величественным строением из тех, которые когда-либо видел. Это был Тадж-Махал. Смеркалось, и поток туристов постепенно иссяк. Казалось странным назначать здесь встречу, но от моего путешествия и не такого можно было ожидать.

Незадолго до моего вылета из аэропорта Финикса Джулиан прислал мне сообщение с подробными указаниями. Мне предстояло переночевать в одной из гостиниц Дели, а на следующий день я должен был вылететь в Агру, где предполагалась вечерняя встреча у Тадж-Махала с последним из хранителей. Несколько лет назад мне бы не понравилась идея в одиночку ездить по Дели и Агре. Но за последнее время я побывал в стольких местах и пережил столько всего, что у меня появилось ощущение уверенности при встрече с подобными приключениями. Сейчас все мои мысли о прошлом и будущем исчезли. Они не отвлекали меня от главного – ведь я стоял рядом с Тадж-Махалом и любовался его великолепием!

Приехав немного раньше, я надеялся до закрытия Тадж-Махала заглянуть внутрь и осмотреться. Но теперь я понял, как глупо было надеяться за столь малое время осмотреть грандиозное сооружение. Джулиан не сказал, когда мне следует уехать из Агры. Оставалась надежда, что у меня еще будет возможность вернуться и налюбоваться архитектурным шедевром. А пока я кружил вокруг него и всматривался в высь, закинув голову и раскрыв рот.

Я был просто ошарашен! Никакие фотографии не могли передать масштабы дворца, красоту его купола, элегантную симметрию и дивные просторы вокруг. Я начинал понимать, почему встреча назначена на вечер. В лучах заходящего солнца тени на отсвечивающих стенах из мрамора и песчаника переливались, плясали. Подойдя ближе, я заметил, что стены покрыты цветочными узорами, вырезанными из разноцветных камней, и тонкими надписями, идущими высоко вверх. Все это было изукрашено драгоценными камнями и самоцветами. Можно было различить бирюзу, ляпис-лазурит, изумруды, красные кораллы. Я то подходил ближе, чтобы разглядеть детали, то отходил и любовался величиим здания.

Будучи полностью погруженным в свои мысли, я напрочь забыл, зачем я здесь. Вдруг, краем глаза заметив что-то ярко-малиновое, я обернулся. Спиной ко мне неподвижно стоял высокий мужчина. Его одеяние подчеркивало стройность фигуры и развевалось на ветру. Он обернулся, и я заметил улыбку на его лице. Это был Джулиан!

Что здесь забыл Джулиан? Почему он не сказал о своем приезде в Индию? И если он сам планировал забрать последний талисман, то зачем заставил приехать меня?

– Я здесь, чтобы забрать у тебя талисманы, – сказал Джулиан и подмигнул мне.

У меня аж челюсть отвисла.

– Знаю, ты проделал долгий путь. Но я направляюсь в Гималаи, а это – лучшее место для встречи.

Я кивнул, хотя еще не оправился от удивления и замешательства.

– Прогуляемся, – сказал Джулиан, махнув рукой в сторону длинной аллеи, идущей вдоль бассейна, по краям которой росли цветы и деревья. – Найдем местечко, чтобы посидеть и подышать вечерним воздухом.

Оставив Тадж-Махал у себя за спиной, мы направились вниз по каменным ступеням. Вода в бассейне постепенно темнела, пока солнце скрывалось за горизонтом, окрашивая небо в темно-синие тона.

– Хочешь увидеть последний из талисманов? – спросил Джулиан.

– У тебя он с собой? – удивился я.

Джулиан кивнул и достал из кармана своего одеяния маленький коричневый мешочек. Я протянул руку, а он высыпал содержимое мешочка мне на ладонь. Я держал крошечную мраморную копию Тадж-Махала. Но никакой записки не было.

– Позволь мне пояснить его значение, – сказал Джулиан. – Это последний талисман о наследии. Монахи рассказывали, что лучший способ оценить чье-то величие – взглянуть на силу влияния этого человека на следующее поколение. Если мы действительно хотим

подняться на вершины, то вместо «что это даст мне» надо думать «что это даст миру». Поэтому Тадж-Махал – отличный символ наследия.

Я оглянулся, чтобы еще раз увидеть неземной красоты дворец. Теперь он окрасился розовым светом, сверкая, как звезда.

– Да, я понимаю, – откликнулся я. – Это здание сотни лет вдохновляло многих мечтателей из самых разных уголков земли. Не могу поверить, что оно – дело рук одного человека и целой жизни могло хватить на его постройку.

– В этом нет никаких сомнений. Потрясающее произведение искусства, шедевр архитектуры! Мало кто может оставить после себя нечто столь же прекрасное и значительное. Говоря о наследии создателя Тадж-Махала, думал я вовсе не об архитектуре.

Я не совсем понял Джулиана, а он продолжал:

– Позволь поведать тебе историю создания Тадж-Махала.

И Джулиан начал свой рассказ:

– Падишахом империи Великих Моголов в начале 1600-х годов был Шах-Джахан. Свою жену он называл Мумтаз-Махал, что означает «Украшение дворца». Они боготворили друг друга. Но случилась трагедия, и Мумтаз-Махал умерла во время родов своего четырнадцатого ребенка. Согласно легенде, ее последними словами мужу были заверения в вечной любви.

Шах-Джахан был убит горем. После годовичного траура, проведенного в затворничестве и отказе от земных наслаждений, он решил посвятить свою жизнь восславлению возлюбленной. Джахан построил на ее могил дворец, который стал воплощением рая на земле. И теперь ежегодно от двух до четырех миллионов человек приезжают посмотреть на то, что Шах-Джахан создал ради любви всей своей жизни.

Не каждый дарит миру нечто подобное Тадж-Махалу, – дополнил свой рассказ Джулиан. – Но даже крошечный вклад может быть ценным.

Он достал из кармана небольшой кусочек пергамента, протянул его мне, и я прочел:

Действуйте во благо чего-то большего

Не бывает лишних людей. Каждый из нас находится здесь не просто так, а с определенной целью – миссией: выстроить прекрасную жизнь для себя и для тех, кого мы любим; быть счастливым и веселиться; стать успешным по собственным меркам, а не по тем, которые общество стремится навязать; а прежде всего, быть значимым. Наполнить жизнь смыслом и пользой. Помогать как можно большему числу людей. Только так можно выбраться из рамок посредственности к высотам экстраординарности. И оказаться лучшим из лучших.

– Мумтаз-Махал имела немалое значение, – тихо сказал Джулиан. – Она оставила более важный след, чем муж. Именно ее любовь сотворила все это. – И Джулиан обвел рукой окружающий пейзаж. – Иногда наш вклад виден миру. Это прорывы в науке, творения искусства, создание успешных компаний, красивые новостройки. Но порой наш вклад нематериален, его сложно измерить. Важно, чтобы мы вносили свою лепту, оставляя что-то после себя.

Теперь я понимал, что ошибался тогда в Седоне. Ведь был недостающий элемент в наборе талисманов. Это наследие – не то, как заработать деньги, и не признание, но то, как повлиять и внести свой вклад, как сделать мир хоть чуточку лучше. Гао Ли понимал это. И моя сестра. И мама с папой.

Находясь здесь, рядом с восхитительным памятником любви, я знал, что буду думать об этом многие годы. Что же станет моим наследием? На что я могу повлиять?

– Талисманы у тебя с собой? – спросил Джулиан.

Вдруг я с удивлением понял, что не очень-то хочу с ними расставаться. И все-таки я поднял рубашку и медленно отвязал мешочек от петли на ремешке. Джулиан улыбнулся:

– Ты успел к ним привязаться, открыв их мудрость.

– Не знаю.

– Думаю, да. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, на удивление хорошо.

– Никакой путаницы часовых поясов? Никакой усталости?

– Ага, – медленно ответил я.

– Если примешь мудрость талисманов и будешь ей следовать, это может изменить твою жизнь. Мудрость спасительна!

– Но кому грозит опасность? Чью жизнь ты пытаешься спасти этими талисманами?

Джулиан посмотрел на меня, но ничего не сказал. И вся правда вдруг обрушилась на меня. Щеки загорелись, и я сказал:

– Вовсе не было опасности, и мою жизнь не нужно спасать.

Джулиан продолжал молча смотреть на меня, словно дожидаясь чего-то. Талисманы все еще оставались в моих руках.

– Я абсолютно здоров, у меня чудесный ребенок... С женой не все гладко, но...

– Джонатан, тебе, как и мне, прекрасно известно: ты влип. Твоя мама понимала это и очень за тебя волновалась. Она потеряла твоего отца, и ей казалось, что тебя она тоже теряет. Она чувствовала, что ты не сможешь найти счастье и удовлетворение, если продолжишь в том же духе. Ты работал ненавидя свою работу; ты разрушал свой брак и почти пропустил детство сына.

– Значит, все эти талисманы – пустышки, и в них нет никакой магической силы?

– Она – в записках, Джонатан, а еще в твоём блокноте. Талисманы лишь помогли привлечь твоё внимание. Путешествуя, ты получил возможность усвоить то, что было скрыто и в записках, о чём рассказали тебе мои друзья. Ты был готов к трудной встрече со своими страхами и с риском во имя спасения чьей-то жизни. Но, когда начинал, тебе не хотелось все это делать. Думаю, сейчас ты захотел бы.

– А что же хранители? – спросил я. – Они-то знали, что нет никакой магии в этих вещах?

Джулиан улыбнулся:

– В этом я не был честен с тобой, Джулиан. Собрав эти амулеты после разговора с твоей мамой несколько месяцев назад, я отправил их своим друзьям. Они все поняли и были рады помочь. Каждый из них мудр по-своему, а для меня они как бы символизировали ту мудрость, о которой говорилось в записках. Я многому у них научился и хотел, чтобы и ты с ними встретился, поговорил. И это был единственный способ, который я мог придумать. Иначе ты бы просто не поехал.

Мне действительно понравились встречи с друзьями Джулиана. Они напомнили мне тех, с кем я уже не смогу встретиться, – с отцом и с Джуаном.

Мы присели на небольшую каменную скамейку, и Джулиан, положив руку мне на плечо, мягко сказал:

– Многое теперь стало ясно, но есть и то, что до сих пор тебя тревожит.

Я не знал, с чего начать. Рассказал Джулиану все о работе с Джуаном в лаборатории и о своём решении уйти оттуда. Я рассказал, как Дэвид и Свен вынуждали его уйти, а я оставался в стороне, не защищая и даже не пытаюсь поддержать Джуана. А ещё рассказал об аварии.

– Несчастный случай, но ты не уверен? – спросил Джулиан.

– Да... У Джуана случился сердечный приступ. Это известно наверняка. Но когда он произошел? До или после того, как он врезался в ограждение?

Джулиан грустно взглянул на меня, словно знал, что это – не конец истории.

Я посмотрел на камни под ногами, потом на великолепный купол вдалеке.

– За два дня до смерти Джуана я проходил мимо офиса и встретил его. Он был явно чем-то озабочен и буквально врезался в меня, но выражение лица при этом не изменилось. А заговорил он так, словно думал вслух: «Кажется, нет никакого смысла продолжать».

Тогда я подумал, что он говорит об увольнении, и почувствовал постыдное облегчение. По крайней мере мне не пришлось бы каждый день видеть его осунувшееся грустное лицо. Я тогда ничего не сказал Джуану, а он просто прошел мимо меня, не поднимая головы. Но потом...

Слова Джуана разъедали меня изнутри, словно кислота. Были ли они предсказанием аварии? Решил ли он покончить с жизнью, а не с карьерой? Если бы я остановил его, поговорил бы и предложил помощь, поддержку, может, он остался бы жив?

Какое-то время мы с Джулианом сидели молча. Пустота вокруг казалась неестественной после шумных многолюдных улиц Дели и Агры.

Джулиан сложил руки и вытянул ноги. Его кожаные сандалии выглядывали из-под одеяния.

– Я хочу сказать, Джонатан, что всем нам надо, заглянув на пять лет вперед, предсказать, о чем из происходящего сейчас мы больше всего будем сожалеть. И что следует немедленно сделать для того, чтобы избежать именно этого.

Он накрыл мою руку своей:

– Думаю, в этом путешествии ты уже начал действовать. И тебя ждет совсем другое будущее. То, о чем ты говорил сейчас, останется в прошлом. Мы оба прекрасно понимаем: никто не может дать ответ на твои вопросы. И ты должен иметь мужество смириться с этим.

Я надеялся, что ответ Джулиана будет другим, но понял: ждать – дело пустое.

– Джонатан, нельзя двигаться вперед, пока смотришь назад, мы не в силах изменить прошлое.

– Но мне кажется, я должен искупить свою вину.

– Есть только две вещи, которые ты можешь сделать.

Я посмотрел на Джулиана, впервые почувствовав надежду, а он продолжил:

– Во-первых, ты больше никогда не станешь пренебрегать другом и не станешь молчаливым свидетелем жестокости и несправедливости к нему.

Я кивнул.

– Во-вторых, тебе следует простить самого себя. Ты помнишь талисман в виде журавлика?

– Конечно! – ответил я, с нежностью вспоминая Аямэ.

– Помнишь, что говорилось в записке о добром отношении к окружающим и к себе самому? Очень важно прощать других. Но *жизненно необходимо* прощать и самого себя.

Я знал, что Джулиан прав. Возможно, это сложно, но я должен перестать мучиться сожалениями и двигаться дальше.

Джулиан встал:

– Кое-кто еще хотел бы тебя увидеть.

Солнце скрылось, оставив лишь слабую полоску света над горизонтом. На небе ярко засияла луна, подобная золотой монете на куске темно-синего вельвета. Я огляделся. Свет отражался в воде бассейна, но вокруг было темно и пустынно. Вдруг на краю аллеи я заметил силуэт... Джулиан уже ушел, а ко мне в свете луны приближалась женщина. Стройная, невысокая, с длинными темными волосами, падающими на плечи. Она была уже близко, и я увидел ее улыбку.

Анниша! Сердце сжалось, я вскочил со скамейки.

Тут я заметил рядом с ней крошечную фигурку. Мой сын! Опустив голову, Адам старался попевать за Аннишей. Я распахнул руки для объятий и успел сквозь слезы пробормотать его имя.

Анниша, Адам и я решили провести в Агре еще три дня. Это время показалось мне чуть ли не самым важным в жизни.

Джулиан посоветовал хранить талисманы и записки к ним:

– Возможно, однажды ты захочешь отдать их Адаму и рассказать ему обо всем, чему ты научился.

Это заставило меня улыбнуться.

Вернувшись после долгого отсутствия к работе, я понял, что в офисе появились новые лица, но ни Дэвида, ни Свена не было. Уйму времени я потратил на беседы с разными менеджерами и новым начальством.

Многие, в том числе мои клиенты, старались уговорить меня остаться в отделе продаж. Но я знал, где смогу работать наилучшим образом. И после нескольких месяцев временной работы в должности исполнительного технического директора я получил желанный и постоянный пост.

Пришлось разбираться и с прежней квартирой. Ведь теперь я переехал к Аннише с Адамом. Сын уговорил меня стать помощником тренера его футбольной команды. Мы же с Аннишей начали медленно и осторожно восстанавливать отношения.

Первое, что мы сделали, – это установили новую традицию: ужин раз в месяц, в воскресенье, с моими мамой и сестрой, ее семьей и родителями Анниши. А еще мы начали планировать наш следующий отпуск.

– Куда бы поехать? Что бы посмотреть? – спросила Анниша, просматривая путеводители, которые одолжила моя мама.

– Поедем в Стамбул, – предложил я, тепло вспоминая новых друзей и думая о новой жизни.

Записки к талисманам

Сила подлинности

Самый драгоценный подарок, который мы можем подарить себе, – это обещание прожить подлинную жизнь. Однако совсем не просто остаться честным с самим собой. Надо отречься от соблазнов, навязываемых обществом, надо жить согласно собственным условиям, в рамках которых наши ценности определяются истинными желаниями. Мы должны разбудить свое скрытое «Я», разобраться с надеждами, желаниями, силой и слабостями, спрятанными внутри, чтобы понять, кто мы есть на самом деле. Где мы были до этого и куда стремимся теперь. Каждое принятое решение, каждый шаг должны исходить из намерения прожить правильную и честную жизнь. Следуя по этому пути, мы обязательно достигнем того, чего даже представить не могли.

Примите свои страхи

Более всего сдерживает нас в жизни невидимая стена страха. Она заставляет оставаться в зоне нашего комфорта, хотя это, по правде говоря, самое небезопасное место в жизни. На самом деле рискованней всего вообще не рисковать. Но каждый раз, делая то, чего боимся, мы получаем обратно энергию, отнятую у нас страхом, ведь по ту сторону страхов находится наша сила. С каждым шагом в сторону дискомфорта мы становимся свободнее. Чем больше страхов мы преодолеем, тем больше энергии приобретем и станем не только бесстрашными, но и сильными и сможем прожить жизнь, о которой мечтаем.

Наполните жизнь добротой

Важно помнить: наши слова – это наши мысли, а наши дела – это реализация наших верований. Никакие поступки, сколь бы мелкими они ни казались, не становятся неважными: как мы поступаем по отношению к кому-то, определяет и то, как мы поступаем со всеми, включая самих себя. Если мы не уважаем кого-то, то не уважаем и себя. Если мы не доверяем другим, то не доверяем и самим себе. Будучи жестокими, мы жестоки и к себе. Не умея оценить окружающих, мы не ценим и себя. С каждым встреченным человеком мы должны быть добрее, великодушнее, позитивнее, чем могли себе представить. Каждый момент рядом с другим человеком – это шанс проявить наши лучшие качества, повлиять на кого-то своей гуманностью. Каждый может сделать мир лучше.

Каждый день понемногу двигайтесь к своей цели

То, как мы справляемся с мелкими делами, определяет то, как справляемся и со всем остальным. Успешно выполняя простые задачи, мы преуспеем и в грандиозных планах. Тогда мастерство станет образом жизни. Каждое крошечное усилие строится на следующем, и так, кирпич за кирпичиком, можно создать великолепные творения, достичь уверенности и привести в исполнение мечты. Мудрец поймет, что даже самые скромные ежедневные улучшения приведут к невероятным результатам через какое-то время.

Чтобы прожить жизнь наилучшим образом, выберите лучшую для вас работу

Не бывает бессмысленной работы. Любой труд – это возможность выразить свои таланты, создать собственное произведение искусства и реализоваться в том, для чего вы были созданы. Мы должны работать так, как, к примеру, рисовал Пикассо: с преданностью, страстью, энергией и совершенством. В таком случае наша продуктивность станет не только источником вдохновения для других, но будет вносить реальный вклад, меняя жизнь окружающих. Один из основополагающих секретов прекрасно прожитой жизни – работать на важной для вас работе и научиться выполнять ее настолько хорошо, чтобы люди не могли оторвать глаз.

Серьезно относитесь к выбору того, что влияет на вас

Мы идем по жизни не сами по себе, не отдельно от окружающего мира. И нам следует всегда быть внимательными к людям и предметам, нас окружающим. Проводить время надо в местах, которые вдохновляют и наполняют энергией. Связываться надо с теми людьми, которые радуют и дарят вам душевный подъем. Это один из секретов мудрости. Как на работе, так и в обычной жизни наши добрые, позитивные друзья и коллеги будут вдохновлять на то, чтобы становиться лучше и стремиться жить полной жизнью.

Самые простые удовольствия и есть величайшие радости жизни

Очень многие не понимают, что в жизни самое важное, до тех пор, пока не становятся слишком старыми. Они тратят лучшие годы в погоне за вещами, которые, по сути, не так уж и важны. Пока общество пытается навязать нам все больше материальных благ, мы понимаем, что гораздо важнее простые удовольствия, поддерживающие и обогащающие нас. Вне зависимости от сложности текущей ситуации у всех достаточно возможностей для простых благ цивилизации. И мы становимся чуточку счастливее, благодарнее. И каждый день превращается в великолепный дар.

Цель жизни в том, чтобы любить

Качество вашей жизни зависит от того, насколько сильно вы любите. Сердце мудрее разума. Цените его. Доверяйте ему. Следуйте за ним.

Действуйте во благо чего-то большего

Не бывает «запасных» людей. Каждый находится здесь не просто так, а с определенной целью – миссией: выстроить прекрасную жизнь для себя и для тех, кого мы любим. Быть счастливым и уметь отлично повеселиться. Стать успешным, по вашим собственным меркам, а не по меркам, навязанным обществом. Быть значимым, наполнить жизнь смыслом и пользой. Помогать как можно большему числу людей. Именно так каждый из нас может выбраться за рамки посредственности к высотам экстраординарности, чтобы оказаться лучшим из лучших.

Об авторе

Робин Шарма – один из наиболее читаемых в мире авторов. Одиннадцать его книг, таких как «Монах, который продал свой “фerrари”», «Кто заплачет, когда ты умрешь?», «Путь к величию», «Лидер без титула», стали мировыми бестселлерами, вдохновившими многих действовать, влияя на происходящее своими поступками. Уже продано более пяти миллионов экземпляров его книг на семидесяти пяти языках в шестидесяти пяти странах. Среди его фанатов, общение с которыми в Фейсбуке и Твиттере он очень ценит, звезды кино, литературы, представители королевских семей и люди самых различных профессий.

Р. Шарма – популярный оратор, выступающий в разных уголках мира и работающий с Nike, GE, FedEx, IBM, Coca-Cola; с Йельским университетом и с Международной организацией бизнес-лидеров. Более подробную информацию о тренингах Робина Шарма для вашей компании смотрите на сайте robinsharma.com